

№1

2026

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОМЕТЕЙ

МАЙ

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Д Д Е Р
У Ж К А

Н И

<i>От редакции</i>	
Новый этап.....	4
Манифест группы “Коммунистический Прометей”	6
В поисках пути.....	18
Обращение к рабочим России.....	28
Международный обзор: апрель 2026.....	30
Иран как нервный узел кризиса империализма.....	42
От Манчестера Энгельса к глобальному Манчестеру.....	49
Апологетическая концепция производительности всех профессий.....	63
<i>От редакции</i>	
Орудие труда и кибернетический мастерок.....	65
<i>Страницы истории пролетарского интернационализма</i>	
Последнее сражение большевиков.....	70
Введение к “Наброску программы” Интернационалистской коммунистической партии.....	80
Набросок программы Интернационалистской коммунистической партии.....	88
<i>Переписка с товарищем</i>	
По поводу “Манифеста”.....	94

Развитие современных производительных сил предоставляет новые технические инструменты для марксистской печати. Иллюстративный материал данного номера создан с применением технологий искусственного интеллекта (генеративных нейросетей Gemini 3 Flash Image и DALL-E 3). ИИ выступил здесь исключительно в роли средства производства, тогда как идейная концепция, постановка задач и финальная обработка образов являются результатом живого человеческого труда коллектива нашей редакции.

Печатный орган группы “Коммунистический Прометей”.
email: kommunistprometey@ik.me
Тираж: менее 1000 экз. Печать собственная.

ОТ РЕДАКЦИИ:

НОВЫЙ ЭТАП

Выход первого номера журнала “Коммунистический Прометей” – это закономерный итог почти тридцатилетней работы нашей группы. В условиях крайней слабости современного рабочего движения и разрозненности марксистских сил мы не пытаемся начать историю с чистого листа. Напротив, мы опираемся на накопленный политический и теоретический опыт. Наша практика проходила через несколько этапов, каждый из которых требовал уточнения стратегии и последовательного применения марксистского метода к меняющимся историческим условиям.

1998 ГОД: ФОРМИРОВАНИЕ БАЗИСА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Первым шагом стало издание газеты “Комса”, начатое в июне 1998 года, на фоне глубокого экономического кризиса в России. В отличие от многих “левых” групп, мы не считали 1991 год “буржуазной контрреволюцией”; для нас она совершилась ещё в 1925-м, когда победивший в СССР сталинизм свернул курс на мировую революцию.

Наше появление было объективной реакцией на социальный коллапс девяностых. Первоначальный импульс во многом опирался на стихийное неприятие “новой” буржуазии – выходцев из партийно-комсомольской номенклатуры. Однако это отрицание быстро перешло в формулирование чёткого политического фундамента: необходимо полное уничтожение частной собственности и товарно-денежных отношений, а также признание диктатуры пролетариата как неизбежного переходного этапа к коммунизму.

2014 ГОД: ПРОВЕРКА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОМ

Позиции пролетарского интернационализма были присущи нашей организации изначально. Поэтому, когда в 2014 году обострился межимпериалистический конфликт и Украина стала одним из его военных фронтов, нам не требовалось пересматривать свои взгляды.

Этот период заставил нас углубить анализ неравномерного развития капитализма и изменения баланса сил на мировой арене. В условиях, когда значительная часть так называемых “левых” скатилась к социал-шовинизму, мы последовательно отстаивали классический марксистский тезис: у пролетариата нет отечества, а любая современная нация – это лишь политико-экономическая оболочка капитала. Задача рабочего класса в любом империалистическом конфликте сводится к принципу: главный враг – в собственной стране.

2026 ГОД: “КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОМЕТЕЙ” И ЗАДАЧИ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Сегодня ситуация требует от нас перехода к следующему этапу. Как отмечено в публикуемом “Манифесте”, эпоха буржуазно-демократических революций и национально-освободительных движений окончательно завершилась. Капитализм

окончательно заковал планету в цепи мирового рынка, но оставил класс наёмных работников разделённым.

Издание “Коммунистического Прометей” продиктовано необходимостью перехода к практической работе по формированию *мировой коммунистической партии*. Мы трезво оцениваем свои силы, не считаем себя готовой партией и признаём себя лишь одной из частей практического движения к ней. На этом пути мы открыты к взаимодействию со всеми левокоммунистическими организациями, которые последовательно стоят на позициях марксизма и пролетарского интернационализма.

СМЫСЛ НАЗВАНИЯ И НАШИ ЗАДАЧИ

Образ Прометей отражает нашу главную задачу – преодоление буржуазной монополии на знание и привнесение марксистского сознания в классовую борьбу пролетариата. Без усвоения теории стихийный протест остаётся замкнутым в рамках экономических требований и не способен угрожать основам системы наёмного рабства.

Путь от газеты “Комса” 1998 года до журнала “Коммунистический Прометей” 2026-го – это процесс политического и организационного взросления. Мы критически осмысливаем свой прошлый опыт и делаем следующий закономерный шаг.

Мы предлагаем этот журнал не просто для чтения, а как рабочий инструмент для теоретической дискуссии и организационной координации. Призываем тех, кто разделяет наши позиции, присоединиться к работе над изданием и участвовать в процессе формирования коммунистической партии.

Апрель 2026 г.

МАНИФЕСТ ГРУППЫ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОМЕТЕЙ

Данный текст представляет собой наш программный документ. Надеемся он поспособствует формированию теоретического фундамента для объединения марксистских сил на пути к созданию новой мировой коммунистической партии. Документ появился в условиях крайней слабости и раздробленности современного рабочего движения, когда глобальный капитализм вступил в свою высшую, империалистическую стадию упадка, грозящую человечеству варварством и новыми разрушительными войнами. Ключевая идея манифеста заключается в том, что историческая эпоха буржуазных революций завершилась; следовательно, единственным выходом для пролетариата является подготовка мировой революции для полного уничтожения частной собственности, товарного производства и государства.

ПРЕДИСЛОВИЕ

“Манифест Коммунистической партии” Карла Маркса и Фридриха Энгельса был первым историческим программным документом революционной партии мирового пролетариата. И именно в силу *программного* характера манифеста положения, составляющие его *ядро*, его суть, относились не непосредственно к эпохе его публикации, а описывали условия и ставили цели на долговременную перспективу, в которой должно было разворачиваться коммунистическое движение. “Коммунистический Прометей” возник не на пустом месте: в основе нашей деятельности лежит *преемственность и развитие* программного ядра “Манифеста Коммунистической партии”.

Маркс и Энгельс заявляли: *«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»*. Развитие капитализма создало необходимые объективные предпосылки для реализации этого положения: *«Современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими»*.

В “Немецкой идеологии” создатели научного коммунизма указали, что *«современной частной собственности соответствует современное государство»*. Из этого вытекает, что уничтожение частной собственности требует уничтожения государства. Кто должен выполнить эту задачу? В предисловии к английскому изданию Манифеста 1888 года Энгельс, подчёркивая, что так они всегда думали вместе с Марксом, даёт однозначный ответ: *«Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса»*.

И если сами Маркс и Энгельс жили в период, когда те основные социальные факты и задачи рабочего движения, которые были ухвачены в “Манифесте”, в лучшем случае находились на зачаточной стадии, то мы впервые живём в эпоху, когда все указанные положения можно без каких-либо оговорок считать программой мировой коммунистической партии.

ХАРАКТЕР НАШЕЙ ЭПОХИ

С завершением формирования мирового рынка капитализм выполнил свою историческую функцию. Эпоха буржуазных революций и формирования национальных рынков, национальной буржуазии и национальных государств завершилась. Современное нам буржуазное общество на-

ходится на высшей, империалистической фазе, характеризующейся реакцией по *всему* фронту. От восходящей, прогрессивной стадии своего развития капитализм повернул к неизбежному ужасающему упадку, что *уже* было ясно революционным марксистам эпохи Владимира Ленина и Розы Люксембург. К современной же нам эпохе он создал не только гигантские производительные силы, являющиеся объективной предпосылкой его преодоления, но и колоссальные разрушительные силы, способные уничтожить человечество. Задача рабочего класса во главе с его авангардом, мировой коммунистической партией, сегодня сводится к тому, чтобы уничтожить капитализм, помешав ему увлечь за собой в пропасть всё человечество. Коммунизм или варварство – такова альтернатива.

Несмотря на то, что все силы старого мира не замечают этого факта, в недрах капиталистического общества *бродит призрак коммунизма*. Вне зависимости от слабости современных коммунистов – *сознательных выразителей бессознательного процесса* – зреет коммунистическая революция, которая должна будет уничтожить разделение общества на классы и лежащую в его основе частную собственность.

Эта задача не может быть решена без обретения *широкими массами* рабочего класса коммунистического сознания, а это *«возможно только в практическом движении, в революции; следовательно революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»* (“Немецкая идеология”).

ПАРТИЯ

Господствующими мыслями любого классового общества являются мысли господствующего класса. В современном обществе господствует буржуазия, а потому даже в среде наёмных работников *повсеместно* господствуют буржуазные идеологии. *«Для уничтожения идеи частной собственности вполне достаточно идеи коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие»*, – утверждал Маркс ещё в “Экономическо-философских рукописях 1844 года”. Таким образом, *действительная критика* буржуазных идей возможна лишь в рамках *действительного практического движения*, в процессе коммунистической революции. Возглавить это практическое дви-

жение должна мировая коммунистическая партия. Такой партии сейчас нет. Мы не считаем себя этой партией или даже единственным её зародышем. Мы рассматриваем свою деятельность как часть практического движения к коммунизму, как борьбу за создание этой партии, а наш манифест – лишь как один из необходимых шагов на пути к её созданию. В 1999 году со страниц издававшейся нами газеты “Комса” мы заявляли: *«Мы готовы к сотрудничеству со всеми, кто не на словах, а на деле ведёт борьбу за освобождение пролетариата от власти буржуазии; со всеми, кто стоит на позициях классического революционного марксизма, вне зависимости от того, в какой организации эти люди находятся. Наша позиция прежняя – у пролетариата нет сегодня своей партии, мы стоим перед острой необходимостью её создания. Такова ближайшая практическая задача нашей организации»*. Эта задача остаётся актуальной и сегодня.

Сказанное выше не противоречит тому, что существовали и продолжают существовать группы революционеров, зачастую немногочисленные, а иногда и вовсе сводящиеся буквально к единицам людей, которые сохраняют приверженность бескомпромиссному революционному марксизму, обеспечивая его научную чистоту и преемственность во времени, и в этом смысле мы ведём свою родословную от Маркса и Энгельса, большевиков во главе с Лениным, Коммунистического Интернационала периода первых двух конгрессов, итальянской коммунистической левой и российских “постсоветских” коммунистических групп, противопоставлявших свои идеи псевдомарксизму – идеологии фальшивого социализма СССР, заслуженно и неизбежно канувшего в Лету.

Причина отсутствия мировой коммунистической партии не может быть объяснена ничем иным, как отсутствием необходимых условий. *«Условия жизни, которые различные поколения застают в наличии, решают также и то, будут ли периодически повторяющиеся на протяжении истории революционные потрясения достаточно сильны, или нет, для того, чтобы разрушить основы всего существующего; и если нет налицо этих материальных элементов всеобщего переворота, – а именно: с одной стороны, определённых производительных сил, а с другой, формирования революционной массы, восстающей не только против отдельных сторон прежнего общества, но и против самого прежнего “производства жизни”, против “совокупной деятельности”, на которой оно базировалось, – если этих материальных элементов нет налицо, то, как это доказывает история коммунизма, для практического развития не име-*

ет никакого значения то обстоятельство, что уже сотни раз высказывалась идея этого переворота» (“Немецкая идеология”).

Там же создатели научного коммунизма пишут: *«Та или иная организация материальной жизни зависит, конечно, каждый раз от развившихся уже потребностей, а порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение, само есть исторический процесс»*. Внутри класса наёмных рабочих должна вырваться, развиваться потребность осуществить коммунистическую революцию. Наша задача помочь этому. Среда, в которой протекает процесс вызревания коммунистического сознания, не ограничивается экономическими отношениями между капиталистом и пролетарием, то есть отношениями в процессе производства и присвоения прибавочной стоимости. Этот процесс охватывает всю совокупность отношений в рамках капиталистической общественной экономической формации.

Развитие коммунистического сознания происходит *«не столько в силу “экономического происхождения” наёмных работников, сколько в ходе классовой борьбы»*, которая всегда является борьбой политической. Этим тезисом в 1999 году мы провели водораздел между нами и сторонниками рабочих и экономистских тенденций.

Итак, налицо класс, *«который вынужден нести на себе все тяготы общества, не пользуясь [в полной мере] его благами»*, и это неизбежно ставит его в самое решительное противоречие к правящему буржуазному классу; сегодня *«этот класс составляет большинство всех членов общества, и от него исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание»*, но всё это является лишь необходимым, но недостаточным условием для коммунистической революции.

Развитие наёмных работников из случайных индивидов в сознательных выразителей бессознательного процесса *«происходит стихийно»*, *«оно не подчинено общему плану свободно объединившихся индивидов»*, развитие это происходит *«очень медленно»*, *«различные ступени и интересы никогда не преодолеваются целиком»*. Коммунисты могут лишь придать этому процессу более плановый, более организованный характер.

МЕТОД

Теоретическая основа мировой коммунистической партии – марксизм.

Давид Рязанов в своей истории Союза коммунистов писал: *«Маркс и Энгельс нашли, наконец, синтез*

между “политикой” и социализмом и вместе с тем ответ на вопрос, как слить рабочее движение и социализм, до того времени шедшие разными дорогами. Оказалось, что социализм или коммунизм есть высшая форма рабочего движения, [...], что коммунизм может быть осуществлён только рабочим движением, что единственный класс, который может и должен, по своему положению, взять на себя осуществление коммунизма, – это пролетариат. Отсюда сама собой вытекала задача – внесение в классовую борьбу пролетариата света сознания её целей и организация пролетариата в особую политическую партию. Не отчуждение от задач современности, не стремление уйти в сектантскую келью, а вмешательство во все явления общественной жизни, внимательное изучение действительности и активное участие во всех сферах общественной жизни!»

Это было сказано в эпоху, когда буржуазия ещё не решила всех стоящих перед ней исторических задач, – эпоху буржуазных революций. Высшей точкой этой эпохи была Октябрьская революция в России.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ КАПИТАЛИЗМА

Вся дошедшая до нас письменная история человеческого общества – это история классовых борьбы.

От первых крупных восстаний рабов до падения рабовладельческого строя прошло более пятисот лет. Исторический период, начавшийся с первых крупных крестьянских антифеодальных восстаний и завершившийся всемирным утверждением капитализма, также охватывает более пяти столетий.

Первые крупные восстания протопролетариата (цеховых подмастерьев, городских плебеев, мануфактурных рабочих) пришлось на период перехода от Средневековья к Новому времени. В 1378 году во Флоренции произошло восстание чомпи – неквалифицированных подёнщиков суконных мануфактур. Английская буржуазная революция породила пролетарские по своему характеру движения левеллеров и диггеров. Промышленная революция конца XVIII – начала XIX века сопровождалась движениями, которые уже можно назвать собственно рабочими восстаниями против капиталистических условий труда: движением луддитов (Англия, начало XIX века), восстанием лионских ткачей (Франция, 1831 и 1834 годы).

Таким образом, практическое движение к коммунизму развивается во времени и пространстве, проходя через различные этапы, решая различные сопутствующие задачи, преодолевая различные препятствия. Сколько ещё пройдёт времени

до уничтожения частной собственности, нам неизвестно, но мы точно знаем, что теории, которые предсказывают “автоматический” крах капитализма или указывают его конкретные “объективные” границы, являются антинаучными. Таковы теории крушения капитализма из-за критического падения нормы прибыли или исчерпания некапиталистического окружения.

При этом развитие капитализма уже не только тормозит развитие производительных сил, но и всё чаще уничтожает их в катастрофических кризисах перепроизводства, обостряя борьбу за рынки и передел мира между империалистическими государствами. В огне этих кризисов и войн капитализм “омолаживается”, словно мифическая птица Феникс, открывая новые циклы накопления капитала. У пролетариата нет иного пути к освобождению, кроме как через уничтожение капиталистического способа производства.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА

Также в пространстве и во времени происходит развитие и распространение марксизма: из континентальной Европы он распространяется на Великобританию; вместе с мигрантами из Европы проникает в Северную Америку; благодаря обучавшимся в европейских университетах студентам и путешественникам из аристократических семей знакомятся с работами Маркса передовые люди России; позднее идеи научного коммунизма проложат путь и в Азию.

Распространение марксизма Ленин связывал с тремя главными периодами всемирной истории: «1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции [...]».

Первый период занял 23 года, второй – 34, а третий, начавшийся Первой русской революцией, к моменту написания Лениным его статьи ещё не был завершён.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Первый период – это время, когда социализм прокладывал путь от утопии к науке. Начав в качестве одной «из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма», марксизм пробивал себе дорогу через «непонимание материалистической основы исторического движения, неумение выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными якобы социалистическими»

ми фразами о «народе», «справедливости», «праве». На этот период приходится европейские буржуазные революции 1848 года и Парижская коммуна 1871 года. К концу этого периода *«рождаются самостоятельные пролетарские партии: первый Интернационал (1864–1872) и германская социал-демократия».*

Вершинами эпохи буржуазных революций и одновременно прологом пролетарских революций стали Парижская Коммуна и Первая русская революция (1905–1907 гг.). В Парижской коммуне пролетариат, как писал Маркс, открыл искомую историческую политическую форму, при которой класс наёмных работников может осуществить своё экономическое освобождение. Парижская Коммуна стала прообразом *диктатуры пролетариата – полугосударства*, которое было призвано не просто захватить, а сломать старую буржуазную государственную машину. В Первой русской революции пролетариатом руководила марксистская партия, а созданные самим классом наёмных работников Советы стали развитием и продолжением той исторической политической формы, каковой являлась Парижская Коммуна. Эта форма затем будет реализована как в Революции 1917 года в России, так и в Революциях 1918–1919 гг. в Германии и Венгрии.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Второй период *«отличается от первого “мирным” характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них ещё не дорос».*

Возникающие в странах Западной Европы *«пролетарские по своей основе социалистические партии» «учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительские учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса [...] идёт вширь».*

Именно на этом этапе долгого «мирного» капиталистического развития *«внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического оппортунизма».* Ревизионисты вроде Эдуарда Бернштейна *«трусливо проповедуют “социальный мир” [...], отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и “сочувствующей” интеллигенции у них очень много сторонников».*

Но эти самые годы, которые в Западной Европе были временем «мирного» и постепенного развития капитализма, на Востоке являлись временем бурного капиталистического развития. Это противоречивое *неравномерное развитие* капитализма готовило

«новый источник величайших мировых бурь в Азии». «Мы, – писал Ленин, – живём теперь как раз в эпоху этих бурь и их “обратного отражения” на Европе». Тем самым сбылось научное предвидение Маркса, который писал 27 сентября 1877 года, что *«революция начнётся на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции».* Само собой разумеется, что речь шла о буржуазно-демократической революции.

«За Азией, – пишет Ленин, – стала шевелиться – только не по-азиатски – и Европа. [...] Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой “социальный мир”, который больше всего похож на бочку с порохом».

Капитализм вступил в свою высшую стадию – стадию империализма.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

Всемирно-историческое значение третьего периода распространения марксизма заключается прежде всего в том, что он сделал пролетариат ведущей силой в том числе и буржуазных революций, и *самое главное* – он стал началом пролетарских коммунистических революций.

Главным событием всемирно-исторического значения этого периода была Октябрьская революция в России. Соединение двух кризисов – внутреннего кризиса власти буржуазного временного правительства и внешнего – затянувшейся первой мировой империалистической войны, привело к тому, что пролетарской революции пришлось одновременно решать две задачи: завершать буржуазную революцию внутри страны и открывать путь к мировой пролетарской революции. Высшей точкой в решении второй задачи стало создание Коммунистического Интернационала – штаба мировой революции.

Октябрьская революция таким образом имела двойной характер – уничтожая пережитки феодализма, она решала задачи, которые уже не могла и не хотела решить буржуазия, и одновременно пыталась проложить путь к мировой коммунистической революции.

За Октябрьским *штормом неба* в России последовали революции в Германии, Венгрии, Финляндии, начался процесс формирования коммунистических партий в различных странах мира. Эта *беспрецедентная революционная волна* была сметена колоссальной по силе контрреволюцией. В течение 1920-х – 1930-х годов сталинизм в России, социал-демократия, а затем нацизм в Германии, фашизм в различных странах

Европы потопили в крови *первую мировую коммунистическую революцию*.

Непонимание этого *двойного* характера Октября было одной из составляющих ошибочного видения меньшевиков, которые – исходя из односторонней точки зрения, будто экономика России на тот момент страдала не от преобладающего влияния империалистической капиталистической буржуазии, а от недостаточного развития производительных сил, – считали, что русский рабочий класс, хотя и должен был сыграть беспрецедентную роль в организации экономической и политической жизни – особенно в “обороне” – и даже в дальнейшем развитии капиталистической системы, однако не должен был брать всю полноту власти и пытаться строить социализм, так как это было бы преждевременно. Пролетариату отводилась роль того, кто должен был подталкивать в прогрессивном направлении русскую буржуазию – единственный класс, который, по мнению меньшевиков, был в состоянии *руководить* решением актуальных экономических и политических задач. Как написал в 1917 году, уже после взятия власти большевиками, Юлий Мартов: «[Пытаться] *насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия*».

В этом видении отсутствуют два важнейших компонента действительно научной революционной стратегии: во-первых, учёт того *эмпирического* факта, что к моменту наступления эпохи революций в России буржуазия ведущих капиталистических стран стала полностью контрреволюционной, то есть неспособной сыграть руководящую роль в буржуазной революции, готовой предать интересы своего лучшего союзника в борьбе с феодализмом – крестьянства. Из этого факта следовало сделать единственно правильный вывод для тактики пролетариата: ему необходимо привлечь в качестве союзника крестьянство, находящееся под двойным гнётом (феодализма и капитализма), использовать такую сторону его *двойственности*, как его рассудок, а не предрассудок, его будущее, а не прошлое (именно эту мысль высказал Энгельс в “Крестьянском вопросе во Франции и Германии”). Маркс и Энгельс – в отличие от меньшевиков – смогли включить этот важнейший момент в стратегию пролетариата. В работе “Революция и контрреволюция в Германии” Энгельс на обширном фактическом материале представил анализ германской революции (1848–1849 гг.) и развил тезисы, высказанные им и Марксом ещё во времена самой революции: лейтмотив анализа – неспособность немецкой либеральной

буржуазии сыграть руководящую роль в буржуазной революции. Гипотетический благоприятный для пролетариата расклад сил Маркс и Энгельс неоднократно выражали в виде компактных формул: «[только при поддержке крестьянства] *пролетарская революция получит тот хор, без которого её соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню*», или: «[всё] *дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно*».

Однако в середине XIX века условия сложились в неблагоприятную для пролетариата комбинацию, и, по мнению классиков, именно тот факт, что увлечь за собой крестьянские массы смогла *контрреволюционная* буржуазия, а не *революционный* пролетариат, и стал главной причиной того, что революции Весны народов 1848–1849 гг. не были радикальными, не были доведены до конца даже в *буржуазном* смысле, не говоря уже о том, чтобы открыть перспективу для реализации интернационалистской коммунистической стратегии пролетариата. Но такие условия сложились спустя полвека в России, и не воспользоваться ими было бы не чем иным, как предательством класса со стороны партии, претендующей на то, чтобы выражать его интересы.

Во-вторых, у меньшевиков отсутствовало понимание необходимости рассматривать борьбу любого национального отряда пролетариата как *подчинённую* интересам мирового класса в целом. Большевики оставили последующим поколениям революционных борцов *бесценный* опыт: пролетариат *впервые* создал работающий штаб мировой революции, впервые объединил – в действительности, а не в декларациях или моральных пожеланиях – различные отряды класса по всему миру, впервые сделал рабочий класс *субъектом* международных отношений. Но всего этого могло бы и не быть, если бы русские рабочие последовали за меньшевиками и добровольно отказались от взятия власти.

Поражение *первой* мировой коммунистической революции не может быть опровержением правильности марксизма, как не может и опровергнуть логику исторического общественного развития.

Концом третьего периода *условно* можно считать 1925 год, когда по итогам XIV конференции РКП(б) был закреплён переход от курса на мировую коммунистическую революцию к курсу на построение социализма в отдельно взятой стране. Последними всполохами этого периода была гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Начавшаяся

следом вторая мировая империалистическая война сопровождалась лишь ограниченными по силе и значению, разрозненными самостоятельными выступлениями пролетариата, центральную роль в которых играли те, кто принял участие в революционной волне 1917–1923 гг. и в последующей борьбе с буржуазной контрреволюцией.

Контрреволюционная волна и следующие за ней десятилетия господства буржуазии породили не только чудовищ откровенно капиталистической реакции, но и многие из более или менее влиятельных идеологий *фальшивого* социализма – сталинизм, маоизм, кастроизм и геваризм, чучхе, чавизм и др. Все они в своё время родились в качестве *буржуазных* идеологий “догоняющего развития”, призванных сопровождать централизацию и ускорение *капиталистического* развития соответствующих отсталых стран, а в настоящее время заняли заслуженное ими место на окраине кладбища множества буржуазных идеологий, из которого черпают свои “идеи” самые различные фракции буржуазии. Другой составляющей этих идеологий, сближающей их, к примеру, с русским народничеством, были элементы *утопического* социализма, призванные вовлечь широкие массы в строительство *капитализма*, происходившее в действительности, и спрятать его за фразами о мифическом “строительстве социализма”.

Параллельно сохранялись осколки революционного штурма неба второй половины 1910-х – начала 1920-х гг. – *пролетарские* течения, пытавшиеся отстаивать марксизм в условиях широчайших репрессий. Но им не удалось организованно отступить, сохранить редкие кадры, дать научный анализ происходящих и предстоящих социальных битв и создать ядро, которое могло бы стать преемником мировой партии пролетариата. В конечном итоге они зашли в тупик. Самым известным из таких течений является троцкизм, который в настоящее время даже не имеет единой теории и деградировал до уровня мелкобуржуазных идеологий, не выходящих за рамки тех или иных национальных требований или межклассовых союзов. Несмотря на то, что мы не подвергаем сомнению субъективно революционный настрой Льва Троцкого и его заслуги перед классом пролетариата, научная честность требует признать, что зёрна современного троцкизма были заложены теоретическими и политическими ошибками самого Троцкого.

Однако существовали и *пролетарские* течения, в основном в Италии, которым удалось по крайней мере сохранить нить марксизма и подготовить поч-

ву для будущих поколений революционеров. Самым главным их достижением стал в основном верный анализ социально-экономической природы государств, подобных сталинскому СССР, – это *буржуазные* государства, произрастающие из базиса *капиталистической* экономики.

ЧЕТВЁРТЫЙ (ТЕКУЩИЙ) ПЕРИОД

Сегодняшние условия существенно отличаются от тех, которые наблюдали классики марксизма, проследивая следующую *логику общественного развития*: быстрые темпы капиталистического развития сопровождались резким обострением классовых противоречий, положение пролетарских масс становилось всё более невыносимым, и это порождало рост стихийной классовой борьбы. Марксистам тогда следовало лишь *слить рабочее движение и социализм*.

Сейчас высокие темпы капиталистического развития, сопровождающиеся ростом промышленного производства, разложением крестьянства и миграцией населения в города, мы видим в Юго-Восточной Азии и Африке – но и там этот процесс либо уже закончился, либо замедляется. Ждать роста стихийной классовой борьбы наёмных работников в развитых империалистических метрополиях *в ближайшей перспективе* точно не приходится.

Современные условия во всех развитых империалистических государствах близки к тем, которые наблюдались уже во второй половине XIX века в передовых странах капиталистического развития – в Англии и США. Ещё в 1907 году Ленин дал им исчерпывающую характеристику. Пролетариат не проявляет *«почти никакой политической самостоятельности. Политическая арена в этих странах – при почти абсолютном отсутствии буржуазно-демократических исторических задач – была всецело заполнена торжествующей, самодовольной буржуазией, которая по искусству обманывать, развращать и подкупать рабочих не имеет себе равной на свете»*.

Сегодня имеет место более сложная по сравнению с капитализмом XIX – начала XX веков стратификация наёмных работников; в странах развитого капитализма она сопровождается ростом паразитизма и рабочей аристократии, распространением собственнических слоёв наёмных работников и семьи с несколькими источниками дохода; относительно высокая производительность труда приводит к тому, что на промышленных предприятиях *одновременно* находится го-

раздо меньше рабочих, чем в предыдущую эпоху; происходит сближение доходов наёмных рабочих и промежуточных слоёв, а более развитые транспортная система и жилищный фонд размывают (но не устраняют) деление районов проживания на “рабочие” и буржуазные; более развитые формы приняло производство, распространение и потребление господствующей идеологии (соцсети, стриминги, Интернет в целом); империализм создал развитое “социальное” государство.

Именно этим обусловлено отсутствие массового рабочего движения и крайняя слабость революционного меньшинства в центрах империалистического развития (на рабочий класс которых и ложится историческая задача сыграть ключевую роль в коммунистической революции), что делает *в ближней и среднесрочной перспективе* невозможной победоносную коммунистическую революцию.

В то же самое время по всему миру в основном **завершилось первоначальное накопление капитала** (то есть отделение непосредственного производителя от средств производства) в той *последней* сфере, где оно только и могло ещё происходить, – в аграрной. Во второй половине XX века в большинстве своём завершилось разложение крестьянства. Сейчас его не существует как класса докапиталистической эпохи в масштабах, которые имели бы какое-либо мировое значение. Завершилась аграрная революция. Сельскохозяйственное производство стало одним из секторов капиталистической экономики.

Завершилась эпоха буржуазных революций, вместе с ней ушли в прошлое национально-освободительные войны и антиколониальные движения. Всё это лишило коммунистов возможности дополнить пролетарское восстание очередным изданием крестьянской войны или же национально-освободительным движением. Современный класс наёмных работников должен будет осуществить мировую коммунистическую революцию в новых, беспрецедентных исторических условиях. В то же самое время впервые в истории ему предстоит реализовать ничем не ограниченную и не замутнённую коммунистическую программу – программу уничтожения частной собственности. Реализация этой программы откроет путь от высшей и последней формы *товарного* производства – капитализма – к коммунистически организованному, то есть непосредственно общественному труду, исключающему возможность превращения продукта общественного труда в *товар*. Уничтожение частной собственности под-

разумеает *уничтожение* товарного производства как такового. И здесь стоит отметить два важных аспекта, вытекающих из научного анализа капитализма, осуществлённого марксизмом: 1) к этой цели не ведут мероприятия по смягчению *отдельных* негативных *частных проявлений* посредством национализации, государственного регулирования и устранения “провалов” рынка, расширения “социального государства” и т. п.; 2) между товарным, то есть капиталистическим, и планомерным, то есть коммунистическим, производством не может существовать никакого “промежуточного” экономического строя, никакого “третьего пути”. В силу того, что в современном обществе имеется постоянная, а не случайная общественная связь на *анархическом* базисе производства, которая на поверхности проявляется в повсеместном распространении денег, то любой способ производства, сохраняющий этот анархический, товарный характер базиса и, следовательно, деньги, будет описываться теорией Маркса, то есть будет капиталистическим – просто *по определению*, независимо от того, какое наименование он получит в очередных “новых” или старых идеологических мантрах: “реальный социализм”, “монокапитализм”, “тоталитаризм”, “государственный капитализм”, “бюрократический коллективизм”, “неоазиатский способ производства”, “новый феодализм” и т. п. Как показал ещё Ленин в полемике с Каутским и Бухариным, невозможен такой гипотетический капитализм, при котором остался бы только один совокупный капиталист в лице государственной или частной корпорации, окончательно подавивший конкуренцию других фракций.

В настоящее время ни одна из фракций буржуазии *в принципе* не может предложить решения основных проблем, которые стоят перед человечеством. Тем самым единственным действительно всеобщим интересом современной буржуазии является консервация существующего способа производства. Несомненно, раскол буржуазии – правящего класса капиталистического общества – есть объективное явление. Он разделён в борьбе за присвоение прибавочной стоимости и поэтому в принципе не может быть един. Но он объединён общим классовым интересом – сохранить то общественное устройство, в рамках которого он сможет продолжать присваивать прибавочную стоимость.

Все современные политические оболочки полностью сформированы и полностью адекватны установившемуся способу производства. Различия меж-

ду “правыми” и “левыми” партиями, а также между “демократическими” и “диктаторскими” режимами носят частный, косметический характер. Парламент (и другие представительные органы) является дисфункциональным пережитком даже для буржуазии, так как борьба её фракций и принятие основных решений происходят в органах исполнительной и монетарной властей. Пролетариату он тем более не нужен, так как не может даже играть роль трибуны нашего класса.

Не так было в эпоху буржуазных революций, борющихся со средневековыми пережитками. Тогда коммунисты поддерживали борьбу за буржуазную демократию, поскольку она создавала условия для ускоренного капиталистического развития, следовательно, это был *необходимый и неизбежный* этап на пути полного развёртывания борьбы пролетариата на современной, то есть капиталистической, почве. Участие пролетариата в этой борьбе только и могло придать ей наиболее последовательный и полный характер, а также значительно ускорить достижение её результатов.

Наша эпоха впервые ставит перед пролетариатом и его всемирной коммунистической партией задачу выполнения *только своих собственных, чисто коммунистических* задач. Поэтому коммунистическая партия не может входить ни в какие межклассовые блоки, электоральные коалиции, межпартийные союзы, координационные комитеты и т. п. Но мы всегда приветствовали и будем приветствовать перебежчиков из буржуазного класса, которые встают на путь мировой коммунистической революции. Они идут по единственно правильному пути – пути Маркса, Энгельса, Ленина.

КАПИТАЛИЗМ ПОРОЖДАЕТ ВОЙНЫ

Товар – экономическая *клеточка* капиталистического общества. Из этой клеточки с неизбежностью вырастают все неотъемлемые его признаки – конкуренция всеми возможными средствами, нищета и высшее проявление противоречий капитализма – мировые империалистические войны. Таким образом, само развитие капиталистического способа производства постоянно порождает условия для войн. Следовательно, единственным способом прекращения войн является уничтожение частной собственности.

Ещё в “Немецкой идеологии” Маркс и Энгельс писали: «Крупная промышленность сделала конкуренцию универсальной [...], создала средства сообщения и современный мировой рынок [...] Крупная

промышленность создала повсюду в общем одинаковые отношения между классами общества и тем самым уничтожила особенности отдельных национальностей. И наконец, в то время как буржуазия каждой нации ещё сохраняет свои особые национальные интересы, крупная промышленность создала класс, которому во всех нациях присущи одни и те же интересы и у которого уже уничтожена национальная обособленность, – класс, который действительно оторван от всего старого мира и вместе с тем противостоит ему».

На данный момент капиталистический способ производства действительно охватил весь земной шар, поэтому если уже Маркс и Энгельс создавали Союз коммунистов как интернациональную организацию, то в текущих условиях *универсальной конкуренции* марксисты обязаны воспринимать себя как всемирный пролетарский авангард, в противном случае они обречены на местечковость и ограниченность или, что ещё хуже, на превращение в инструмент одной из фракций буржуазии, *всегда* преследующей определённые *национально ограниченные* интересы, неадекватные современной эпохе.

ХАРАКТЕР ВОЙН В НЫНЕШНЮЮ ЭПОХУ

Марксизм всегда рассматривал возникновение наций как следствие утверждения капитализма и ликвидации феодализма, то есть до начала эпохи капитализма наций в научном понимании этого слова не существовало. В средние века каждое из государств состояло из многочисленных самоуправляемых кантонов и областей со своими собственными таможенными заставами, зачастую даже говоривших на разных языках. Это были самостоятельные в хозяйственном отношении единицы, а их связь с государственной властью была достаточно слаба. Капитализм, разрушивший средневековые общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, поставил на их место другую – связь в рамках товарного хозяйства, устанавливаемую рынком. Именно эта связь стала соединительной тканью нации.

В одной из своих самых важных работ “О праве наций на самоопределение” Ленин писал: «Во всём мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное

сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих эти требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы – более того: для всего цивилизованного мира – типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство. Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не “сочиняя” абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придём к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется, образование самостоятельного национального государства».

В силу неравномерности развития капитализма возник особый подвид национального вопроса – колониальный вопрос. Его суть заключалась в том, что страны, буржуазия которых в основном завершила ликвидацию докапиталистических пережитков у себя на родине, становились метрополиями и всеми силами охраняли эти же пережитки в зависимых странах – колониях. Тогда перед коммунистами встала задача поддержки части буржуазно-демократических движений в отсталых странах, потому что их победа ускоряла развитие капитализма и, следовательно, приближала следующий этап пролетарских революций по всему миру.

Однако это касалось не всех буржуазно-демократических движений, а только национально-революционных. Уже на II конгрессе Коммунистического Интернационала, прошедшем в 1920 году, Ленин отметил: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. [...] если мы будем говорить о буржуазно-демократическом движении, то сотрётся всякое различие между реформистским и революционным движением. [...] империалистическая буржуазия всеми силами старается насадить реформистское движение и среди угнетённых народов. Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло извест-

ное сближение, так что очень часто – пожалуй, даже в большинстве случаев – буржуазия угнетённых стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов. [...] мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых. Если же нет налицо и этих условий, то коммунисты должны в этих странах бороться против реформистской буржуазии [...]».

И здесь следует сделать один важный акцент: под термином “отсталые” Коммунистический Интернационал понимал страны с преобладанием в экономике феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, а вовсе не страны с полностью сформированной капиталистической экономикой, уступающей лидирующим странам лишь в количественном аспекте. Сегодня отсталых в понимании Коминтерна стран не существует в каких-либо значимых масштабах.

Таким образом, с точки зрения марксизма, национальный вопрос считается “решённым”, когда феодализм в экономике страны полностью преодолён, а производство стало полностью товарным. С этого момента наступает новый исторический этап – борьба пролетариата за ликвидацию всех наций и государственных границ, за объединение людей во всём мире в рамках новой, коммунистической экономики. Разумеется, это научное понимание расходится с распространённым обывательским мнением о том, что национальный вопрос не решён, пока сохраняются конфликты между государствами, представляющими различные нации, и этносами в рамках одного государства, но реальность состоит в том, что в этом смысле национальный вопрос в принципе не может быть решён в рамках мировой капиталистической экономики.

Такой обывательский подход не только совершенно бесполезен теоретически, но и вреден практически, так как делает принявшего его пролетария слепым и безвольным инструментом, которым обязательно воспользуется та или иная фракция буржуазии.

Обезопасить от этого может только понимание, что сейчас нации полностью сформированы, а войны, которые ведут отдельные отряды мировой буржуазии (неважно, малых – по размеру экономики – стран, крупных стран, внутри стран), прикрываясь лозунгом “национально-освободительной войны”, являются либо непосредственно и очевидно империалистическими, либо империалистическими в “прокси”-смысле, когда буржуазия какой-либо малой нации или её части выступает лишь в качестве посредника для достижения целей отдельных империалистических держав или их блоков.

В “Манифесте” Маркс и Энгельс провозгласили, что у пролетариев нет отечества. Уже это подразумевало необходимость для пролетариата борьбы в первую очередь за свои собственные классовые интересы во всемирном масштабе – национальные интересы уже тогда становились синонимом интересов правящих классов. С империалистической же эпохой национализм полностью утратил всякое прогрессивное содержание. Как писал Ленин: «Если национальные войны XVIII и XIX веков ознаменовали начало капитализма – империалистские войны указывают на его конец».

Совершенно неважно, какой из отрядов буржуазии напал первым: этот *частный* факт не меняет главного – реакционного характера войн. В этих условиях, как писал Ленин, разделение на оборонительные и наступательные войны становится устаревшим.

Ни одна из сторон в таком конфликте не борется за слом *архаичного* и варварского капиталистического строя и переход на следующую ступень общественной эволюции человечества, а это значит, что войны будут возникать снова и снова. Шанс разорвать этот замкнутый круг человечество получит только в момент, когда пролетариат разожжёт *мировую революцию*: полное завершение этой мировой гражданской войны положит конец всем войнам, устранив их первопричину – товарное производство.

Итак, *типичным* явлением, а не исключением, в нашу империалистскую эпоху является *империалистская* война, но типичное – не единственное, и в империалистскую эпоху *могут* быть “справедливые”, “оборонительные”, революционные войны – это *классовые* гражданские войны, войны против *всех* империалистических держав, ведущиеся пролетариатом за установление собственной диктатуры, а также войны с целью

распространения революции на другие страны. Поэтому позиция коммунистов не имеет ничего общего с буржуазным пацифизмом, а общим лозунгом коммунистов, применимым для *любой* войны нынешней империалистской эпохи, является классический лозунг немецких спартакистов – **“Главный враг – в собственном доме”**.

Однако этот лозунг и стоящая за ним единственно правильная тактика *революционного поражения*, то есть *массовой* революционной борьбы пролетариата всех стран против “собственных” правительств во всех империалистических войнах, могут быть реализованы только при наличии *массового* движения рабочего класса.

Пока же этого движения нет, каждый рабочий может заложить свой кирпич в основание будущего здания, то есть понять – и распространить это понимание вокруг себя, – что даже в *сугубо бытовом* смысле пролетариату нет никакого смысла поддерживать “свою” буржуазию в войне, так как господствующий класс неизбежно использует её для усиления гнёта по отношению к эксплуатируемому классу (ограничение политических свобод, свободы слова, собраний, организаций, бытовые ограничения, перекладывание возросших издержек на население, интенсификация трудового режима, насильственная мобилизация), а для себя извлечёт выгоду (перераспределение активов, усиление коррупции и собственных привилегий, в том числе под предлогом засекречивания ранее открытых данных, обогащение на военных заказах и иностранной помощи, ещё больше усугубляющее повсеместное огромное социальное расслоение).

ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Усвоение марксистской теории, опыта предыдущих классовых битв пролетариата является необходимым, но недостаточным, условием борьбы за создание мировой коммунистической партии.

Мы живём в эпоху вызревания условий коммунистической революции. Ключевой вопрос – не как быстро капитализм будет преодолён, а каким образом. Актуальность революционного пути не ставится под сомнение. Проблема заключается в том, *как именно* будет развиваться этот процесс. Движущей силой коммунистической революции является класс наёмных работников – единственный революционный класс нашей эпохи. Задача коммунистов – обобщать и развивать те формы, которые будет принимать его борьба, направляя

её на уничтожение частной собственности. Для этого коммунисты должны принимать участие во всех проявлениях современной борьбы пролетариата, какими бы частичными и ограниченными они ни были.

Мировая коммунистическая партия находится в постоянной связи с классом наёмных рабочих. Объективные условия определяют глубину и ширину деятельности политического авангарда.

При этом не следует забывать: классовая борьба развивается одновременно, но неравномерно, на нескольких фронтах – экономическом, политическом и теоретическом. Главная задача борьбы на теоретическом фронте заключается в связывании и обобщении опыта борьбы класса наёмных работников во всемирном времени и пространстве. Необходимо *расти вместе с рабочим классом*, а не в отрыве от него, и тем более не подменяя его собой.

В наброске программы Интернационалистической коммунистической партии, представленной в сентябре 1944 года, изложены тезисы, сохраняющие свою актуальность и сегодня: *«Наша политическая линия не будет подвержена влиянию ни идеалистических представлений, ни теорий стихийности, что позволит воле партии к борьбе совпасть с волей широких масс, когда они в обобщённой форме выразят насущную необходимость революционного наступления для завоевания власти».*

Но завоевания власти не может произойти, если партия предварительно не завоеует влияние на широкие массы пролетариата. С этой целью партия определяет свои задачи следующим образом:

а) *массы не заводываются когда и как хочется, если объективные условия не возбуждают их; бесполезны манёвры партий с целью повлиять на них и заставить их действовать по мановению волшебной палочки;*

б) *боевой дух масс – когда он разгорается в борьбе – как на диаграмме отражает процесс нестабильности и кризиса, который пронизывает производственный аппарат капитализма, его рынки и всю его политическую организацию. В этот момент партия может включиться в борьбу и стать одним из её определяющих элементов, вовлечь в свою орбиту массы, чтобы объединить их энергию и направить её на достижение определённых целей;*

в) *успех такого манёвра возможен в той мере, в какой партия сумеет создать в массах постоянные органы пропаганды, прозелитизма и агитации; в той мере, в какой она сумеет завоевать доверие постоянной приверженностью жизни пролетариа-*

та, его борьбе и его классовым требованиям; наконец, в той мере, в какой она продемонстрирует, что не обманывала неуместными и неискренними агитациями, пустыми забастовками ради забастовок или забастовками, противоречащими духу и интересам класса».

Если все предшествующие пролетариату представители эксплуатируемых классов имели возможность освободиться от зависимого положения поодиночке, переходя в ряды правящего класса, то с тех пор, как современная история в полной мере стала всемирной историей, освобождение эксплуатируемого класса, класса наёмных рабочих, стало возможным лишь *«в условиях действительной коллективности»*, *«в своей ассоциации и посредством её»*. Иными словами, выход из капитализма может быть результатом исключительно коллективного действия мирового пролетариата.

После капитализма не будет ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров. В “Тезисах о Фейербахе” Маркс излагает фундаментальные положения диалектического материализма и среди прочего обращает внимание на коренной недостаток предыдущего материализма. *«Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом».*

За этим следует важнейший вывод: *«Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика».*

Революционной практикой может быть лишь та, которая слилась воедино с революционной теорией. Только такое единство теории и практики и есть коммунистическое движение, способное преодолеть то состояние, в котором одна часть общества возвышается над другой.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Январь 2026 г.

В ПОИСКАХ ПУТИ

Этот текст представляет собой историко-политический очерк, описывающий долгий путь становления и идеологической эволюции группы – от её зарождения в конце 1990-х годов до перехода к новым формам работы в наши дни. Материал рассказывает о первых шагах организации на «выжженной земле» постсоветской России, стихийном максимализме первых лет издания газеты «Комса» и попытках заново выстроить коммунистические принципы партийной работы. В современных условиях крайней пассивности рабочего класса гнаться за количественными показателями губительно: первоочередной задачей коммунистов сегодня должны стать не механическая компиляция буржуазной прессы и имитация массовости, а бескомпромиссный отбор, глубокая теоретическая подготовка узкого слоя революционных кадров и развитие марксистской мысли применительно к современным реалиям.

Россия конца 1990-х годов: подходит к завершению десятилетие активной, но стихийной и раздробленной, экономической борьбы пролетариата, апогеем которой стала “рельсовая война” 1998¹ года. В этих условиях летом 1997 года в Кирове образуется небольшая марксистская группа, которая, прежде всего, резко отмежевывается от “официального” и “полуофициального” “коммунизма” – различных псевдокоммунистических наследников сталинистской контрреволюции, в первой половине XX века уничтожившей марксистскую школу в России, которые окончательно себя дискредитировали уже в то время, хотя некоторые из них в качестве своеобразных *zombie companies* существуют и поныне.

“ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ” И ЗАЩИТНЫЙ МАКСИМАЛИЗМ

Стоявшая у истоков нашей организации Кировская марксистская группа (КМГ) фактически была вынуждена начинать с нуля: использованная сталинизмом тактика “выжженной земли” привела к тому, что преемственность революционной партии была нарушена – некому было передать практический, теоретический и организационный опыт большевиков нашему поколению. С другой стороны, приходилось противостоять набирающему силу (в том числе и электоральную) национализму², находившему благодатную почву в депрессивных рабочих кварталах, и вырывать из-под его влияния отдельных равнодушных к происходящему молодых людей. Да и в целом официальная политиче-

ская среда России на тот момент была гораздо более фрагментированной, чем нынешняя “полупартийная” система³, а идеологические фронты – гораздо более выраженными. Жёсткое идеологическое противостояние часто дополнялось физическими столкновениями на улицах города.

Все эти факторы привели к тому, что изначально ориентация нашей группы носила на себе ярко выраженную печать максимализма. Было решено приступить к изданию собственного печатного органа, который был назван “Комса”. Причины, побудившие выбрать такое название, были изложены в передовице первого номера, вышед-

шего в июне 1998 г.: *«В эпоху позднего СССР комсом называли хулиганскую, неподконтрольную часть массово-поголовной организации ВЛКСМ – ту, которой было противно сидеть на занудливо-единообразных собраниях»,* которую *«не интересовала возможность»* сделать карьеру, чем усиленно занимались *«комсомольские боссы»*. В отличие от них, молодые максималисты *«предпочитали жить и воспринимать всё происходящее во всём его многообразии. Их журили, исключали из организации. Но как ни странно, именно они, влившись в новые леворадикальные организации, первые выступили против власти капитала.»*

Мы не имеем ничего общего с комсомольской элитой конца восьмидесятых. Им достались фе-

1 - О рабочем движении и о рабочей газете // Дело рабочих. 2002. Ноябрь. № 1. С. 1.

2 - Мельникова Н. Кировская область: в июле 1998 года // Международный институт гуманитарно-политических исследований. Политический мониторинг. URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1998/0798/43.html>.

3 - Этой особенности российской политической системы мы посвятили ряд наших публикаций. *«Разъясним, что имеется в виду: с возникновением “Единой России”, несмотря на формально существующую многопартийность, фактически синтез интересов, обновление политической линии и кадрового состава российского правящего класса происходят в лоне этой партии, все остальные в лучшем случае выражают миноритарные интересы некоторых групп буржуазии, а потому и на парламентской сцене играют второстепенную роль гарнира на выбор к основному блюду. Их функция ограничивается подбором голосов несогласных, созданием иллюзии наличия выбора. Именно такую партийно-политическую систему, которая подтвердила свою жизнеспособность и на последних парламентских выборах, мы и называем полупартийной»* (Пустота парламентаризма // Пролетарский интернационализм. 2016. Октябрь. № 26).

Кроме того, описание этого феномена можно встретить в статьях “Социальная действительность и буря в стакане электоральной воды” (Пролетарский интернационализм № 62, октябрь 2019), “Иллюзии правящего класса и реалии российского империализма (I)” (Пролетарский интернационализм № 82, июнь 2021), “Цветные революции и суверенная демократия” (Пролетарский интернационализм № 104, май 2023), “Историческая задержка реструктуризации” (Пролетарский интернационализм № 122, ноябрь 2024).

шенебельные бары и рестораны, банки и канарские пляжи; нам же – разрушенное, голодное общество, в котором нам приходится бороться, стремиться, ну и просто жить. [...]

Мы, так же, как “Неуловимые мстители”, ненавидим буржуазию и всяческую контру. Мы объединились для борьбы за новое, бесклассовое общество, в котором не будет места эксплуатации человека человеком, насилия; общество, в котором будет уничтожено главное зло – частная собственность, сосредоточенная в руках кучки толстосумов, считающих себя хозяевами жизни. Вслед за частной собственностью будут уничтожены товарно-денежные отношения. Имя новому обществу – коммунизм.

Но прежде, чем это общество будет создано, пролетариат, т. е. класс наёмных рабочих, должен взять власть, свергнуть старый капиталистический мир. Но и на этом движение к коммунизму не закончится, пролетариат должен будет создать свой аппарат подавления сопротивления буржуазии. Это общество уже не будет государством, так как власть в нём будет находиться в руках большинства – такое большинство в марксизме называется диктатура пролетариата. Это переходный период, в который будет уничтожаться старое общество и создаваться новое.

Создание нового общества возможно лишь при появлении нового человека – свободного, гордого, стремящегося к знаниям и всестороннему развитию, лишённого буржуазных предрассудков и мракобесия. Такой человек может быть воспитан только в рамках коммунистической организации»⁴.

Этот настрой и характер той эпохи 1990-х годов в России хорошо отражали такие заголовки статей “Комсы”, как “Баркашов – русский брат Гитлера”, “Далёк ли Зюганов от фашизма?”⁵ и т. д.

Достаточно быстро пришло понимание того, что необходимо налаживать контакты с различными радикальными левыми группами и в других регионах.

В августе 2000 года КМГ приняла участие во второй конференции Движения за рабочую партию (ДзРП) – образования, представлявшего собой “организационный туман” разнород-

ных течений, среди которых была не только ленинистская тенденция, но и легалистская, и спонтанеистская⁶, объединённых только лишь стремлением к созданию рабочей партии, но не стратегией. На этой конференции произошёл раскол: из движения ушли делегаты от Марксистской рабочей партии и Рабочая фракция ДзРП, чуть позже организацию покинула КМГ. Ещё ранее мы установили сотрудничество с Союзом марксистов, совместно выпустив в 1998 году 1-й номер газеты “Перспектива” – более “интеллигентское” издание по сравнению с собственной газетой КМГ (уже упомянутой “Комсой”), которая также продолжала выходить.

Об уровне активности рабочих 90-х годов прошлого века и их интереса к марксистской печати говорят следующие собранные нами данные о распространении нами же самими газет у проходных заводов и фабрик Кирова: на заводе “Авитек” за июль 1999 года было продано 7 экземпляров “Комсы”, 23 экземпляра разных номеров “Перспективы”; на Заводе обработки цветных металлов (ОЦМ) – 2 экземпляра “Комсы”, 2 экземпляра “Перспективы”; на Кировском мясокомбинате – 6 экземпляров “Комсы” и 11 экземпляров “Перспективы”; на Кировском шинном заводе – 3 экземпляра “Комсы”, 24 экземпляра “Перспективы”; на Электро-механическом заводе им. Лепсе – 18 экземпляров “Комсы”, 38 экземпляров “Перспективы”; на Комбинате искусственных кож – 4 экземпляра “Комсы” и 4 экземпляра “Перспективы”⁷.

Это было состояние «ворчащей тишины». Среди промышленных рабочих, к которым мы тогда в первую очередь обращали нашу агитацию и пропаганду, недовольных было большинство, «но что-либо делать – упаси чёрт!». При этом более 45 % наёмных работников имели задолженность по зарплате. Усиливались процессы деградации и люмпенизации рабочего класса. У заводов часто можно было услышать раздражённый шёпот: «Дайте автоматы! К чёрту ваши газеты!». Были ли эти наёмные рабочие пролетариями в классическом понимании это-

4 - Комса. 1998. Июнь. № 1. С. 1.

5 - Там же.

6 - Три пути для “Движения”. URL: <https://www.oocities.org/marxparty/lpp/lp6/tusovka.htm>.

7 - Сальников С. Хожение в завод // Агентство социально-политической информации. Бюллетень № 1(49). 2000. Февраль. URL: <http://libelli.ru/works/aspi-49.htm>.

го слова? Жили ли они лишь за счёт продажи своей рабочей силы? Они ходили на работу, но возвращались с неё с пустыми карманами: долги по зарплате на предприятиях области колебались от нескольких месяцев до нескольких лет. За счёт чего они жили всё это время? За счёт овощей, выращенных на собственных садовых участках, собранных в лесу грибов, ягод и речной рыбы. Что-то зарабатывалось шабашкой на стороне, в том числе за счёт вынесенного с “основного рабочего места” оборудования и материалов. Несуны и прогульщики были обычным явлением в России с “советских” времён. Отношение к труду на “своём” заводе передавалось из поколения в поколение. “Всё вокруг колхозное, всё вокруг ничьё,” – этот классический образец народного фольклора СССР отлично отражает господствовавшее в обществе отношение к “всенародной” собственности. Приватизация этой собственности в 1990-е годы в пролетарской среде метко была названа “прихватизацией”. Этому переделу собственности сверху соответствовал процесс мелкого воровства снизу. Это было стихийное, индивидуалистичное проявление классовой борьбы. Выше этого уровня классового сознания поднимались лишь единицы. Иначе и быть не могло: *«рабочий, с одной стороны, фактически являлся мелким хозяйчиком, а с другой стороны, был вынужден жертвовать собственным здоровьем, образованием, культурой, подвергаясь интенсивной самозэксплуатации. В такой ситуации говорить о какой-то серьёзной политической активности не приходится»*⁸.

О географии распространения “Комсы” можно узнать из таблицы, которая была опубликована в № 1(6) за 2000 год: мы перепечатаем её в этой статье, дополнив строкой “Всего”.

Вышедшие из ДзРП группы сформировали “Марксистский блок”, который в ноябре 2000 года выпустил 1-й номер газеты “Дело рабочих”, сконцентрированной в основном на освещении и анализе экономической борьбы пролетариата. При всех очевидных теперь недостатках такого подхода он был обусловлен попыткой вырвать наиболее сознательных рабочих из-под влияния буржуазных фракций,

Распространение “Комсы”

ГОРОД	№ 4	№ 5
КИРОВ*	332	323
КАЗАНЬ	50	
КРАСНОДАР	30	20
МОСКВА	128	297
ЛЕНИНГРАД		50
ПЕРМЬ*	50	
ЧЕЛЯБИНСК	30	35
МУРМАНСК	10	
УФА	60	50
ОДЕССА		10
СЕВАСТОПОЛЬ	5	
БАРНАУЛ	30	
НИЖНИЙ НОВГОРОД	30	50
БИРСК	5	5
АСТРАХАНЬ	10	
ЯСНОГОРСК		10
ВЫБОРГ		10
РОСТОВ-НА-ДОНУ	30	20
ВОРОНЕЖ		3
КАЗАХСТАН		20
КИЕВ		20
САМАРА		25
КАЛУГА	30	
КАЛИНИНГРАД	30	
НЕВИННОМЫССК	30	
АРЗАМАС-16	10	
ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ	10	
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ РАССЫЛКА	100	42
ВСЕГО	1010	940

* В ЭТИХ ГОРОДАХ БЫЛИ ПОДПИСЧИКИ “КОМСЫ”.

которые, возрождая традиции “зубатовщины” в новых исторических условиях, пытались оседлать весьма активное в то время рабочее движение в своих интересах, вплоть до того, что задействовали отдельные его отряды в играх по переделу собственности и создавали “соци-

8 - Сальников С. Рабочий класс Кирова: новейшие тенденции и перспективы борьбы // Агентство социально-политической информации. Бюллетень № 1(49). 2000. Февраль. URL: <http://libelli.ru/works/aspi-49.htm>.

ально ориентированные” движения, приобретавшие значительный электоральный вес⁹.

Уже тогда мы сделали ставку на работу в пролетарской и студенческой среде и распространение газет на проходных заводах, на улицах, а также путём обхода квартир рабочих кварталов. Параллельно, пытаясь восстановить разорванную нить марксистской теории, занимались её систематическим и организованным изучением, собираясь для этого на квартирах у отдельных товарищей, так как возможности снять даже самый дешёвый офис не было.

Таким образом, проходя различные этапы эволюции и приобретая в практической борьбе необходимый опыт, формировались товарищи, которые через несколько лет¹⁰ уже в Санкт-Петербурге создадут “Новый Прометей”.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛЕНИНИЗМА

В период “предыстории”, когда происходит становление организации, неизбежно возникают и такие теоретические и практические инструменты, которые в период “зрелости” исключаются ею из своего арсенала как не оправдавшие себя. Такими в то время были непропорциональное внимание к “рабочей демократии” и освещению экономической борьбы наёмных рабочих, концентрация на локальной политике в ущерб международным отношениям¹¹, попытка использования мандата депутата областной думы для революционной пропаганды¹², ставшая возможной благодаря протестам рабочих и промежуточных слоёв, и т. п.

Однако уже в то время можно было наблюдать и формирование таких инструментов, которые впоследствии станут константами работы организации. По сути, речь шла о реконструкции ленинистских принципов:

– борьба в интересах пролетариата как жизненный выбор каждого активиста («Личные ам-

биции должны быть отброшены, интересы дела – превыше всего»¹³);

– отстаивание понимания государства как аппарата классового насилия правящего класса (в статье с красноречивым названием “Чёрт с ней, с армией” мы писали: «21 февраля 1999 г. объединённые ряды кировской оппозиции (“Трудовой Киров”, РКРП, КПРФ, ВКП(б) и другие родственные им организации) провели традиционный митинг, посвящённый годовщине создания Красной Армии. Ностальгия по дням минувшим пережеглась с негодованием по поводу проклятых ельцинистов, разрушивших СССР, а вместе с ним и нашу доблестную Советскую Армию. А вот выступление секретаря Кировской марксистской группы повисло в воздухе, вызвало недоумение и возмущение в среде патриотичных ветеранов. Ещё бы, [ведь] он посмел сказать: “Армия разрушается, ну и чёрт с ней, от этого пролетариату легче взять власть в собственные руки. Ведь армия – не танки и не пушки, и даже не солдаты из рабочих семей, а аппарат классового насилия правящего класса”. Эта азбучная истина марксизма оказалась неведома для многих, которые, видимо, по недоразумению носят имя коммунистов»¹⁴);

– осознание того факта, что в неревolutionный период политика является уделом узких организованных меньшинств – авангардов классов, и как следствие – необходимости формирования кадровой партии, способной отстаивать стратегическую и организационную автономию пролетарского авангарда: «Объединение невозможно с приспособленцами, теми, кто задачи политического самосохранения ставят выше интересов общей борьбы. Объединение невозможно с теми, кто стоит за союз (в практических делах) с “национальной” буржуазией против “компраторской” [...]. Объединение нежелательно с теми, кто прославляет “гуманизм” и “демократию” в отрыве от классового смысла этих понятий [...]. Объединяться нужно тем, кто единственную

9 - Минин С. Зубатовщина “по-майски” // Лефт.ру. 2000. 25 сентября. № 3 (3). URL: <https://left.ru/2000/3/mai.html>.

10 - В конце 2005 года.

11 - См. номера газеты “Дело рабочих” 1 (ноябрь 2000 г.), 1(2) (январь 2001 г.), 3(4) (апрель 2001 г.), 4(5) (апрель 2001 г.).

12 - Так, на одном из заседаний Кировской областной Думы председатель Думы высказал в сторону депутата С. Сальникова: «Прекратите политическую агитацию в стенах Областной Думы, у нас не место для этого!» (см.: Кировские власти посетил призрак мировой революции // опубликовано в виде листовки, сентябрь 2000 г.).

13 - Классовый анализ общества и перспективы преодоления коммунистической многопартийности в России // Комса. 1998. Август. № 3 (3). С. 6.

14 - Чёрт с ней, с армией... // Комса. 1999. Март. № 1 (4). С. 3.

проблему видит в отсутствии авангарда пролетариата, потому что таким людям не хватает только одного шага – посмотретья в зеркало! Если мы осознали необходимость социалистической революции, если мы видим, что единственной способной на это силой является организованный и активный рабочий класс, если мы уже ведём работу по просвещению и организации народных масс – значит, мы и есть тот самый авангард пролетариата. Только мы действуем разобщённо, любительски, а надо – масштабно, профессионально, централизованно. [...] классовое сознание появляется не столько в силу “экономического происхождения”, сколько в ходе классовой борьбы [...]. Рабочий класс может породить и трудовиков, и националистов, и “пофигистов” – здесь нет ничего удивительного. Наивно каждое выступление рабочих считать началом революции. Наоборот, нельзя пускать дело на самотёк, нужно усиливать пропаганду и собственное организаторское присутствие в коллективах...»¹⁵;

– признание необходимости собственного печатного органа, выступающего в качестве не только коллективного пропагандиста, но и организатора («Необходимо обеспечить рабочих информацией о состоянии рабочего движения по всем регионам. Дать возможность рабочим увидеть и понять общность интересов всех рабочих, что во всех уголках России рабочие борются за одно и то же. Этого можно достигнуть только при обмене опытом борьбы. Эту задачу может выполнить только газета. Вместе с тем газета должна явиться и в качестве организатора. Газета должна стать трибуной для передовых рабочих и рабочих лидеров [...]. Совместная деятельность этих передовых рабочих и лидеров приведёт к такому положению вещей, что рабочие отряды будут уже бороться не стихийно и разрозненно, а организованно и сообща. Словом, нужна газета. Эта газета сегодня должна отражать те каче-

ственные изменения, которые происходят в рабочем движении, и стать помощником рабочих в деле их объединения»¹⁶);

– позиционирование себя в качестве отряда мирового рабочего класса («ОКПР¹⁷ считает себя одним из отрядов международного рабочего движения в борьбе с международным капиталом»¹⁸) и реализация линии пролетарского интернационализма в любых условиях («Как бы ни хотелось некоторым коммунистам бороться ТОЛЬКО против сионизма, ОБЯЗАТЕЛЬНО получается борьба против евреев вообще. Как бы ни хотелось поддерживать “братских сербов”, получается поддержка сербской буржуазии. Как бы ни хотелось противостоять мировому империализму в лице Билла Клинтона, получается помощь арабскому империализму в лице Саддама Хуссейна. Признание национальных интересов выше классовых губительно для коммунистического движения»¹⁹;

– стратегия, формирующаяся на основе марксистского анализа значимых мировых фактов (системы государств, международных отношений, их среднесрочных и долгосрочных тенденций и т. д.), а также анализ динамики главного врага – “собственного” империализма – и формирование соответствующей политической позиции по каждому частному вопросу именно на базе этих фактов (так, в одной из статей октября 2000 года приводился следующий анализ, выдержанный в подобном ключе: «Депрессивный в экономическом плане регион²⁰ находился²¹ в глубокой социальной депрессии²², в городе росла преступность, алкоголизм, заболеваемость [...]. Такая ситуация продолжалась до путинского поворота в российской истории. С заказом на патриотизм и национальную идею, с войной на Балканах и в Чечне, на Кировскую оборонку посыпались заказы, и не только российские. Начался массовый приём рабочих и специалистов, из числа ранее сокращённых [...]. О небыва-

15 - Зеркало для героя // Комса. 1999. Март. № 1 (4). С. 3.

16 - О рабочем движении и о рабочей газете // Дело рабочих. 2002. Ноябрь. № 1. С. 1.

17 - Объединённая Коммунистическая партия России. Название партии дано условно.

18 - Классовый анализ общества и перспективы преодоления коммунистической многопартийности в России // Комса. 1998. Август. № 3 (3). С. 6.

19 - Там же.

20 - Кировская область, 60 % промышленности которой в тот момент приходилось на оборонные предприятия.

21 - В 1990-е годы.

22 - После конверсии второй половины 1980-х годов.

лом, “фантастическом” экономическом приросте на кировской оборонке заявил вице-премьер А. Клебанов (свыше 1000 % (!)), а “всенародно избранный” кировский губернатор В. Н. Сергеенков не упустил случая искупаться в лучах собственной гордости, безусловно приписав “экономическое чудо” своему гению. Для любого трезвомыслящего человека понятно, что для того, чтобы промышленность сделала такой экономический скачок за столь короткий промежуток времени, до этого она должна просто не работать. Следовательно, в этом нет никакого экономического чуда, а есть лишь государственный заказ. Для марксистов, знающих и понимающих неизбежность этих процессов, жизнь сама ставит задачи ближайшего периода: 1. Вести агитационно-пропагандистскую работу в среде пролетариата, разъясняя сущность происходящего, дальнейшие варианты развития и единственный революционный способ решения проблемы. 2. Создавать и развивать собственную организацию. 3. Способствовать развитию рабочего движения и завоевывать в нём авторитет. [...] Идти и призывать рабочих к забастовке сегодня глубоко бессмысленно. Ждать пока они сами начнут бастовать или бороться за свои права иными методами – значит плестись у них в хвосте. У нас нет иного пути, нежели путь революционной марксистской пропаганды, классовой борьбы, а этот путь невозможно осуществить без создания революционной марксистской партии»²³).

Некоторые из статей того периода, в том числе процитированные выше, мы намерены перепечатать полностью, сопроводив небольшим комментарием, в нашем журнале и на сайте: оригинальные экземпляры “Комсы” сейчас достать практически невозможно (за пределами архивов).

Это был романтический период нашего революционного становления. Мы набирали опыт, пытались расти вместе с нашим классом, ощущали на себе всё то, что происходило с ним. Мы ошибались и набивали шишки – и не только в переносном смысле этого слова. Мы теряли тех, кого считали своими товарищами, но кто по тем или иным причинам выбирал иной путь. Мы теряли и настоящих товари-

щей, чья молодая жизнь обрывалась при загадочных обстоятельствах. Мы шли – порой без компаса, порой на ощупь.

ШАГ ВПЕРЁД ИЛИ ДВА ШАГА НАЗАД?

Зимой 2000 года итальянская организация *Lotta Comunista* установила с нами связь. Мы давно хотели вырваться из изоляции и установить связь с интернационалистами из других стран. Но связи именно с *Lotta Comunista* мы не искали, более того – до первой встречи мы ничего не знали об этой организации. *Lotta Comunista* нашла нас. Эта случайно установившаяся связь вылилась в почти четверть века отношений, деятельности, дискуссий, борьбы.

Этот выбор позволил нам:

- расширить свой марксистский кругозор и опыт;
- получить доступ к обширному и долговременному стратегическому анализу международных отношений, осуществляемому *Lotta Comunista* на протяжении десятилетий, а также к более частным, но также очень полезным, научным материалам по множеству различных вопросов;
- перенять образец серьёзной, ответственной, дисциплинированной, систематической модели работы организации, осуществляемой на основе долгосрочного планирования.

Однако спустя без малого четверть века нам пришлось разорвать отношения с этой организацией, так как за всё это время она так и не поставила ряд связанных между собой ключевых вопросов о причинах сегодняшней пассивности нашего класса; об условиях, при которых он преодолеет эту пассивность; о том, каковы должны быть модель самой партии, методы её работы и тип самого пролетарского революционера в условиях именно такого состояния класса.

В обстановке полного отсутствия какого-либо классового движения пролетариата *Lotta Comunista*, желая во что бы то ни стало сохранить достигнутые ею количественные показатели, которые действительно выглядят внушительно на фоне других интернационалистских групп, неизбежно пришла к чисто механицист-

23 - Сальников С. Почему в Кирове не бастуют. Мысли вслух // Лефт.ру. 2000. 2 октября. № 4 (4). URL: <https://left.ru/2000/4/PochemuKirov.htm>.

ским методам работы, позволяющим привлекать новых и сохранять старых сторонников без оглядки на уровень их подготовки и понимания даже тех всё более непритязательных материалов, которые публикуются в газете, не говоря уже о фундаментальных вопросах марксизма. И эта корневая проблема закономерно вылилась во множество частных недостатков в текущей работе организации, которые затрагивать здесь было бы неуместно. А более серьёзные разногласия – например, отношение к так называемому “Движению Сопротивления” во время второй мировой войны и многие другие – найдут своё изложение на страницах нашего журнала. Открытая полемика всегда была оружием марксизма, и мы продолжим использовать его в нашей борьбе.

В конечном итоге под большим вопросом найдется самое главное – способность *Lotta Comunista* совершить положительный *качественный* скачок в момент, когда того потребуют история и класс.

Мы многому научились за эти четверть века, приобрели и воспитали новых товарищей. Мы на практике осознали, что газета – это не только орган пропаганды и агитации, но и коллективный организатор. Наша газета выходила регулярно, ежемесячно, в каждом номере были наши собственные статьи. Мы участвовали в выпуске марксистских книг, начиная с их подготовки, заканчивая вёрсткой и распространением. Мы сами готовили и проводили партийные школы с плотным изучением марксистской классики, занимались изучением истории рабочего движения и исследованием капитализма. Эти четверть века не были потерянными временем.

Мы безусловно стали сильнее, чем были в момент знакомства с *Lotta Comunista*. Именно поэтому нельзя считать, что мы сделали два шага назад. Мы продолжаем движение вперёд. Осознав, что дальнейшее нахождение в *Lotta Comunista* несовместимо с теми выводами, к которым мы пришли (они изложены в нашем “Манифесте”), мы приняли единственно возможное решение – прекратить отношения с этой организацией.

С августа 2025 года в газете “Пролетарский интернационализм” не публикуются наши статьи, и она заполнена лишь переводами из *Lotta Comunista*. Незначительная часть наших вчерашних товарищей осталась в *Lotta Comunista*. Каждый делает свой выбор. Мы сделали свой: оставив тем, кто предпочёл сохранить связь

с *Lotta Comunista* название организации, газеты и многое другое.

Мы продолжаем борьбу.

ВРЕМЯ ДЛЯ РАБОТЫ ПО-НОВОМУ

Каждый последовательный марксист неизбежно приходит к выводу, который мы озвучиваем в нашем “Манифесте”: наша эпоха впервые ставит перед пролетариатом и его авангардом в лице коммунистов задачу выполнения только своих собственных, *чисто коммунистических* задач, а свою конечную цель более чем когда-либо «коммунисты могут выразить [...] одним положением: уничтожение частной собственности», если говорить словами “Манифеста Коммунистической партии”.

С другой стороны, как мы уже сказали выше, нынешний этап данной эпохи характеризуется отсутствием массового рабочего движения и партии пролетариата как значимого политического фактора, крайне низкой сознательностью рабочих, а также полным и безраздельным господством буржуазных идеологий во всём обществе, включая наш класс.

Таким образом, любая действительно коммунистическая группа, исходя из этих двух положений – характера нашей цели и объективной невозможности приобрести массовую базу для её достижения, – должна прийти к выводу, что сейчас её деятельность должна состоять в решении следующих задач: 1) отборе и марксистской подготовке немногочисленных, но преданных борцов за дело пролетариата; 2) развитию марксистской теории применительно к современным условиям; 3) восстановлении прерванной нити марксистской школы – особенно это касается русскоязычного отряда нашего класса, где фактически нужно начинать с нуля, с “выжженной земли”, оставленной сталинизмом.

И именно с точки зрения эффективности выполнения этих задач должен оцениваться любой инструмент, используемый коммунистической группой, в том числе её печатный орган.

У нас пока нет *точно* понимания того, каким именно должен быть такой орган, но есть знание о том, каких негативных черт стоит пытаться избегать. Эти черты, к сожалению для нас, демонстрирует газета *Lotta Comunista*, которая в своём нынешнем виде почти не позволяет продвигаться в решении указанных выше задач.

Устоявшийся метод работы её редакции и авторов – это наполнение каждого номера газеты практически полностью – за исключением одной-двух статей – материалами буржуазной прессы. Сам по себе сбор этих материалов, тем более настолько длительный и систематизированный, безусловно, необходим, но проблема в том, что они публикуются в необработанном, непроанализированном виде, причём речь не идёт даже о простом формальном (иными словами, техническом) анализе, не говоря уже о марксистском. Более того, во многих случаях отсутствуют даже простые комментарии к приводимым материалам. Эти статьи могли бы сгодиться в качестве *подготовительных* материалов к статьям, если бы не одно “но”: они не дотягивают и до этого уровня, так как лучшие образцы такого рода материалов – например, “Тетради по империализму” Ленина – содержат глубокие комментарии и первичную систематизацию материалов.

Неудивительно, что в своём нынешнем виде у многих коммунистов – которые, напомним, видят своей целью уничтожение частной собственности – газета вызывает недоумение: им совершенно непонятно, зачем им читать *коммунистическую* газету, чтобы узнать о европейских и американских моделях дронов. Об этом можно прочитать в профильных изданиях, где этот вопрос описан гораздо более глубоко и детально. А теперь представьте, что таких статей в газете – подавляющее большинство. В таком случае получается, что газета почти не содержит ничего *специфически* коммунистического, то есть того, чего нельзя было бы найти в более или менее серьёзных буржуазных изданиях. О том, какой политической ориентации, по собственному мнению, придерживается издание, можно узнать лишь из названия газеты.

То есть налицо ситуация, которую метко описал молодой Маркс: «*Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания*»²⁴.

Написание таких статей является относительно несложным делом, и кажется, что в последнее время это ничуть не хуже может делать ИИ. Она не требует качественной подготовки кадров, глубокого знания ими марксизма (во многих случаях не требует вообще никакого знания марксизма), тщательного отбора, систематизации и анализа

фактов, большого количества времени, и легко может стать машинальной потоковой работой, выполняемой по инерции, что позволяет не выходить из формируемой годами зоны комфорта.

Однако с точки зрения указанных выше задач такой метод является саморазрушительным по нескольким причинам:

- он не позволяет именно по-марксистски готовить борцов за дело пролетариата, поскольку для написания и чтения такой газеты вовсе не требуется быть коммунистом. Авторы статей не учатся ни самостоятельному анализу, ни работе над литературным стилем; это приводит к тому, что они не умеют ни привлечь даже сочувствующую аудиторию, ни по-настоящему её заинтересовать. Это обернётся настоящей катастрофой в момент ускорения классовой борьбы: как авторы нынешних статей с их сухим канцелярским стилем смогут зажечь революционной страстью рабочих, готовых к решающей битве? Неужели, никогда в этом не практиковавшись, они вдруг обретут хороший слог? Вопрос риторический;

- более или менее грамотный и увлечённый своей идеей коммунист, всегда желающий развиваться, раз за разом не будет находить там для себя ничего интересного, что в конечном итоге приведёт его к апатии и отдалению от организации. В ещё большей мере это касается товарищей с наиболее высоким уровнем классового сознания. А в отношении “рядовых” товарищей это оборачивается тем, что они вовсе перестают читать газету: она не привлекает ни содержанием, ни формой. В результате складывается ситуация, при которой они не вливаются в организации именно *как коммунисты*, а лишь выполняют *механическую* работу по распространению газеты и организации потоков людей;

- он впустую растрачивает время даже тех коммунистов, которых удалось привлечь, закрепить и включить в работу; при нынешнем катастрофическом дефиците грамотных коммунистов заставлять их заниматься простой компиляцией буржуазной прессы – верх расточительства;

- он не позволяет развивать марксистскую теорию применительно к современным условиям, поскольку в газете даже не предусмотрены рубрики, где излагались бы результаты

24 - Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 159.

самостоятельных исследований или хотя бы метаанализа уже существующих легально-марксистских и буржуазных исследований. Да и в целом этой работы почти не ведётся, так как львиную долю времени кадров занимают чисто *механические* операции (сбор выписок, распространение газеты и т.п.). Кроме того, такой подход не предполагает дискуссий или обмена опытом с другими интернационалистскими течениями, что в конечном счёте ведёт к теоретической *деградации* активистов;

– задачу восстановления прерванной нити марксистской школы он позволяет решить лишь в малой и откровенно недостаточной степени: этой тематике посвящена незначительная доля публикаций, хотя работы – непаханое поле; тем временем редакция предпочитает занимать своих авторов работой по компиляции конъюнктурных публицистических заметок из буржуазных СМИ на тему прибылей, финансовых пузырей и долгов, которые перестанут быть актуальными в лучшем случае через несколько месяцев (а то и недель или даже дней). То есть речь не идёт о более или менее глубоких исследованиях, которые не потеряют своей пользы хотя бы в течение нескольких лет.

Форма и содержание неразрывны, они диалектически взаимосвязаны. Нереволюционная форма не может быть наполнена революционным содержанием.

Для того, чтобы понять всё это, было необходимо время. Его ушло слишком много? Возможно, этому в том числе поспособствовало то, что наша деятельность в России была, по сути, автономна. Большее включение в работу *Lotta Comunista*, произошедшее с началом российско-украинской войны, ускорило понимание различия наших подходов и методов.

Разрыв с механистическими методами прошлого знаменует для нашей организации начало нового этапа. Оставляя позади четверть века иллюзий и организационного формализма, мы продолжаем нашу борьбу на качественно ином уровне. Отныне все наши силы и ресурсы будут подчинены выполнению наших подлинных задач: бескомпромиссному отбору и марксистской подготовке революционных кадров, развитию коммунистической теории применительно к современным условиям. Наша форма отныне будет неразрывно связана с нашим революционным содержанием.

Март 2026 г.

ОБРАЩЕНИЕ К РАБОЧИМ РОССИИ

История нашей организации началась не вчера. Большая часть наших прошлых публикаций и заявлений сегодня малоизвестна. Поэтому мы решили начать публиковать в нашем журнале некоторые материалы из наших архивов. Одним из них является данное заявление, опубликованное в марте 1999 года в нашей газете “Комса”.

Враг, о котором тайно мечтала отечественная буржуазия, найден. Российские капиталисты получили ту самую “национальную идею”, вокруг которой они собираются сплотить весь “русский народ”. Попрание интересов Российского государства на международной арене – лучший повод для раздувания шовинистической истерии с целью примирить рабов с хозяевами.

Сейчас уже невозможно сваливать все грехи на “тяжёлое наследие советского прошлого”. Самые ярые его представители в лице КПрФ заняли места в исполнительных органах власти, стали органической частью нынешней системы. Либералы и патриоты продолжают междоусобную грызню, но их интересы сходятся в главном: их главный противник внутри страны – пролетариат, главный внешний конкурент – международный финансовый капитал, персонифицированный в облике США. Для борьбы с ним российской буржуазии необходима поддержка большинства общества, в особенности рабочих – как наиболее организованной его части. Не случайно разборки между двумя кровавыми империалистическими хищниками (США и Ираком) пытаются представить как удар по престижу Российской Федерации.

Последние события в Югославии ещё больше сплотили отечественную буржуазию, а вернее тех, кто представляет её интересы на политической арене.

Вся эта истерия ужасно напоминает события лета 1914 г., начало первой мировой войны. Осталось лишь переименовать Петербург в Петроград, разгромить немецкое посольство и вступить в очередную империалистическую войну.

Товарищи рабочие, не поддавайтесь лживой истерике отечественной буржуазии, весь этот концерт разыгран с целью поднять её пошатнувшийся престиж и отвлечь нас от социально-экономических проблем и борьбы за свои интересы. От этой войны, как и от любой другой, мы с вами не получим ничего: похоронки, гробы, кровь, пот и слёзы – вот и всё, что достанется нам.

Буржуазия же сорвёт куш и продлит себе жизнь. Рабочий, не дай себя одурачить и бросить в мясорубку очередной империалистической бойни!

Лишь скинув со своей спины кровососов в лице своего правительства и всей буржуазии, ты можешь себе и покажешь пример рабочим сербам и хорватам, которым давно пора прекратить убивать друг друга и повернуть оружие против своих буржуазных правительств.

Превратим империалистическую войну в гражданскую!

Да здравствует мировая коммунистическая революция!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЗОР АПРЕЛЬ 2026

Пока в новостях говорят о скорой стабилизации, система переживает глубокий структурный кризис: рынки переполнены необеспеченными долгами, новые технологии лишают часть старых отраслей прежних прибылей и создают новые высокие прибыли для других, а государства ожидаемо втягиваются в войны за ресурсы. Мало поставить диагноз современному капитализму; следует понять, почему рабочее движение сейчас так слабо и разобщено, и, главное, с чего коммунистам нужно начинать практическую работу уже сегодня, чтобы организовать людей к грядущим социальным потрясениям, а не ограничится пассивным ожиданием стихийных бунтов.

Господствующая буржуазия и её официальные сикофанты от экономики вновь тешат себя иллюзиями. Пережив инфляционные шоки начала десятилетия и приспособившись к перекройке глобальных логистических артерий, мир капитала торопится провозгласить наступление новой эры стабилизации. Однако за блестящим фасадом бьющих рекорды биржевых индексов скрывается глубочайшее обострение всех органических противоречий капиталистического способа производства. Современная картина мира определяется не дипломатическими манёврами в Женеве и не мнимой борьбой “демократий против автократий”, как уверяют филистеры из либеральной прессы. Миром неумолимо движет неравномерное материальное развитие производительных сил, которые переросли узкие рамки частнособственнических отношений.

Астрономический глобальный долг, в 2024 году переваливший за отметку в 315 трлн долларов (более 330 % мирового ВВП)¹, уже физически

невозможно обслуживать без перманентного обесценивания валют². Гигантские долговые пузыри лопаются один за другим, обнажая истинную природу фиктивного капитала. Если вчера мы наблюдали крах китайского гиганта Evergrande, то сегодня эпицентр долгового землетрясения сместился в сердце западного капитализма. Кризис коммерческой недвижимости в США (CRE), где триллионы долларов заморожены в пустующих офисных башнях, уже привёл к серии банкротств региональных банков (от Silicon Valley Bank до проблем New York Community Bancorp). Это не просто “коррекция рынка” – это классический момент, когда фиктивный капитал (кредиты, выданные под ожидание будущей, но так и не созданной, прибавочной стоимости) сталкивается с жестокой реальностью материального производства.

В старых центрах накопления, подобных Германии, свирепствует стагфляция³. В стране, которая десятилетиями была “промышленным локомотивом” Европы, в 2023 году ВВП сокра-

1 - Структура долга на первый квартал 2024 года (по данным Global Debt Monitor – регулярного отчёта Института международных финансов):

“Развитые” рынки (сюда входят США, Япония, страны Европы): ~\$209,7 трлн (около 2/3 от всего долга). Здесь долг растёт преимущественно за счёт правительственных заимствований.

“Развивающиеся” рынки (основные драйверы роста – Китай, Индия и Мексика): ~\$105,4 трлн. За последнее десятилетие долг вырос более чем в два раза (на \$55 трлн).

По секторам экономики:

Нефинансовые корпорации (реальный бизнес): ~\$94,1 трлн. Самый закредитованный сегмент, особенно в “развивающихся” странах.

Правительства (госдолг): ~\$91,4 трлн. Именно этот сектор рос быстрее всего в последние годы из-за финансирования программ поддержки во время пандемии и роста расходов на оборону.

Финансовый сектор (банки, фонды): ~\$70,4 трлн.

Домохозяйства (ипотеки, кредитные карты, студенческие ссуды): ~\$59,1 трлн.

Мировая экономика действительно оказалась в узком коридоре. Жёсткая монетарная политика и высокие ставки (попытка победить инфляцию) делают обслуживание этих 315 триллионов математически невозможным в долгосрочной перспективе, поэтому экономисты сходятся во мнении, что инфляционное обесценивание фиатных денег останется скрытым инструментом управления этим пузырём.

2 - См. приложение 1.

3 - Стагфляция (от “стагнация” + “инфляция”) – это состояние экономики, при котором одновременно происходят три разрушительных процесса: спад производства или нулевой экономический рост (стагнация), непрерывный рост цен (инфляция), рост безработицы и падение реальных доходов населения.

Для буржуазной экономической науки (в частности, кейнсианства) стагфляция долгое время считалась парадоксом. Классическая логика предполагала, что цены растут только при “перегреве” экономики (когда у людей много денег и они активно покупают), а во время кризиса и спада производства цены должны падать (дефляция). Стагфляция ломает этот механизм и загоняет государственное регулирование в тупик: попытки центральных банков задуть инфляцию высокими процентными ставками окончательно добивают промышленность, а попытки спасти заводы дешёвыми кредитами приводят к гиперинфляции.

тился на 0,3 %, в 2024 году спад составил по разным подсчётам от 0,2 до 0,5 %, в прошлом году был зафиксирован микроскопический рост на уровне 0,2 %.

Экономическая модель Германии десятилетиями строилась на сочетании дешёвых энергоносителей (преимущественно российских) и высокотехнологичного экспорта. Утрата доступа к дешёвому сырью разрушила рентабельность целых отраслей тяжёлой промышленности. Химический гигант BASF, фундамент немецкой промышленности, закрывает энергоёмкие цеха в Людвигсхафене и переносит миллиардные инвестиции в Китай и США, где энергия дешевле. В 2023–2024 годах BASF остановила производство аммиака, капролактама и ряда удобрений. Однако демонтаж оборудования, реструктуризация площадки и поэтапные увольнения тысяч рабочих растянуты во времени и продолжаются. Это “кровоточащая рана” немецкой экономики, которая всё ещё открыта. В то же самое время в китайском Чжэньцзяне BASF строит гигантский интегрированный химический комплекс (Verbund) стоимостью 10 млрд евро – это крупнейшая инвестиция за всю историю компании. Полное завершение мегапроекта намечено на 2030 год. Одновременно осуществляются инвестиции в расширение американских площадок (в Гейсмаре, штат Луизиана, и других штатах); процесс подпитывается льготами от правительства США (в рамках Закона о снижении инфляции – IRA).

Производство стали, стекла, бумаги и удобрений в Германии сократилось на 15–20 % по сравнению с 2021 годом – последним годом перед вторжением российского империализма на Украину. Символ немецкого капитализма – автопром – переживает исторический кризис перепроизводства и падения нормы прибыли на фоне технологического сдвига. Осенью 2024 года концерн Volkswagen заявил о намерении впервые за свою 87-летнюю историю закрыть заводы на территории самой Германии и уволить десятки тысяч рабочих. Немецкий капитал проигрывает конкурентную войну китайским электромобилям (таким как BYD), которые производятся с меньшими издержками, и пыта-

ется компенсировать падение нормы прибыли прямым уничтожением рабочих мест и разрывом коллективных договоров с профсоюзами, а также переводом части мощностей на военное производство.

Немецкая буржуазия отказывается инвестировать средства внутри страны. В условиях высоких издержек внутри Германии и агрессивного американского протекционизма немецкий капитал “голосует ногами”. Наблюдается колоссальный отток прямых инвестиций за рубеж, в то время как внутреннее производство стагнирует.

Хотя пики энергетической инфляции 2022 года пока пройдены⁴, рост цен укоренился и перешёл в “базовую” форму. Продолжают расти цены на продукты питания, услуги и, что наиболее болезненно, аренду жилья. Инфляция выступает как скрытый налог на рабочий класс. За последние несколько лет реальная (очищенная от инфляции) заработная плата немецких рабочих существенно снизилась. Капитал перекладывает издержки структурного кризиса на плечи пролетариата. Стагфляция в Германии – это структурный кризис перенакопления капитала. Немецкий капитал больше не может извлекать достаточную прибавочную стоимость в новых условиях.

Колоссальная кредитная накачка мирового капитализма больше не стимулирует реальный рост, являясь классическим, хрестоматийным симптомом перепроизводства капитала. Ярчайшее проявление этой гангрены сегодня – астрономические объёмы обратного выкупа акций (*buybacks*). Капитал больше не инвестируется в расширение реального производства в прежних объёмах, так как оно не сулит достаточной нормы прибыли. Он вращается в спекулятивном казино, искусственно раздувая биржевую капитализацию и обогащая финансовую олигархию.

По итогам 2024 года только компании из индекса “S&P 500” потратили на выкуп собственных бумаг рекордные 942,5 млрд долларов. А уже в 2025 году этот спекулятивный психоз пробил исторический потолок: за 12 месяцев (по сентябрь 2025 года включительно) объём *байбэков*

4 - Война США и Израиля против Ирана и связанная с нею ситуация вокруг Ормузского пролива может изменить ситуацию.

в США перевалил за 1,02 трлн долларов. Эта болезнь пожирает не только американский империализм, но и другие старые центры накопления:

– европейская буржуазия, исторически предпочитавшая выплату дивидендов, включилась в ту же гонку. По итогам 2024 года объём выкупа акций европейскими корпорациями достиг рекордных 182 млрд евро, а доля компаний, сжигающих капитал таким образом, пробила исторический максимум в 43 %.

– японский капитал, десятилетиями сидевший на горах мёртвых наличных из-за стагнации внутреннего рынка, в 2024 финансовом году потратил на выкуп акций около 18,7 трлн иен, а в 2025 году этот показатель взлетел до безумных 24,9 трлн иен (около 200 млрд долларов).

Чтобы осознать масштабы этого ускорения, достаточно взглянуть на историческую динамику. В 1990-е годы объёмы байбэков в США составляли лишь десятки миллиардов долларов в год. В начале 2000-х они с трудом дотягивали до 200–300 млрд долларов. Сегодня же только американский технологический сектор (Information Technology) за одно десятилетие сжёг на выкупе более 2,1 триллиона! Это экспоненциальное ускорение – не признак здоровья экономики, а математическое доказательство её загнивания. Огромные массы прибавочной стоимости изымаются из реального сектора.

Карл Маркс гениально предвосхитил эту стадию развития капитализма, на которой избыточный капитал устремляется в финансовые махинации:

«Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, кроме перепроизводства средств производства, – средств труда и жизненных средств, – которые могут функционировать как капитал, т. е. могут применяться для эксплуатации труда при данной степени эксплуатации; падение же этой степени эксплуатации ниже определённого пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили

накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, – эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или, по крайней мере, вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплуатации.

Если капитал вывозится за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещён при более высокой норме прибыли» (К. Маркс, «Капитал», том III, гл. 15)⁵.

И далее, анализируя фиктивный капитал и кредитную систему, Маркс подчёркивает неизбежность превращения этого процесса в чистую спекуляцию на фоне падения прибыльности:

«Если кредит оказывается главным рычагом перепроизводства и чрезмерной спекуляции в торговле, то лишь потому, что процесс воспроизводства, эластичный по своей природе, форсируется здесь до крайних пределов, и именно потому форсируется, что значительная часть общественного капитала применяется не-собственниками его, пускающимися в силу этого в предпринимательскую деятельность совсем по-иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, боязливо взвешивает ограниченные возможности своего частного капитала. Это только свидетельствует о том, что основанное на противоречивом характере капиталистического производства возрастание стоимости капитала допускает действительное, свободное развитие лишь до известного предела и, следовательно, в действительности создаёт для производства имманентные оковы и пределы, постоянно прерываемые кредитом). Поэтому кредит ускоряет развитие материальных производительных сил и создание мирового рынка, доведение которых как материальных основ новой формы производства до известной высокой степени развития и составляет историческую задачу капиталистического способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия,

5 - Маркс К. Капитал. Том третий // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 280–281.

кризисы, и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства.

Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение на эксплуатации чужого труда, в систему чистейшего и колоссальнейшего азарта и мошенничества и всё более сокращать число тех немногих, которые эксплуатируют общественное богатство; а с другой – составлять переходную форму к новому способу производства» (К. Маркс, “Капитал”, том III, гл. 27)⁶.

Именно эта необходимость “уничтожить”, или обесценить часть накопленного капитала, чтобы спасти оставшуюся, является экономическим базисом войн. Исторические параллели напрашиваются сами собой. Как и накануне мировых боен 1914 и 1939 годов, базис нынешнего кризиса кроется в исчерпании рынков сбыта и объективной необходимости их насильственного передела. Вновь монополии скалят зубы в борьбе за сырьё, а буржуазия раздувает шовинизм и запускает маховик милитаризации. Беспрецедентная степень глобализации делает невозможной локализацию конфликтов, а страх перед ядерным уничтожением заставляет империалистов вести войну через изнурительные прокси-войны, экономический терроризм и кибератаки.

Апологеты “политического реализма” тешат себя надеждой, что доктрина “взаимного гарантированного уничтожения” (MAD) навсегда удержит империалистических хищников от прямого столкновения. Однако марксистский анализ показывает: наличие ядерного оружия меняет лишь форму империалистической бойни, но не отменяет её базисных экономических причин. Страх перед ядерным апокалипсисом используется капиталом для легитимации гибридных конфликтов, но обострение кризиса неумолимо размывает “красные линии”. Никакое оружие само по себе не способно отменить законы движения капитала.

Стержнем, вокруг которого закручивается эта спираль противоречий, выступает колоссальный технологический сдвиг – развитие искусственного интеллекта (ИИ) и “зелёной” энергетики. Здесь во весь рост встаёт фундаментальный

закон капитализма, открытый Марксом, – тенденция нормы прибыли к понижению. Суть его в том, что в погоне за конкурентным преимуществом капиталист вынужден увеличивать долю машин, станков, серверов (постоянный капитал) по отношению к живому труду рабочих (переменный капитал). Но так как новую стоимость создаёт только живой труд, то по мере механизации, автоматизации и роботизации производства норма прибыли на весь вложенный капитал неумолимо падает.

Сегодня мы видим этот процесс в самой уродливой форме в технологическом секторе. “Пузырь ИИ” требует от монополий колоссальных капитальных затрат: сотни миллиардов долларов вливаются в строительство дата-центров. При этом, чтобы хоть как-то удержать норму прибыли от падения, корпорации проводят жесточайшие массовые сокращения⁷. Замещая живой труд алгоритмами, капитал сокращает саму базу для эксплуатации. Производство электромобилей (EV) демонстрирует ту же тенденцию: гигантские инвестиции в робототехнику приводят к ценовым войнам и отрицательной рентабельности. Буржуазия ни одного государства не является единой. Война за новые технологии – это ещё и ожесточённая внутренняя схватка: например, между старым промышленным капиталом и новыми цифровыми монополиями за распределение государственных субсидий.

В этом заключается высшее, смертельное противоречие капитала, предвиденное Марксом в “Экономических рукописях 1857–1859 годов”:

«Сам капитал представляет собой совершающее процесс противоречие, состоящее в том, что он, с одной стороны, стремится свести рабочее время к минимуму, а, с другой стороны, делает рабочее время единственной мерой и источником богатства. Поэтому капитал сокращает рабочее время в форме необходимого рабочего времени, с тем чтобы увеличивать его в форме избыточного рабочего времени; поэтому капитал во всё возрастающей степени делает избыточное рабочее время условием – вопросом жизни и смерти – для необходимого рабочего времени. С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной

6 - Там же. С. 484–485.

7 - См. приложение 2.

комбинации и социального общения, – для того чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путём колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости. Производительные силы и общественные отношения – и те и другие являются различными сторонами развития общественного индивида – представляются капиталу лишь средством и служат ему лишь средством для того, чтобы производить на своей ограниченной основе. Но в действительности они представляют собой материальные условия для того, чтобы взорвать эту основу.

“Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. Богатство” (реальное богатство) “представляет собой не распоряжение прибавочным рабочим временем, а такое время, которым можно свободно располагать за пределами времени, затрачиваемого на непосредственное производство, – свободное время для каждого индивида и всего общества” [“The Source and Remedy of the National Difficulties”. London, 1821, стр. 6]»⁸.

Искусственный интеллект объективно создаёт материальную базу для общества абсолютного изобилия. Но чтобы выжить, капитализм искусственно конструирует дефицит: монополизирует алгоритмы патентами и развязывает торговые войны. Более того, переход к “зелёной” экономике отнюдь не снижает роль традиционной энергетики. Традиционные нефтегазовые монополии используют глобальную нестабильность, чтобы выбивать из государств новые субсидии под предлогом “энергетической безопасности”. В то же время “зелёный” капитал лоббирует экологические квоты, разоряющие конкурентов. Эта грызня фракций буржуазии в конечном итоге оплачивается пролетариатом через рост тарифов.

Эта технологическая революция до предела обостряет империалистическую грызню. Американский империализм перешёл к грубому

протекционизму. Но и здесь ярко проявляется глубочайший раскол национальной буржуазии. Сводить современный раскол американского капитала исключительно к примитивной дихотомии “глобалисты-финансисты” против “патриотов-промышленников” – значит пользоваться оптикой конца XX века. Сегодня линия разлома проходит не столько между секторами, сколько внутри самих глобальных цепочек создания стоимости, и определяется тем, на каком этапе этих цепочек находится конкретная корпорация. Американский капитализм столкнулся с фундаментальным противоречием: логика максимизации прибыли (требующая дешёвой рабочей силы и открытых рынков, прежде всего в Азии) вступила в прямой конфликт с логикой удержания международной и военной гегемонии (требующей контроля над технологиями и “реиндустриализации”)⁹. “Доктрина Трампа” является инструментом этой фракции для извлечения прибавочной стоимости. Разрыв торговых цепочек с Азией превращает Латинскую Америку в гигантскую *макиладору*. Это ярко проявляется в беспрецедентном политическом давлении Вашингтона на Перу с целью ограничения китайского контроля над новым глубоководным мегапортом Чанкай, а также в дипломатическом шантаже Бразилии и Аргентины, направленном на выдавливание корпорации Huawei из сектора сетей 5G. В самих же США пресловутая антимигрантская истерия служит для создания бесправной резервной армии труда.

Центр тяжести мировой экономики сместился в Азию. Китай, задыхаясь от колоссального избытка накопленного капитала, перешёл к классической стадии империализма – агрессивному экспорту капитала. Китайская буржуазия (раздираемая борьбой между экспортно-ориентированным капиталом побережья и внутренним партийно-государственным сектором) вынуждена агрессивно расширяться вовне. Выстраивание альтернативных финансовых систем делает столкновение американского и китайского капиталов главным стержнем современных конфликтов.

8 - Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов), октябрь 1857 – май 1858 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 214–215.

9 - См. Приложение 3.

Анализ текущего момента немислим без учёта новых империалистических хищников, таких как Индии, Турции, Бразилии, Саудовской Аравии. Ошибочно рассматривать их как пассивные объекты. Пользуясь кризисом старой гегемонии, они перешли к торгу. Турецкий капитал проникает в Африку, индийский и саудовский выстраивают свои зоны влияния. Рост их амбиций делает систему противоречий ещё более взрывоопасной.

Европа, отрезанная от дешёвого сырья, спасает остатки промышленности накачкой ВПК. США для Европы – не гарант безопасности, а конкурент. Эти противоречия порождают парадокс: транснациональный европейский капитал и евробюрократия требуют унифицированного ВПК, в то время как национальная буржуазия сопротивляется. Германский индустриальный капитал саботирует разрыв с Китаем, а европейский аграрный капитал, разоряемый экологическими квотами Брюсселя, спонсирует правый популизм.

Российский империализм пытается выстроить связи с Глобальным Югом. Чтобы не оказаться в удушающих объятиях Китая, Кремль активно играет на расколе мирового капитала, выстраивая связи с Индией, арабскими монархиями и странами Африки. Внутри страны сырьевые олигархи тайно желают возврата к западным рынкам, пока ВПК и силовики делят сверхприбыли от военной экономики.

Нигде этот кровавый клубок не проступает так ярко, как на Большом Среднем Востоке. Заявления о борьбе с “терроризмом” – лишь идеологический фиговый листок. В реальности это попытка американо-израильского капитала переформатировать транспортные коридоры (проект ИМЕС) и обеспечить контроль над энергоносителями. Для американо-израильского капитала удар по Ирану решает важнейшую задачу – физическое уничтожение независимого центра силы, способного блокировать Ормузский пролив, и разрушение китайско-российских логистических сетей. Индия хочет спасти свои инвестиции в иранский порт Чабахар, а Турция – ослабить Тегеран как своего главного конкурента.

Более того, внешняя агрессия – это всегда попытка разрешить внутренний классовый антагонизм. Накануне войны израильское общество сотрясали колоссальные кризисы. Под предлогом “экзистенциальной” угрозы был мгновенно

установлен режим “классового мира”, а гнев пролетариата канализирован в русло шовинизма. Израильский капитал под шумок физически зачищает палестинские территории, освобождая землю для спекуляций недвижимостью и добычи газа. В Иране война стала спасением для военно-клерикальной буржуазии (Корпуса стражей исламской революции), которая находилась на грани краха под ударами забастовок нефтяников и учителей. Режим ввёл военное положение и использует угрозу извне, чтобы объявлять любого бастующего рабочего “иностранным агентом” и отправлять на виселицу.

Новые рубежи накопления пролегают даже в Арктике. Под льдами Гренландии скрываются колоссальные запасы редкоземельных металлов. Однако для технологических гигантов Гренландия представляет собой ещё и идеальный географический “радиатор” с дешёвой геотермальной энергией – критически важный субстрат для размещения гигантских дата-центров, охлаждаемых арктическим воздухом.

Повсюду буржуазия ведёт тотальное наступление на пролетариат. Мы видим повышение пенсионного возраста в странах развитого капитализма, уничтожение классических трудовых гарантий через насаждение “гиг-экономики” и фактическое сворачивание права на забастовку. Капитал виртуозно стравливает рабочих, внушая им, что враг – за границей. Но объективные материальные условия – инфляция, стагнация зарплат и гнёт кредитов – неумолимо сбрасывают эту пелену. Вспышки забастовок на складах логистических гигантов и в среде “цифровых” работников уже начались.

Но видеть за этим картину грядущих в ближайшем будущем победоносных классовых битв пролетариата – значит тешить себя иллюзиями. Марксистский подход требует безжалостно трезвой оценки текущего состояния самого рабочего класса. Мы наблюдаем вопиющий исторический парадокс: объективные материальные предпосылки для краха капитализма перезрели, однако субъективный фактор – классовое сознание, организованность масс и наличие революционной партии – находится на нижайшем уровне за последние сто лет.

Забастовочная борьба в мировом масштабе раздроблена и носит преимущественно оборонительный характер. Рабочий класс заражён социальной пассивностью и национализмом. Мировой

коммунистической партии пролетариата не существует, а подлинные коммунистические организации представляют собой крошечные, разобщённые кружки, оторванные от широких масс.

Этой тяжёлой картине есть строгие политэкономическое и историческое объяснения. Нынешняя слабость рабочего движения – не случайность и не результат “глупости” пролетарских масс, а закономерное следствие развития капитализма в последние десятилетия.

На протяжении десятилетий буржуазия империалистических центров (США, Европы, отчасти Японии) использовала сверхприбыли для создания мощной “рабочей аристократии” и системы социального обеспечения (*welfare state*). Этот материальный подкуп породил иллюзию, что капитализм можно “улучшать” мирным путём, и превратил профсоюзы в бюрократический придаток буржуазного государства, чья главная цель – гасить, а не разжигать классовую борьбу.

Переход к платформенной “гиг-экономике” превратил часть наёмных рабочих в изолированных “самозанятых” курьеров, фрилансеров или операторов колл-центров, которым объективно сложнее осознать общность своих интересов.

Кроме того, рабочий класс до сих пор не оправился от катастроф XX века. Поражение революционной волны 1917–1921 годов, превращение партий Коминтерна в социал-демократические механизмы системной оппозиции – всё это дискредитировало саму идею борьбы за коммунизм в глазах масс. Буржуазная идеология успешно навязала тезис о том, что любая попытка свергнуть капитал неизбежно ведёт к ГУЛАГу.

Даёт ли эта констатация фактов повод для исторического пессимизма и капитуляции? Ни в коем случае. Марксизм учит диалектике: условия, породившие пассивность пролетариата, сегодня уничтожаются самим же капиталом.

Во-первых, структурный кризис и падение нормы прибыли больше не позволяют буржуазии оплачивать “классовый мир”. Капитал вынужден безжалостно резать социальные бюджеты, повышать пенсионный возраст и снижать реальные зарплаты через инфляцию. Экономическая база реформизма и профсоюзной бюрократии сгорает в топке милитаризации.

Во-вторых, внедрение искусственного интеллекта и автоматизации ведёт к стремительной пролетаризации тех слоёв, которые вчера считали себя “средним классом” (инженеры, програм-

мисты, офисные служащие). Они лишаются своих привилегий и выбрасываются на рынок труда на общих основаниях, пополняя ряды объективных могильщиков капитала.

По мере того, как жизнь миллионов будет становиться невыносимой, стихийная классовая борьба будет нарастать. Однако сами по себе спонтанные бунты не ведут к победе. Чтобы экономическая борьба переросла в революционную борьбу против частной собственности и государства, необходимо привнесение в неё научного коммунистического сознания.

Именно здесь формулируются жесточайшие, практические задачи для современного марксистского авангарда. В текущих неблагоприятных условиях авангард обязан решительно отмежеваться от всевозможных форм реформизма. Следует вести беспощадную теоретическую борьбу против современного социального шовинизма (тех “левых”, которые поддерживают “свой” империализм, “свою” промышленность), против иллюзий “многополярного мира” (поддержки одних хищников против других) и против соглашательского парламентаризма.

Период отлива рабочего движения – это времяковки теоретического и организационного ядра. Марксисты должны изучать современный капитализм, обучать дисциплинированные в классовой борьбе кадры.

Авангард не имеет права отсиживаться в академических кружках. Его задача – привносить коммунистическое сознание в любые, даже самые низовые проявления классовой борьбы, терпеливо объясняя рабочим ограниченность чисто экономических требований и переводя их гнев на капиталистическую систему в целом.

Поскольку капитал глобализован как никогда, антикапиталистическая революция может быть только мировой. Марксисты разных стран должны уже сейчас устанавливать связи, обмениваться опытом и вырабатывать единую тактику, готовя фундамент для создания нового, подлинно революционного Коммунистического Интернационала.

Эпоха мнимого “мира” и стабильности окончена. Капитализм вступает в полосу грандиозных потрясений, войн и кризисов. И хотя сегодня пролетариат кажется раздробленным и слабым, именно эти чудовищные кризисы могут стать той кузницей, работая в которой, марксистский авангард будет ковать революционное созна-

ние пролетариата. При этом не стоит забывать, что революционная марксистская партия – это не пожарная команда, которая сидит в депо в ожидании, когда вспыхнет “стихийный бунт”. Авангард не имеет права просто “быть готовым к моменту”. Он должен сам организовывать это классовое движение каждый день: через выпуск и распространение печатного органа, участие в любых проявлениях классовой борьбы и политические разоблачения. Между стихией и организацией имеется множество промежуточных ступеней, каждый шаг в направлении более высокого уровня организации является шагом в направлении коммунистической революции.

В то же самое время марксисты должны быть готовыми теоретически и организационно к тому моменту, когда возникнут условия, в которых миллионы рабочих могут прийти в движение. Только партия, вооружённая передовой теорией и слитая с передовым классом, сможет направить стихийный бунт в русло коммунистической революции, целью которой является слом буржуазной государственной машины и установление диктатуры пролетариата – необходимое условие для экспроприации частной собственности и последующего отмирания государства.

Апрель 2026 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ФИНАНСОВАЯ РЕПРЕССИЯ

Если страна (например, Турция или Аргентина) имеет внешний долг, номинированный в долларах США, то обесценивание (девальвация) её национальной валюты по отношению к доллару не помогает, а катастрофически усложняет обслуживание этого долга. Для выплаты тех же сумм в долларах государству и бизнесу требуется собрать гораздо больше обесценившихся местных денег. Поэтому, когда экономисты говорят о том, что глобальный долг невозможно обслуживать без «перманентного обесценивания валют», речь идёт не о падении курсов валют “развивающихся” стран к доллару. Речь идёт об обесценивании самих резервных валют (в первую очередь доллара) по отношению к реальным активам через инфляцию. Этот процесс в экономике называется “финансовой репрессией” (*financial repression*). Он работает по-разному для двух типов должников:

1. Страны, занимающие в собственной валюте (США, Япония, страны ЕС).

Для этих стран (на которые приходится 2/3 мирового долга) механизм обесценивания – это спасательный круг.

Процесс: государство (через Центробанки) печатает деньги или удерживает процентные ставки ниже реального уровня инфляции.

Результат: покупательная способность доллара (или евро) падает. Хотя номинально США всё ещё должны кредитору условные 100 долларов, реальная ценность этих денег снижается. При

этом налоговые поступления государства растут вместе с инфляцией (товары стоят дороже – налоги с продаж и доходов выше).

Итог: государство расплачивается по старым, фиксированным долгам “подешевевшими” деньгами. Долг обесценивается за счёт скрытого налога на тех, кто держит сбережения и облигации в этой валюте.

2. “Развивающиеся” страны, занимающие в долларах.

Для стран, занимающих в иностранной валюте, девальвация их местной валюты – это путь к банкротству. Однако парадоксальным образом глобальная долларовая инфляция (то самое “обесценивание” доллара) может им помочь:

Многие “развивающиеся” страны являются экспортёрами сырья. Цены на нефть, металлы и продовольствие на мировых рынках номинированы в долларах.

Когда доллар обесценивается из-за инфляции, цены на реальные товары растут.

Страна-экспортёр получает больше “подешевевших” долларов за тот же объём экспорта. Эти доллары ей становится проще гасить свой старый долларовый долг.

Цель системы не в том, чтобы обрушить курсы локальных валют, а в том, чтобы поддерживать глобальную инфляцию, которая медленно размывает реальную стоимость накопленного долга. Без этого налоги пришлось бы поднимать до уровней, разрушающих экономику, или массово объявлять дефолты.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

С точки зрения марксистской теории, именно живой труд является единственным источником прибавочной стоимости. Следовательно, вытесняя людей на улицу и заменяя их машинами или алгоритмами, капитал сам уничтожает базу для своей прибыли в долгосрочной перспективе.

Происходящий в мировой экономике процесс сокращения рабочей силы – не логическая ошибка теории, а реальное, объективное диалектическое противоречие самой экономической системы. Чтобы понять, почему корпорации с маниакальным упорством продолжают массовые сокращения, усугубляя долгосрочную проблему, нужно разделить логику отдельной корпорации (микроуровень) и логику всей системы (макроуровень), а также учесть так называемые “контртенденции”.

Вот конкретное объяснение того, как разрешается это противоречие на практике:

Тенденция нормы прибыли к понижению – это макроэкономический, системный закон. Но отдельный капиталист (или совет директоров корпорации) не мыслит категориями всей макроэкономики. Они мыслят категориями своего квартального отчёта и конкуренции.

Когда корпорация увольняет 10 тысяч человек и внедряет, например, ИИ или новую производственную линию, она резко снижает свои индивидуальные издержки. На коротком отрезке времени цены на их продукцию на рынке ещё определяются старыми, более высокими средними издержками отрасли. В результате эта конкретная корпорация получает избыточную прибавочную стоимость (добавочную прибыль). Для неё норма прибыли в моменте растёт.

Противоречие срабатывает позже: когда конкуренты делают то же самое (увольняют людей и ставят машины), товары дешевеют, добавочная прибыль исчезает, и средняя норма прибыли по отрасли падает на новый, более низкий уровень. То есть массовые сокращения – это попытка отдельной компании спастись за счёт других, что в итоге тянет на дно всех.

Массовые сокращения почти никогда не означают пропорционального снижения объёмов производства. Когда корпорация увольняет 20 % штата, оставшимся 80 % обычно говорят: «Теперь

вы будете выполнять работу уволенных коллег, иначе окажетесь на улице вместе с ними».

В терминах марксистской теории это означает резкий рост нормы прибавочной стоимости. Хотя общая масса переменного капитала (v , то есть фонд оплаты труда) снизилась, оставшиеся рабочие создают больше прибавочной стоимости (m) в единицу времени за счёт стресса, переработок и страха потери рабочего места. Этот резкий скачок эксплуатации временно перекрывает эффект от роста органического строения капитала (c/v) и тормозит падение нормы прибыли.

Массовые увольнения создают на рынке труда избыток предложения – так называемую резервную армию труда (безработных). Наличие огромной очереди “за забором” позволяет корпорациям не только не повышать, но и реально снижать заработные платы оставшимся сотрудникам (или нанимать новых на худших условиях). Это удешевляет переменный капитал (v) и позволяет корпорации забирать себе ещё большую долю произведённого продукта.

В конечном итоге акционеры корпораций не питаются процентами, они питаются абсолютными деньгами.

Даже если норма прибыли (доходность на вложенный капитал) неотвратимо падает, скажем, с 15 до 5 %, но при этом корпорация захватывает новые рынки и укрупняется, общая масса прибыли может расти. 5 % от капитализации в \$1 трлн – это больше, чем 15 % от \$10 млрд. Ради сохранения этой абсолютной массы прибыли в условиях сжимающихся рынков корпорации готовы идти на любые сокращения.

Действия, которые абсолютно рациональны и спасительны для отдельной корпорации здесь и сейчас (уволить людей → сократить издержки → показать прибыль акционерам), являются абсолютно иррациональными для глобальной экономики в долгосрочной перспективе (сокращение числа рабочих → падение совокупного спроса → снижение массы прибавочной стоимости → кризис перепроизводства и падение нормы прибыли).

Именно поэтому корпорации не могут остановиться: конкуренция заставляет их пилить сук, на котором они сидят, потому что тот, кто перестанет пилить, сорвётся вниз первым.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ БОРЬБЫ ФРАКЦИЙ БУРЖУАЗИИ США

Чтобы лучше понять ситуацию, рассмотрим пять ключевых фракций капитала США, их интересы и конкретные примеры.

1. Транснациональный технологический сектор (*Big Tech*)

Это самая противоречивая фракция. С одной стороны, она производит высокотехнологичный товар, с другой – абсолютно зависит от глобального разделения труда. Она заинтересована в свободном доступе к рынкам сбыта (включая Китай) и глобальным производственным мощностям (Тайвань, сборка в КНР).

Но сам сектор расколот. Компании типа Apple (*fabless* – без собственных фабрик) максимально противятся торговым войнам. Введение тарифов на китайский импорт бьёт по их маржинальности напрямую, так как перенести гигантские сборочные кластеры из Китая (Foxconn) в США или даже в Индию быстро и дёшево невозможно. Компании типа Nvidia (дизайн чипов) отчаянно лоббируют смягчение экспортных ограничений. Запрет на продажу топовых чипов в Китай лишает их огромного куса рынка, и они прямо заявляют правительству, что это наносит ущерб американскому доминированию в сфере ИИ. Компании типа Intel (имеющие фабрики) напротив, выигрывают от протекционизма. Они активно поддержали Закон о чипах (CHIPS Act), получив десятки миллиардов долларов субсидий от государства на строительство заводов внутри США, чтобы конкурировать с тайваньской TSMC.

2. Импортозависимый ритейл и сфера услуг

Это сектор (Walmart, Amazon, Target, Nike), который десятилетиями выигрывал от вывода американских производств в страны нового капитализма. Он заинтересован в сохранении нулевых тарифов на ширпотреб, электронику и одежду. Для этой фракции буржуазии “тарифы на китайские товары” – это не защита национального производителя (которого часто просто не существует в природе), а прямой налог на их американского потребителя, что ведёт к падению их нормы прибыли и сжатию потребительского спроса. Они выступают резко против изоляционизма.

3. Экспортно-ориентированный агропромышленный комплекс

Исторически консервативный сектор, который парадоксальным образом оказался в заложниках

у протекционистской политики. Он заинтересован в свободном доступе на азиатские (в первую очередь китайские) рынки. Когда фракция тяжёлой промышленности продавлиывает тарифы на китайскую сталь, Китай отвечает симметрично – бьёт по американским фермерам, отказываясь закупать сою. Этот сектор ненавидит протекционизм, так как он разрушает их рынки сбыта, выстраивавшиеся десятилетиями (в итоге администрации Трампа пришлось выделять около 28 млрд долларов экстренных субсидий фермерам, чтобы спасти их от банкротства из-за его же торговой войны).

4. Внутренняя тяжёлая промышленность и энергетика

Это тот самый старый капитал (металлурги (U.S. Steel), производители алюминия, традиционный автопром (Ford, GM)), который толкает правительство к жёсткому протекционизму и тарифным войнам. Он заинтересован в защите внутреннего рынка от более дешёвого импорта (субсидированного китайского или европейского), а также в государственных инфраструктурных заказах. Компании этого сектора не могут конкурировать с китайскими электромобилями (EV) или сталью ни по цене, ни зачастую по технологиям батарей. Именно эта фракция пролоббировала сохранение “трамповских” пошлин при Байдене и продавала 100 % заградительные пошлины на китайские электромобили в 2024 году. Без государственного протекционизма эти корпорации ждёт смерть.

5. Финансовый капитал (*Уолл-стрит и инвестфонды*)

Этот сектор выступает за глобализацию, но и здесь есть глубокий нюанс. Он заинтересован в свободном движении капитала в любую точку планеты, где норма прибыли выше. Долгое время сектор был главным лоббистом интеграции Китая в мировую экономику. Однако сегодня он оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, финансисты хотят инвестировать в растущие китайские технологические компании. С другой – американское государство (через SEC и Минфин) насильно заставляет их проводить *de-risking* (снижение рисков) и выводить капиталы из китайских активов под угрозой санкций или потери доступа к государственным контрактам США.

Факт того, что американское государство начало действовать *относительно* автономно от интересов отдельных фракций капитала обусловлен теми изменениями, которые наблюдаются в мировой экономике. Именно это обостряет борьбу между фракциями.

Политическая верхушка США (как республиканцы, так и демократы) осознали: если оставить всё на откуп чистому рынку (где побеждает тот транснациональный сектор, которому выгодна глобализация), то США окончательно утратят промышленную базу, способность производить оружие, передовые чипы и критически важные материалы. А без этого нечем

подкреплять статус мирового гегемона и силу самого доллара. Поэтому американский империализм перешёл к протекционизму не от хорошей жизни, а как к экстренной мере спасения базиса. Государство сейчас буквально заставляет транснациональные корпорации субсидировать национальную безопасность (через отказ от прибыльных рынков, разрыв дешёвых логистических цепочек и перенос заводов обратно “домой”, где рабочая сила дороже). Естественно, те фракции капитала, которые несут убытки от этой перестройки, отчаянно сопротивляются, что и выражается в политическом хаосе и поляризации в Вашингтоне.

ИРАН

КАК НЕРВНЫЙ УЗЕЛ КРИЗИСА ИМПЕРИАЛИЗМА

Данный текст представляет собой марксистский анализ роли Ирана в современном империалистическом кризисе и внутренней классовой динамике страны. Если либеральные идеологи рассуждают о борьбе “реформаторов” и “консерваторов”, то мы доказываем, что все фракции иранской буржуазии едины в подавлении рабочего движения, используя его лишь как массовку в своих междоусобных разборках за активы. На фоне разворачивающейся американо-израильской интервенции мы категорически отвергаем как поддержку внешнего вторжения, так и призывы к “национальному единству” вокруг исламского режима. Единственным ответом пролетариата могла бы быть тактика революционного пораженчества: иранский пролетариат должен вырваться из-под влияния буржуазии, создать собственную авангардную партию и использовать войну для слома буржуазного государства и установления диктатуры пролетариата через возрождённые рабочие советы.

Не впервые именно Ближний Восток и именно Иран оказываются в центре столкновения империалистических держав, их борьбы за передел сфер влияния и рынков. Так было накануне первой мировой войны, когда произошёл раздел Ирана между английским и российским империализмами. Так случилось и во время второй мировой бойни, когда шахский режим решил установить отношения с гитлеровской Германией и в итоге вновь оказался оккупирован англо-российским кондоминиумом. Тегеран 1943 года стал одним из символов нового империалистического передела, предвещавшего окончание той бойни.

С тех пор последовал длительный цикл капиталистического развития, значительно изменивший международный состав хищников, их вес и соотношение сил между ними: наряду с державами, способными проецировать свою политику на весь мир, существует сложное переплетение соглашений и столкновений между региональными игроками. Но суть этой борьбы, блестяще вскрытая Лениным более ста лет назад, остаётся: это раздел рынков и сфер влияния между империализмами – бандитами, которые борются между собой за передел рабов, и неважно, кто первым вытащил нож, перейдя к открытому насилию.

ВОЛНЫ ИРАНСКИХ ПРОТЕСТОВ

Эта борьба между организованными аппаратами насилия крупного капитала переплетается и сегодня с классовой борьбой – борьбой, которая по группировке фракций этих классов и своему накалу значительно отличается от той, что была в эпоху Ленина. Пролетариат не выступает в виде организованной ведущей силы, которая направляет борьбу требующего мира и земли крестьянства против сплотившегося фронта крупной буржуазии и землевладельцев. И одна из целей марксистского анализа как раз должна заключаться в том, чтобы в любых крупных эпизодах классовой борьбы критиковать идеологии, которые зачастую представляют это противостояние классов и их фракций в виде абстрактного порыва масс, “среднего класса” к абстрактной же свободе и демократии. Это необходимо делать и в случае Ирана, где американо-израильской интервенции предшествовала очередная волна протестов. Очередная потому, что социальное напряжение в этой стране вырывается наружу регулярно, несмотря на различие поводов для каждой из волн выступлений. Например, можно вспомнить о протестах 2009 года – так называемом “Зелёном движении”, требовавшем пересчёта голосов после победы на выборах ультраконсерватора Ахмадинежада; или протестах 2019 года, спрово-

цированных резким ростом цен на бензин. Есть много других поводов, но марксизм должен идти дальше: от внешних, поверхностных проявлений этой борьбы в лозунгах и требованиях к вскрытию социально-экономического содержания политической борьбы. Этим мы и займёмся в данной статье, критически используя книгу “Всемирный Иран” российского специалиста Никиты Смагина.

ГЕНЕЗИС ИРАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Смагин – либерал, в прошлом сторонник национал-либерала Навального. Это не могло не отразиться на его внешне беспристрастном анализе. Но у его исследования есть ряд преимуществ, и об одном из них можно

судить по следующей цитате из его книги: *«Пытаясь рассказать что-то об Иране, я частенько слышал в ответ фразу: “да ты же сам себе противоречишь!”. Жизнь сама себе противоречит – так везде. А уж в случае Ирана частота этих противоречий возрастает многократно. Да иранцы вообще частенько сами себе противоречат, скажу я вам! В Иране парадоксальная политическая система, парадоксальное отношение к исламу, парадоксальные законы и мировоззрение. Парадоксы в Иране не просто на каждом шагу, они – системное явление, которое лежит в основе государства и общества, позволяет ему выживать и развиваться»*. Разумеется, одной такой претензии на диалектический метод недостаточно, но автор действительно пытается ограниченно его применять, что и заставило нас обратить внимание на его труд.

Итак, современная форма иранского государства родилась в результате протестов и свержения режима шаха в 1979 году. Современные либеральные идеологии пытаются представить её как авторитарный, персоналистский режим, который в силу своей природы тяготеет к так называемой новой “оси зла”, состоящей из Китая и России и бросившей вызов якобы прогрессивному Западу. Но даже поверхностное соприкосновение с иранскими политическими реалиями сразу же опровергает эту карикатуру. Слово Сма-

гину: «Едва ли не первая ассоциация с Ираном, которая возникает у непосвящённого, – “там диктатура исламистов”. На самом деле всё сложнее и если отойти от эмоциональных суждений, мы сразу вступаем на территорию нюансов и оговорок: да, но... В 1990-е годы в Иране сложилась уникальная политическая система, где теократия сочеталась с демократией, а неизбираемые институты функционировали параллельно с избираемыми. Регулярно проходили выборы и хотя назвать их по-настоящему свободными сложно, они почти всегда были конкурентными и непредсказуемыми». Невольно буржуазный специалист выдаёт классовую истину, которую пролетариату хорошенько стоит зарубить на носу: вовсе не только в Иране, а везде, где буржуазия вполне утвердилась у власти, она создаёт смесь избираемых и неизбираемых органов власти; и когда речь заходит о жизненно важных интересах крупной буржуазии, о её стратегии, она концентрирует принятие таких решений в органах, независимых от зигзагов переменчивых электоральных интересов. И что должно вскрывать конкретное исследование, так это те особенные формы, в которых политическое господство крупной буржуазии выражается в конкретных условиях каждой из держав.

Поворотным моментом в генезисе современной иранской политической формы стал не непосредственно 1979 год, а 1989-й. Вот как Смагин описывает рождение этой конструкции: «Такая сложно-сочинённая модель стала порождением “реформы имени Хаменеи – Рафсанджани” в 1989 году [...]».

[...] в 1989 году легендарный аятолла умер. На тот момент внутренние враги уже были побеждены и репрессированы, а война с Ираком только-только завершилась “боевой ничьей”: погибли по меньшей мере 500 тысяч человек, пострадали – до миллиона [...].

Схватка бульдогов под ковром показала, что самыми влиятельными людьми на момент смерти Хомейни оказались двое: председатель Меджлиса Али Акбар Хашеми Рафсанджани и президент Али Хаменеи. В итоге они и поделили власть: Рафсанджани стал следующим президентом, а Хаменеи – верховным лидером (рахбаром). Не менее важно то, что эти двое ещё и инициировали первую и пока единственную в истории Ирана конституционную реформу. В частности, в результате этой реформы был упразднён пост премьер-министра, а его полномочия фактически переданы президенту страны.

[...] Президент Рафсанджани стал лидером реформистского движения, которое выступило за либерализацию экономической жизни и нормализацию отношений с миром, включая Запад. [...] В противовес этому на противоположном полюсе политического спектра начал формироваться блок консерваторов, апеллировавших к “хардкорным” ценностям Исламской революции, включая антизападную риторику и строгое соблюдение религиозных норм. Эта часть политического спектра Ирана консолидировалась вокруг Хаменеи, хотя формально он пытался показать, что не поддерживает ни одну из сил. Верховный лидер до сих пор предпочитает не высказываться в пользу того или иного кандидата на президентских выборах. В то же время намёки в его речах, да и данные в иранских СМИ не оставляют сомнений, на чьей стороне Хаменеи во внутривнутриполитической игре.

В политической борьбе у обоих движений были свои слабости и преимущества. Реформисты пользовались большей поддержкой населения. Их идеи либерализации системы и открытости миру явно нашли отклик у избирателей: и Меджлис, и президентский пост чаще оставались за ними. За 35 лет, с 1989 по 2024 год, политики из числа реформистов занимали президентское кресло 24 года. Но на стороне консерваторов всегда был серьёзный перевес в теократических институтах власти: верховного лидера (рахбара) можно сместить только по состоянию здоровья – по сути, избирают его единожды и навсегда. При этом конституционные полномочия делают рахбара самым влиятельным человеком в Иране. Он напрямую назначает половину членов Совета стражей конституции, который может отклонить любой законопроект Меджлиса и к тому же решает, кого можно допустить на парламентские и президентские выборы, а кого нет. Кроме того, с рахбаром должны быть согласованы кандидатуры трёх ключевых министров: главы МИД, минобороны и министерства разведки, контролирующего спецслужбы. Наконец, ему напрямую подчиняется Корпус стражей исламской революции (КСИР), военное формирование численностью в 300–400 тысяч человек, которое входит в состав вооружённых сил страны и исполняет функции армии и спецслужб одновременно.

[...] В результате реальные полномочия и влияние определяются не столько тем, что написано на бумаге, сколько тем, кто из политиков и функционеров сейчас пользуется большим авторитетом».

Мимоходом заметим, что такая организация власти иранской буржуазии, которая рядится в самые разные одежды, в том числе религиозные, отчасти объясняет, почему не сработала американо-израильская ставка на устранение лидеров этого политического режима. В более же общем плане относительная гибкость такого типа демократии как формы диктатуры капитала решала несколько задач, типичных для организации господства буржуазии:

Выработка в процессе борьбы и торга определённой общей линии господствующего класса по отношению как к внутреннему, так и внешнему фронту.

Организация поддержки массами этого политического режима. В том числе – но, разумеется, не только – за счёт создания иллюзии выбора между разными течениями, разными предвыборными обещаниями, рекламными электоральными вывесками.

Наконец, как было отмечено выше, создание максимально устойчивой структуры для борьбы с другими фракциями разбойников, региональных и глобальных.

ИРАНСКИЙ ВАРИАНТ “ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ”

Очевидно, что любая политическая форма наполнена противоречивым и находящимся в постоянном движении социальным и экономическим содержанием, которое она должна выражать. Без труда можно обнаружить, что и в Иране есть крупные семейства буржуа, курортные островки, где эта элита прожигает нажитое “непосильным трудом”; существует так называемая экономика КСИР, на которую приходится то ли 20, то ли 40 % от общенациональной, и где в руководстве компаний заседают отставные военные; есть и экономика ближневосточного базара – мелкой иранской буржуазии. Но здесь хотелось бы остановиться на другом элементе функционирования этой социально-экономической модели, неплохо описанной в книге Смагина и типичной для послевоенной социально-экономической модели старых держав, сегодня также находящейся в кризисе. Речь о том, что на Западе получило название вэлфера, или государства всеобщего благосостояния. В Европе эта система утвердилась в период “экономических чудес” 1950–1960-х годов, когда происходили бурные процессы разложения крестьянства,

перетекания населения в города и пролетаризации. Крохи с барского стола, сыпавшиеся на системы социального обеспечения, были призваны смягчить трение, неизбежно возникавшее по ходу этих процессов, и отчасти поддержать спрос на продукцию в быстро росшей экономике. В специфических формах этот феномен был свойственен и Ирану.

С 1950 по 2015 годы уровень урбанизации в Иране вырос с 28 до 73 %: по сути, это означает очень быстрые темпы разложения деревни и формирования классов современного буржуазного общества, что не могло не создать социального напряжения, не обострить политическую борьбу и не вызвать адаптацию политических форм.

Проследим, как эти процессы описывает Смагин: *«Первые системные проявления социальной политики в Иране приходятся на годы ирано-иракской войны (1980–1988 годы). Изнурительный конфликт требовал перестройки экономики на военные рельсы, и прежние рыночные механизмы распределения продуктов не работали. Чтобы избежать голода, власти впервые прибегли к массовым субсидиям на продукты питания: цены находились под контролем государства, а товары выдавали населению в соответствии со строгими нормами. Фактически речь шла о продовольственных карточках, по которым каждому отпускали только определённое количество продуктов. Затем война закончилась, необходимость в нормировании исчезла, но субсидии остались. Теперь иранцы могли получать сколько угодно бензина или электричества по низким ценам.*

В те годы проявилась и другая черта новых властей. Исламская республика стремилась не уничтожить институты, существовавшие при шахе, а, скорее, скорректировать их работу и дополнять новыми. [...] Прежние организации и институты социальной помощи, действовавшие при шахе, ликвидированы не были, но появились новые организации, нацеленные на работу с теми слоями населения, которым прошлый режим не уделял достаточно внимания. Примечательно, что Фонд Пехлеви, которому принадлежали значительные активы шаха и его семьи, переименовали в Фонд угнетённых (“Боньяд-е мостазафан”). Он стал вотчиной КСИР, превратившись в самый крупный и влиятельный из иранских фондов.

В экономическом плане успехи Исламской республики в первые десятилетия были более чем

скромны. Санкции и международная изоляция нарушили привычные маршруты экспорта углеводородов, затяжная война с Ираком разрушила экономику. [...] На дореволюционный уровень экономических показателей страна вышла только к началу 2000-х [...].

На контрасте с экономикой социальная политика показала совсем недурные результаты. Исламисты открыли путь для простых людей к образованию и медицине. Быстро снижалась младенческая смертность. Уже к началу 1990-х Иран вышел по этому показателю на уровень развитых стран, ощутимо опережая средние цифры по Ближнему Востоку – и это на фоне войны и экономического кризиса! Живут иранцы тоже дольше, чем их соседи по региону: к началу 2010-х Иран, оставаясь развивающейся страной, сравнялся по продолжительности жизни с европейскими государствами. Действия властей этому способствовали: в 1995 году был принят закон о всеобщем медицинском обслуживании, который предложил полисы медицинского страхования всем жителям страны. Впервые жители даже глухих сёл и деревень получили доступ к базовым врачебным услугам.

Прогресс по сравнению с временами шаха был виден и в образовании. Если в 1970-х в школах Ирана училось около 5 миллионов человек, то к началу 2000-х число школьников достигло почти 20 миллионов. Поступить в вузы стало значительно легче. Немало Исламская республика сделала и для эмансипации женщин. До 1979 года уровень грамотности среди девушек 15–24 лет в стране составлял 42 % и был значительно ниже, чем в Турции (68 %). Однако к середине 2000-х этот показатель в Иране уже достиг почти 97 %, на 3 % больше, чем у турецкого соседа. Также женщины массово пошли в университеты, их доля среди студентов превысила 50 %.

Впервые в истории Ирана безработным стали регулярно выплачивать пособие. В систему социального обеспечения вовлекались самозанятые. Наконец, система субсидий и помощи уязвлённым слоям в сочетании с экономической нормализацией 1990-х и 2000-х смогли переломить ситуацию с бедностью. Этот показатель резко ухудшился в годы войны и оставался на уровне 30 % вплоть до 1995–1996 годов. Однако затем число бедных начинает сокращаться, упав до всего 5 % в 2011–2013 годах».

Этот долгий цикл развития привёл к формированию современного капиталистического общества, включающего то, что буржуаз-

ная социология называет “средним классом”. В реальности речь идёт о социальном миксе из разных классов и их слоёв, эксплуататоров и эксплуатируемых, которых только на основании уровня доходов и господства буржуазных привычек смешивают в одном котле. Как бы то ни было, эта разнородная масса начала предъявлять к государству всё новые запросы. Последнее, в свою очередь, не способно на них ответить в условиях санкций и деградации экономики из-за дефицита инвестиций. Такова реальная почва иранских протестов.

ИЛЛЮЗИЯ РАБОЧЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА БУРЖУАЗИИ

В анализе Смагина и других буржуазных исследователей зачастую упускается из виду не только сам иранский пролетариат, но и то, как правящий класс активно конструирует механизмы для подчинения рабочего движения своим фракционным интересам. Иранская буржуазия, несмотря на свою внутреннюю раздробленность (которую политологи упрощённо сводят к борьбе “реформаторов” и “консерваторов” или “принципалистов”), обладает богатым арсеналом средств для кооптации рабочих протестов и использования их как тарана в междоусобных войнах за активы и политическое влияние.

Сразу после революции 1979 года, когда независимые рабочие советы (шоры) были разгромлены, государство создало их суррогат – Исламские советы труда, а также зонтичную организацию “Рабочий дом” (Хане-е Каргар). Эти структуры лишь номинально защищают права трудящихся. На деле их задача – превентивный контроль над рабочей средой и интеграция рабочего класса в государственную корпоративистскую систему.

Важно отметить, что руководство “Рабочего дома” исторически тесно связано с фракцией так называемых “прагматиков” и “реформаторов” (линия Рафсанджани и Хатами). В периоды, когда эта фракция находилась в оппозиции к жёстким консерваторам, лидеры “Рабочего дома” нередко использовали мобилизацию подконтрольных им рабочих для оказания давления на политических конкурентов, организуя санкционированные митинги под лозунгами социальной справедливости, которые на деле служили лишь инструментом торга за министерские портфели и экономические преференции.

С другой стороны, консервативное крыло буржуазии, опирающееся на КСИР и крупные религиозные фонды (боньяды), регулярно разыгрывает карту “защиты угнетённых” (мостазафин). Начиная с эпохи Ахмадинежада и вплоть до президентства Раиси, консерваторы активно использовали забастовки рабочих на приватизированных предприятиях для удара по своим конкурентам.

Ярким примером служит борьба на сахарном заводе “Хафт Теппе” или заводе тяжёлого машиностроения “Хепко”. Когда предприятия, переданные в руки частных владельцев (зачастую связанных с реформаторским лагерем), доводились до банкротства, а рабочие месяцами не получали зарплату, консервативные СМИ и политики внезапно становились “голосом пролетариата”. Они освещали эти забастовки и поддерживали требования об отмене приватизации, но лишь с одной целью – передать эти активы из рук частных конкурентов обратно под контроль государства или парасоциальных фондов, связанных с КСИР. Как только смена собственника происходила, “солидарность” консерваторов улетучивалась, а любые попытки рабочих продолжить борьбу за свои реальные права жёстко подавлялись.

Фракция реформаторов, в свою очередь, десятилетиями использует демократические иллюзии интеллигенции и части рабочего класса. Накануне выборов они обещают смягчение трудового законодательства, легализацию независимых профсоюзов и расширение гражданских свобод. Однако именно кабинеты реформаторов (особенно при Рухани) несут ответственность за самые масштабные кампании по неолиберальной дерегуляции рынка труда, включая расширение практики “белых контрактов” (договоров, подписанных работником без указания сроков и сумм, куда работодатель может вписать всё что угодно) и вывод миллионов работников малых предприятий из-под защиты трудового кодекса.

Какими бы острыми ни были противоречия между различными группировками иранской буржуазии (ориентированной на внутренний рынок или стремящейся к сделке с западным империализмом, частной или военно-государственной), они демонстрируют абсолютное классовое единство в одном вопросе – недопущении самоорганизации пролетариата.

Как только забастовка выходит за рамки, дозволенные той или иной фракцией, и рабочие начинают выдвигать политические требования или

пытаются формировать подлинно независимые организации (как это сделали профсоюз водителей автобусов Тегерана, координационный совет учителей или независимый профсоюз рабочих “Хафт Теппе”), государственная машина забывает о внутренних разногласиях. Лидеры рабочего протеста подвергаются арестам, пыткам и длительным тюремным срокам при любых президентах – будь то консерваторы, “прагматики” или реформаторы.

Таким образом, иранская буржуазия постоянно пытается превратить рабочее движение в массу для своих внутриклассовых разборок. Осознание того факта, что ни одна из фракций господствующего класса, ни одна из их политических вывесок не может быть тактическим союзником пролетариата, является первым и необходимым шагом к политической независимости иранского рабочего класса в надвигающихся бурях империалистического передела.

КРОВАВЫЙ ПЕРЕДЕЛ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В данный момент американский империализм в союзе со своим израильским компаньоном начал военную операцию против Ирана, не скрывая, что в своей интервенции явно рассчитывает на протестный потенциал иранцев. При этом Трамп не утруждал себя долгими рассуждениями о необходимости защиты “демократических ценностей” и другой идеологической чепухой, оставив оправдание войны необходимостью покончить с человеконенавистническим режимом хору либеральных комментаторов в СМИ. Упрощая общую картину, можно сказать, что находящийся в относительном упадке американский хищник пытается использовать всё ещё имеющееся военное преимущество для того, чтобы поставить под контроль ключевые экономические ресурсы и транзитные пути, чтобы с позиции силы затем торговаться со своими конкурентами – прежде всего восходящим империалистическим Китаем. Вчера этот раздел региона происходил посредством инвестиций, торговых соглашений, дипломатических инициатив (соглашения Авраама; стратегическое соглашение Китая и Ирана от 2021 года, предусматривающее инвестиции на 400 млрд долл. в течение 25 лет и др.); сегодня он продолжается посредством военного вмешательства, приводя в движение непредсказуемую цепочку последствий. Инвестиции, дипломатия и война не являются противоположными, взаимоисключающими средствами этого раздела;

империалистические войны являются продолжением империалистической политики, экономических интересов крупнейших монополистических групп. То же самое делают региональные разбойники помельче – от Израиля до монархий Залива и Турции. Не стоят в стороне европейский и российский империализмы, боясь проиграть от очередного передела.

Есть в этой драме ещё один важный урок. Левые подражатели марксизма могли мечтать о том, что американское вторжение на своих империалистических штыках принесёт иранскому пролетариату якобы прогрессивную демократию, что в будущем создаст более свободные условия для борьбы рабочих за их интересы. Это либо глупость и наивность, либо откровенное предательство и игра на стороне классового врага. С другой стороны, иранская буржуазия закономерно получила козырь в виде “национального единства”, пытаясь сплотить пролетариат вокруг государственного флага и защиты исламского режима, ещё вчера ненавистного самим массам. В этих условиях единственно верной марксистской позицией для иранского рабочего класса является тактика революционного пораженчества. Пролетариат не имеет отечества в этой межимпериалистической войне. Задачей рабочих является не защита “национального суверенитета” буржуазной Исламской Республики от американских ракет и не поддержка вашингтонских интервентов, а использование военного кризиса, ослабляющего государственный аппарат, для развёртывания классовой войны в тылу. Лозунг момента – превращение войны империалистической в войну гражданскую, направление оружия против своей “собственной”, национальной буржуазии.

Освобождение рабочих может быть только результатом борьбы самих рабочих. Однако опыт иранских забастовок, постоянно загоняемых в тупик реформистами или подавляемых штыками КСИР, доказывает: одного лишь стихийного экономического протеста и создания “независимых” профсоюзов недостаточно. Тред-юнионистская борьба оставляет пролетариат в рамках системы наёмного рабства. Для того чтобы вырваться из капкана фракционной борьбы буржуазии, передовым рабочим Ирана жизненно необходимо создание собственного политического оружия – революционной авангардной партии. Только организация профессиональных революционеров, вооружённая передовой марксистской теорией,

способна привести подлинно классовое, интернационалистическое сознание в стихийное рабочее движение и объединить разрозненные стачки в единый политический фронт.

Эта политическая борьба должна иметь чёткую революционную перспективу. Целью пролетариата не может быть “демократизация” режима, смена рахбара на либерального президента или создание “настоящего” “государства всеобщего благосостояния”. Историческая задача состоит в полном сломе, физическом уничтожении буржуазной государственной машины – со всеми её избираемыми меджлисами и неизбираемыми советами, религиозными фондами и Корпусом стражей. На руинах диктатуры капитала иранский рабочий класс, опираясь на возрождённые рабочие советы (шоры), и в союзе с другими отрядами мирового пролетариата должен установить собственную диктатуру – диктатуру пролетариата. Сегодня мы находимся лишь в начале этого тяжёлого пути. Но именно восстановление этой ясной революционной программы, отброшенной оппортунистами, является главным условием будущих классовых битв, высшим выражением которых станет создание нового Коммунистического Интернационала.

Март 2026 г.

ОТ МАНЧЕСТЕРА ЭНГЕЛЬСА К ГЛОБАЛЬНОМУ МАНЧЕСТЕРУ

Буржуазные идеологи десятилетиями убеждают нас в том, что марксизм безнадежно устарел, классический рабочий класс исчез, а на смену жестокой эксплуатации прошлого пришло гуманное “постиндустриальное общество” равных возможностей. Мы разрушаем этот миф, опираясь на строгий политэкономический анализ. Мы показываем, что капитал ничуть не изменил своей хищнической природы – он лишь масштабировал адские условия фабричного Манчестера XIX века, описанные молодым Фридрихом Энгельсом, до размеров всей планеты. Столкнувшись с неумолимым падением нормы прибыли в 1970-х годах, капитализм запустил механизмы глобального реванша: он вынес физическое производство в страны “нового” капитализма, обрекая миллиарды на сверхэксплуатацию, а рабочий класс метрополий раздробил и подчинил с помощью гиг-экономики, цифрового тейлоризма, долговой кабалы и иллюзий суррогатного капитала. В этом материале мы препарлируем анатомию современного расколотого пролетариата и доказываем: несмотря на пространственную и профессиональную разобщённость, шахтер из Конго, курьер с GPS-трекером и выгоревший IT-специалист остаются звеньями одной цепи извлечения прибавочной стоимости. Для слома этой глобальной машины по производству нищеты и отчуждения раздробленному классу наёмных работников жизненно необходимо преодолеть навязанную атомизацию, осознать свои единые классовые интересы. Направить стихийный протест пролетариата в русло коммунистической революции может лишь мировая марксистская партия.

В 1845 году двадцатичетырёхлетний Фридрих Энгельс опубликовал книгу “Положение рабочего класса в Англии”, которую Ленин назвал «ужасным обвинением капитализма и буржуазии»¹, отнеся её к лучшим произведениям мировой социалистической литературы. Выбор предмета анализа был неслучаен: Манчестер XIX века являлся первой “чистой лабораторией” промышленного капитализма. Энгельс с протокольной точностью задокументировал, как система, обладающая невиданной доселе способностью к технологическим инновациям, одновременно порождает абсолютную нищету, эпидемии и деградацию человеческой жизни. Это была реальность удушливого, закопчённого Коктауна из “Тяжёлых времён” Чарльза Диккенса и адских недр “Жерминаля” Эмиля Золя. В первом томе “Капитала” Карл Маркс сформулировал закон: «[...] все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. Наконец, закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»².

Спустя полтора столетия апологеты капитализма утверждают, что этот закон устарел. Нам говорят о наступлении “постиндустриального общества”, триумфе среднего класса и экономике знаний. Однако если мы отбросим идеологическую мишуру и применим строгий марксистский политэкономический анализ к современным реалиям, то обнаружим, что капитализм не изменил своей природы – он лишь масштабировал Манчестер 1845 года до размеров всей планеты. Сегодняшняя экономика – это единая глобальная фабрика, где цифровые алгоритмы выполняют роль бездушных надсмотрщиков, а финансовые пузыри выполняют функцию аппарата искусственного дыхания для системы, поражённой хроническим кризисом перепроизводства.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ЗАКОН И ВЕЛИКИЙ РАЗРЫВ: МЕХАНИКА “ДОЛГОГО СПАДА”

Чтобы понять, почему современный программист, курьер и сборщик смартфонов находятся в одной классовой лодке, обратимся к одному из фундаментальных элементов марксистской теории кризисов – закону тенденции нормы прибыли к понижению.

МАТЕМАТИКА НЕИЗБЕЖНОСТИ

Капитализм движим единственной целью – самовозрастанием стоимости (накоплением капитала). Прибыль возникает исключительно из неоплаченного труда рабочих (прибавочной стоимости). В марксистской парадигме норма прибыли выражается формулой:

$$p' = \frac{m}{c+v},$$

где m – прибавочная стоимость, c – постоянный капитал (машины, сырьё, серверы, алгоритмы), а v — переменный капитал (заработная плата рабочих).

В погоне за конкурентным преимуществом капиталист вынужден постоянно внедрять новые технологии, заменяя *живой труд* машинным. Это ведёт к неуклонному росту *органического строения капитала* (соотношения c/v). Но поскольку источником новой стоимости является только *живой труд* (v), относительное уменьшение доли этого труда в произ-

1 - Ленин В. И. Фридрих Энгельс // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 2. С. 9.

2 - Маркс К. Капитал. Том первый // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 660.

водстве неизбежно ведёт к системному падению нормы прибыли (p').

1973 ГОД КАК ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

В конце 1960-х годов прошлого века лауреаты Нобелевской премии в области экономики Роберт Солоу и Пол Самуэльсон сделали ряд торжествующих заявлений. «Устаревшее понятие [...] “экономического цикла” уже не слишком интересно», – говорил Солоу. Самуэльсон шутил: после пятидесяти лет деятельности Национальное бюро экономических исследований «лишило себя одной из своих задач – изучения делового цикла». Артур Окунь, высокопоставленный советник президентов Кеннеди и Джонсона, утверждал, что рецессии «теперь [...] возможно предотвращать, как авиакатастрофы», и представление, что экономические колебания могут быть угрозой для бесперебойного функционирования экономики, «устарело». В книге *The Political Economy of Prosperity* (Washington, 1970), работа над которой была закончена в ноябре 1969 года, он писал, что в данный момент «нация переживает сто пятый месяц небывалого, беспрецедентного и непрерывного экономического роста», и без колебаний заявлял об «устарелости схемы экономических циклов».

Апологеты капитализма воспринимали период восстановительного послевоенного роста в качестве новой нормы капитализма.

Глава Центра социальной теории и компаративной истории в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, редактор журнала *New Left Review* Роберт Бреннер в книге “Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005” (“Высшая Школа Экономики”, 2014)

доказывает, что это была лишь временная аномалия, вызванная уничтожением огромных объёмов капитала во время второй мировой войны.

К концу 1960-х годов экономики США, Германии и Японии перенасытились производственными мощностями. Закон падения нормы прибыли взял своё. Кризис 1973 года (часто ошибочно сводимый к нефтяному эмбарго) стал моментом, когда капитал больше не мог обеспечивать рост прибылей при сохранении послевоенного “классового компромисса” (высоких зарплат).

С этого момента начинается то, что экономисты называют “Великим расхождением” (*The Great Decoupling*). Английский экономист, преподаватель Оксфордского университета, исследователь капитализма Эндрю Глин³ в книге *Capitalism Unleashed* (Oxford University Press, 2006) показывает механизм капиталистического реванша. Его выводы подтверждает исследование Economic Policy Institute (EPI): с 1973 года производительность труда в США и Европе выросла почти на 110 %, тогда как реальная заработная плата медианного работника застыла на месте (см. таблицу и график). Вся добавленная стоимость за последние полвека была изъята капиталом для компенсации падающей нормы прибыли. Система выживает исключительно за счёт усиления степени эксплуатации.

КАПИТАЛ В ПОГОНЕ ЗА ПРИБЫЛЬЮ РАЗВИВАЕТ ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ

Столкнувшись с падением прибыли и интересами рабочей аристократии в метрополиях в 1970-х, капитал прибег к стратегии, которую англо-американский географ, один из основателей так называемой “радикальной географии” Дэвид Харви в книге *The Limits to Capital* (1982) называет

ГОД	ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА (OUTPUT/HOUR)	РЕАЛЬНАЯ МЕДИАННАЯ ЗАРПЛАТА (REAL WAGE)	РАЗРЫВ (CAPITAL APPROPRIATION)
1973	100	100	0
1990	132	103	+29
2010	185	108	+77
2022 (EST.)	210	110	+100

ДАННЫЕ ОСНОВАНЫ НА МОДЕЛИ EPI (ECONOMIC POLICY INSTITUTE).

3 - В 1970–1980-х гг. Глин был активистом троцкистского Комитета за рабочий интернационал, а также советником Национального союза шахтёров (Великобритания) и Международной организации труда.

«пространственной фиксации» (*Spatial Fix*): если в Детройте рабочая сила стоит 20 долларов в час, а рабочий день ограничен 8 часами, то завод нужно перенести туда, где запросы пролетариата гораздо ниже.

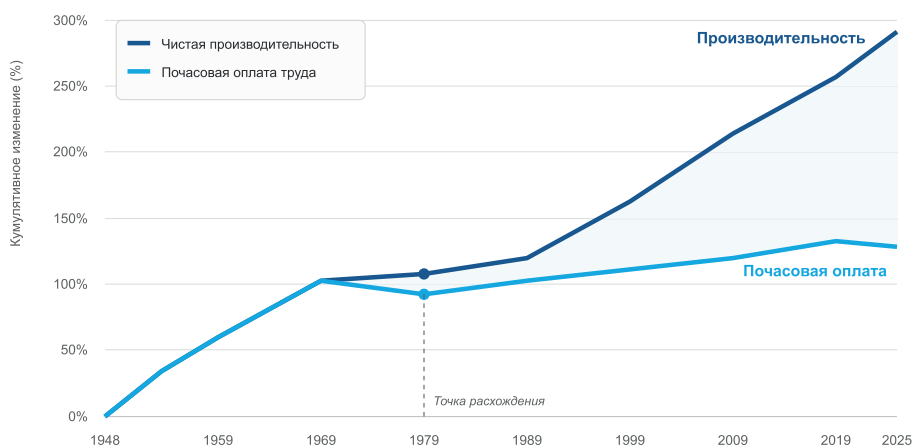
По данным Международной организации труда (МОТ), на текущее десятилетие, глобальная армия наёмного труда составляет беспрецедентные в истории 3,3–3,5 млрд человек. Произошёл колоссальный географический сдвиг: абсолютное большинство мирового пролетариата (около 1,9 млрд рабочих) сегодня сконцентрировано в Азиатско-Тихоокеанском регионе, превращённом в главный индустриальный цех планеты. В Африке численность наёмной рабочей силы составляет около 500 млн человек (причём более 85 % из них находятся в неформальном секторе без малейших социальных гарантий), а в Латинской Америке – около 300 млн. Условия труда на Глобальном Юге зачастую буквально воспроизводят реалии Англии XIX века: отсутствие системной охраны труда, 10–14-часовые смены и доходы, балансирующие на грани физиологического выживания.

При этом не следует забывать, что марксизм различает *абсолютное* и *относительное* обнищание. У сборщика сотовых телефонов в Шэньчжэне сегодня есть не только чашка риса, но и айфон. Но в то же время степень эксплуатации рабочего (относительное обнищание – разрыв между тем, что он производит, и тем, что получает) значительно превосходит уровень эксплуатации сборщика риса.

Как писал Маркс в работе «Наёмный труд и капитал»: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съёживается до размеров жалкой хижинки. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромнен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации,

Разрыв между производительностью и оплатой труда

Рост чистой производительности и почасовой оплаты труда, 1948–2025 гг.

Источник: Economic Policy Institute (EPI). График адаптирован нами и переведён на русский язык.

но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или ещё в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырёх стенах всё более неуютно, всё более неудовлетворённо, всё более принижено.

Сколько-нибудь заметное увеличение заработной платы предполагает быстрый рост производительного капитала. Быстрый рост производительного капитала вызывает столь же быстрое возрастание богатства, роскоши, общественных потребностей и общественных наслаждений. Таким образом, хотя доступные рабочему наслаждения возросли, однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны»⁴.

«ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРУДОВОЙ АРБИТРАЖ» И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕНТА

Исследователь Джон Смит в книге «Империализм в XXI веке» (2022) наглядно препарирует этот процесс на примере производства гаджетов и одежды. Экономическое «чудо» транснациональ-

4 - Маркс К. Наёмный труд и капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 6. С. 446.

ных корпораций (ТНК) основано на том, что они монополизируют патенты, брендинг и финансы (остающиеся на Севере), вынося физический процесс создания стоимости на Глобальный Юг.

Из розничной цены смартфона сборщикам на фабриках Foxconn достаётся менее 2 %⁵. Вся колоссальная прибавочная стоимость, выжатая из 12-часовых смен китайских, вьетнамских или индийских рабочих, перетекает в виде империалистической сверхприбыли на счета корпораций в Калифорнии и Ирландии. Это позволяет западным экономистам рисовать графики роста ВВП империалистических метрополий, скрывая тот факт, что этот ВВП оплачен буквально потом и кровью рабочих стран восходящего капитализма.

Самым мрачным аспектом этой глобальной системы эксплуатации является массовое использование детского труда, обусловленное нищетой пролетариата Глобального Юга. По последним совместным оценкам МОТ и ЮНИСЕФ, сегодня в мире вынуждены работать 160 миллионов детей (почти каждый десятый ребёнок на планете), из которых 79 миллионов заняты на опасных для жизни и здоровья работах. Абсолютным лидером является Африка южнее Сахары, где эксплуатируются 23,9 % всех детей региона (86,6 млн человек). В Азиатско-Тихоокеанском регионе доля работающих детей составляет 5,6 % (49 млн), в странах Латинской Америки и Карибского бассейна – 5,3 % (8,3 млн). Именно эти дети, добывающие кобальт для батарей премиальных электромобилей в Конго или сортирующие токсичный электронный мусор в Гане, обеспечивают фундамент рентабельности высокотехнологичных ТНК.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Однако этот процесс таит в себе диалектическое противоречие. Профессор социологии в университете Джонса Хопкинса Беверли Силвер в исследовании *Forces of Labor: Workers' Movements and Globalization since 1870* (2003) анализирует перемещение капитала за последние 150 лет. Текстильная и автомобильная промышленность бежали от забастовок из Англии в США, оттуда в Японию, затем в Южную Корею, Китай и, наконец, во Вьетнам и Бангладеш.

Читая книгу Силвер, мы наблюдаем железный закон, который Маркс и Энгельс описали уже в «Манифесте Коммунистической партии»: куда

бы ни пришёл капитал в поисках покорных рабочих рук, он неизбежно порождает там своего собственного могильщика – пролетариат. Хотя это ещё не обученный школой капитализма, слабо организованный и не в достаточной мере осознающий свои интересы рабочий класс, но взрывной рост забастовок в Азии в 2010-х и 2020-х годах уже является прямым подтверждением того, что **пролетариат не исчез, он просто сменил географию.**

АНАТОМИЯ РАСКОЛОТОГО КЛАССА: ПРЕКАРИАТ, МИГРАЦИЯ И РАБОЧАЯ АРИСТОКРАТИЯ

Развитие капитализма к XXI веку создало беспрецедентно сложную систему внутренней стратификации пролетариата, раздробив его на страты, между которыми порой происходит конфликт интересов. Эта выстроенная капитализмом многоэтажная система угнетения отражается в фильме южнокорейского режиссёра Пон Джун-хо «Паразиты» (2019), где буржуазия парит в абстрактном стеклянном доме, в то время как представители низов, ослеплённые ложным сознанием, насмерть грызут друг друга в затопленных подвалах за право прислуживать хозяевам.

«ВНУТРЕННИЙ ЮГ» И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИГРАЦИИ

Если капитал не может перенести ферму или стройку в Африку, он импортирует Африку к себе. По данным МОТ на 2024 год, 68,4 % из 167,7 млн международных рабочих-мигрантов сконцентрированы в странах империалистического ядра капитализма. Мигранты формируют искусственно бесправную резервную армию труда. Лишение политических прав и постоянная угроза депортации позволяют капиталу обходить трудовое законодательство, демпинговать зарплаты и – самое главное – направлять классовый гнев местных рабочих в русло правой, популистской ксенофобии.

РЕНТНЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ИЛЛЮЗИЯ СОБСТВЕННОСТИ

Французский экономист Тома Пикетти утверждает, что неравенство растёт из-за того, что доход-

5 - Dedrick J., Kraemer K. L., Linden G. The distribution of value in the mobile phone supply chain // Telecommunications Policy. 2011. Vol. 35. Issue 6. P. 505–521.

ность капиталистических активов превышает экономический рост. Экономический географ, профессор Института исследований жилищного строительства и городского развития Уппсальского университета (Швеция) Бретт Кристоферс вводит понятие рентного капитализма. Он утверждает, что капиталу удалось частично интегрировать верхушку класса наёмных рабочих (рабочую аристократию) в систему эксплуатации.

Через механизмы пенсионных фондов (зависящих от котировок акций), ипотечного кредитования и микроинвестирования наёмные работники метрополий стали собственниками суррогатного капитала. Это порождает ложное сознание: владельцы суррогатного капитала начинают переживать за успехи Уолл-стрит, так как падение биржи означает снижение их собственной пенсии.

Современная рабочая аристократия имеет чёткую географическую и экономическую локализацию. В странах империалистического центра (США, Западная Европа) к этому слою можно отнести 20–30 % от всех наёмных работников (топ-менеджмент, высокооплачиваемые специалисты IT и финансового сектора). Напротив, в странах Глобального Юга доля рабочей аристократии ничтожна и редко превышает 2–5 %, в основном обслуживая логистику и инфраструктуру ТНК.

По данным *World Inequality Database* (WID), характер этой страты на Западе радикально изменился: она обуржуазилась через механизмы владения. У “отягощённых” собственностью страт наёмных работников доля доходов от различных видов собственности (вменённая рента от владения ипотечной недвижимостью, дивиденды от акций, процентные доходы и капитализация частных пенсионных счетов) сегодня может достигать от 15 % до 25 % в их совокупном располагаемом доходе. Для сравнения: у нижних 50 % наёмных работников доля доходов от собственности статистически равна нулю: это и есть тот самый классический пролетариат, которому нечего терять, кроме собственных цепей.

Не что иное, как материальная пуповина, связывающая доходы верхнего слоя рабочих метрополий с их собственной империалистической буржуазией, и является экономическим базисом их политического оппортунизма.

Но не следует забывать, что в реалиях 2020-х годов (инфляция, рост ставок центробанков, рост стоимости жизни) суррогатный капитал рабочей

аристократии тает. Она теряет как накопления, так и активы. Социальная база капитализма сужается даже в метрополиях.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КООПТАЦИЯ: КРАХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ И ЖЁЛТЫЕ ПРОФСОЮЗЫ

На политическом уровне важнейшим фактором деморализации пролетариата стало предательство его исторических организаций – профсоюзов и левых партий. Этот процесс, начавшийся с ревизионизма Второго Интернационала, в эпоху развитого империализма достиг своего логического завершения: социал-демократия полностью интегрировалась в архитектуру глобального капитализма.

Современные системные левые партии (будь то лейбористы в Британии или социал-демократы в Германии) давно перестали быть политическим авангардом рабочего класса. Начиная с 1990-х годов (эпоха “Третьего пути” Тони Блэра и Герхарда Шрёдера), они отбросили даже риторику о преодолении капитализма, превратившись в эффективных менеджеров капиталистических реформ. Именно эти *псевдорбочие* партии проводили приватизацию, урезали социальные гарантии и продвигали политику жёсткой экономии (*austerity*), тем самым уничтожив последние остатки послевоенного классового компромисса.

Иллюстрацией этого служит так называемая “Повестка 2010” (*Agenda 2010*) и реформы Харца, проведённые в начале 2000-х годов правительством социал-демократов Шрёдера в Германии. Именно они создали в Европе крупнейший сектор низкооплачиваемого, precarious труда (*minijobs*) и жестоко урезали пособия по безработице.

Параллельно произошли глубокая бюрократизация и вырождение профсоюзного движения. Превратившись в интегрированный элемент корпоративного управления (так называемый тред-юнионизм), верхушка официальных профсоюзов катастрофически оторвалась от низовых масс. Профсоюзные лидеры, заседающие в советах директоров и получающие топ-менеджерские зарплаты, больше заинтересованы в сохранении “социального партнёрства” и рентабельности корпораций, чем в бескомпромиссной классовой борьбе. Профсоюз превратился из школы коммунизма и боевого органа солидарности в сервисную контору, предоставляющую юридические услуги в обмен на ежемесячные членские взносы.

Для классового сознания этот оппортунизм имел разрушительные последствия. Рабочий

класс метрополий, преданный своими же политическими и профсоюзными “элитами”, оказался в состоянии глубокой политической дезориентации и цинизма. Утратив веру в возможность подлинно левой альтернативы, атомизированный пролетариат стал лёгкой добычей для правого популизма, который сегодня умело канализирует гнев против истеблишмента значительной части рабочих в русло ксенофобии и шовинизма.

ОТСУТСТВИЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ МАРКСИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ОБЪЕКТИВНОЕ ЗЕРКАЛО КЛАССА

Закономерным итогом всех описанных процессов стала глубокая политическая дезорганизация пролетариата. Часто можно услышать вопрос: почему в мире до сих пор нет массового, влиятельного марксистского Интернационала или мощных коммунистических партий?

Марксистский ответ заключается в том, что политическая надстройка (партия) всегда отражает экономический базис и материальное состояние класса. Отсутствие влиятельных марксистских организаций сегодня – это не просто следствие “ошибок руководства”, нехватки харизматичных лидеров или теоретической слабости. Это прямое, объективное отражение реального, личного состояния самого глобального рабочего класса. Как писал Маркс, пролетариат должен превратиться из разрозненного «класса в себе» (объективно существующего, но неосознанного) в политически субъектный «класс для себя».

Сегодняшний глобальный рабочий класс парализован именно как «класс в себе». Его наиболее эксплуатируемая часть физически вынесена на Глобальный Юг, где любая рабочая самоорганизация безжалостно подавляется вооружённым аппаратом местных буржуазных диктатур и транснационального капитала. В то же время в странах империалистического ядра пролетариат увяз в долгах, раздроблен гиг-экономикой, изолирован в пригородах и ослеплён цифровыми иллюзиями.

Создание подлинно революционной, массовой марксистской партии невозможно искусственно декретировать сверху или собрать в Интернете. Партия может вырасти только органически, как политическое и интеллектуальное выражение реального, сплочённого сопротивления низовых пролетарских масс. Пока этого базисного сплочения и опыта солидарной борьбы нет, левое политическое поле неизбежно распадается на маргинальные

академические кружки, оторванные от производства активистские секты или реформистские НКО, которые не представляют ни малейшей угрозы для гегемонии капитала. Слабость марксистских организаций – это точное зеркало структурной слабости и раздробленности современного пролетариата.

ЦИФРОВОЙ КОНВЕЙЕР И ПРЕКАРИЗАЦИЯ

Тем, кто не вошёл в ряды рабочей аристократии, уготована прекаризация. Гай Стэндинг описывает прекариат как слой рабочего класса, лишённый малейшей уверенности в будущем. Гиг-экономика (Uber, платформенная доставка) полностью переложила риски и издержки воспроизводства рабочей силы на самого работника.

Британская исследовательница, специализирующаяся на социологии труда, цифровой экономике и гендерных вопросах, Урсула Хьюз в книге *The Making of a Cybertariat* (2003) разрушает миф об “избранности” IT-сферы. Труд программистов, копирайтеров и дизайнеров подвергается цифровому тейлоризму: он дробится на примитивные задачи, стандартизируется и алгоритмизируется.

Апологеты Кремниевой долины десятилетиями продавали нам идею “экономики совместного потребления” (*sharing economy*) и гиг-экономики как эру независимых творцов и свободных предпринимателей. Однако если мы вооружимся оптикой “Капитала” Маркса, то увидим, что платформенный капитализм – это не преодоление капиталистических противоречий, а их доведение до абсолютного, химически чистого предела.

Маркс не мог предвидеть появление смартфона, но он безупречно описал саму механику того, что сегодня делают Uber, Яндекс, Amazon и Glovo. Вот как современные цифровые платформы объясняются через базовые концепции марксистской политэкономии: если в классическом капитализме буржуазия – это владельцы заводов, газет, пароходов, то в гиг-экономике собственники платформ утверждают, что они просто “информационные посредники”, связывающие клиента и исполнителя. Но, с точки зрения Маркса, платформа (алгоритм, серверы, база данных) – это и есть современные средства производства.

Монополизируя цифровую инфраструктуру, капитал ставит себя в позицию абсолютного контролёра. Рабочий не может найти клиента в обход алгоритма. Платформа взимает колоссальную ренту (комиссию) за доступ к этому цифровому “станку”, диктуя цены обеим сторонам.

В XIII-й главе первого тома “Капитала” Маркс цитирует фабричного инспектора Леонарда Хорнера: «[...] *сдельно оплачиваемый рабочий напрягает свои силы до той крайней степени, за которой он уже не может постоянно сохранять одну и ту же степень интенсивности*»⁶. А в XIX-й главе Маркс делает следующий вывод: «[...] *поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства. Отнюдь не представляя чего-либо нового [...] она, однако, приобретает более или менее обширное поле применения лишь в собственно мануфактурный период. В 1797–1815 гг., когда крупная промышленность переживала период бури и натиска, поштучная заработная плата послужила рычагом для удлинения рабочего времени и понижения заработной платы*»⁷.

Гиг-экономика возвела этот принцип в абсолюте. Курьер или таксист не получает плату за рабочее время – он получает деньги за конкретный заказ (сделку). На психологическом уровне сдельная оплата создаёт у рабочего иллюзию свободы и работы “на себя” (ведь формально над ним не стоит мастер с часами). Она заставляет рабочего самостоятельно интенсифицировать свой труд (работать по 12–14 часов, не спать, нарушать правила безопасности), чтобы заработать прожиточный минимум. Капиталу больше не нужно подгонять пролетария – он сам выжимает из себя прибавочную стоимость.

Гениальная жестокость платформенного капитализма заключается в том, что он заставил пролетария самому оплачивать часть постоянного капитала (*c*). Таксист использует свой личный автомобиль, курьер – свой велосипед и смартфон. Они сами платят за бензин, ремонт, Интернет и амортизацию техники. Платформа извлекает чистую прибавочную стоимость (*m*), почти полностью сбросив с себя бремя содержания и ремонта физических средств производства.

И это ещё не всё. Маркс писал о необходимости для капитала поддерживать *относительное перенаселение* или *резервную армию труда*. Безработные нужны системе, чтобы давить на занятых и не давать зарплатам расти. Приложение в смартфоне – это идеальный резервуар такой армии. В системе зарегистрированы миллионы людей. Если курьер недоволен тарифом и выключает приложение, алгоритм мгновенно передаёт заказ другому

из бесконечной резервной армии мигрантов, студентов или потерявших постоянную работу людей. Это позволяет платформам удерживать оплату труда (*v*) на самом дне социального минимума.

В “Капитале” Маркс также описывает, как машины (“мёртвый труд”) начинают подчинять себе человека (“живой труд”), навязывая ему свой механический ритм. Алгоритмы платформ – это идеальные, недремлющие надсмотрщики. Они осуществляют тотальный цифровой тейлоризм: считают каждую секунду доставки, отслеживают GPS-координаты, штрафуют за малейшие отклонения от маршрута, увольняют (блокируют аккаунт) автоматически на основе снижения рейтинга, без права на профсоюзную защиту или суд. Живой человек превращается в биологический придаток к смартфону, чья единственная задача – физически переместить товар из точки А в точку Б, выполняя команды математического кода.

Гиг-экономика – это реализованная мечта капиталиста XIX века. Это система, в которой извлечение прибавочной стоимости максимизировано, а любые социальные обязательства (больничные, отпуска, пенсии, ответственность за травмы на производстве) полностью обнулены юридической уловкой: «*вы – не наши сотрудники, вы – независимые партнёры*».

Капитализм платформ не отменяет законов Маркса – он очищает их от компромиссов XX века, возвращая нас к жестоким реалиям манчестерских фабрик, но уже с GPS-трекером и геймификацией процесса. Алгоритм платформ – это идеальный надсмотрщик, который не спит и ежесекундно измеряет эффективность труда, превращая интеллектуальную работу в рутинный фабричный конвейер.

СДВИГ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ: ОТ ФАБРИЧНОГО ГУДКА К ЛОГИСТИЧЕСКОМУ АЛГОРИТМУ

Во времена Энгельса и Маркса передовым отрядом пролетариата были фабрично-заводские рабочие (текстильщики, шахтёры, металлурги), занятые непосредственно в промышленном производстве. Их многотысячная концентрация в цехах и на шахтах создавала объективные условия для быстрой самоорганизации. Процесс эксплуатации был предельно нагляден: рабочий видел станок, видел ма-

6 - Маркс К. Капитал. Том первый // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 425.

7 - Там же. С. 566–567.

стера с секундомером и понимал, что фабрикант присваивает плоды его физического труда.

Сегодня глобальный рынок труда пережил радикальную структурную трансформацию. В то время как промышленное производство было вынесено на Глобальный Юг, в странах империалистического ядра (США, ЕС) от 70 до 80 % рабочей силы оказалось занято в секторе услуг, логистике, розничной торговле и ИТ. Это фундаментально изменило классовое сознание.

Во-первых, произошла фрагментация и рассредоточение: значительная доля современных пролетариев трудится не в гигантских цехах, а раздроблена по мелким кофейням, складам Amazon, колл-центрам или вовсе изолирована у экранов мониторов (“удалёнщики”). Забастовку организовать несоизмеримо сложнее, когда ты физически незнаком со своими коллегами.

Во-вторых, изменился объект эксплуатации. Как показала американский социолог Арли Хокшилд в концепции “эмоционального труда”⁸, капитал в сфере услуг начал эксплуатировать не только физическую силу, но и саму личность работника, его улыбки, эмпатию и способность сглаживать конфликты с клиентом.

В-третьих, возникла изощёренная маскировка классового антагонизма. Капиталисты в сфере услуг предпочитают называть пролетариев “партнёрами”, “баристой” или “независимыми подрядчиками”, скрывая сам факт наёмного труда. Курьер доставки де-факто является классическим пролетарием, продающим свою рабочую силу (способность крутить педали и нести термосумку), но де-юре и в собственном сознании он часто мнит себя “мелким предпринимателем”. Отсутствие прямого, видимого угнетателя (его заменяет безличное приложение-алгоритм) дезориентирует рабочего, направляя его фрустрацию на клиентов, коллег или собственную “неуспешность”, но не на саму систему извлечения прибыли.

Это жуткая “свобода” миллионов пролетариев, находящихся в постоянной гонке, приобретающих на последние деньги фургон, чтобы начать

“работать на себя” – доставлять посылки в службе доставки – по 14 часов в сутки, а в оставшееся время воспитывать детей. Это реальность из фильма британского режиссёра Кена Лоуча *Sorry We Missed You* (“Извините, мы вас не застали”).

УРБАНИСТИКА ОТЧУЖДЕНИЯ: РАЗРУШЕНИЕ РАБОЧИХ КВАРТАЛОВ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ АТОМИЗАЦИЯ

Важным инструментом трансформации рабочего класса в развитых метрополиях стало изменение самой пространственной структуры капиталистического города. Классический промышленный капитализм концентрировал пролетариат в плотных фабричных районах и рабочих кварталах. Несмотря на ужасающие бытовые условия (описанные Фридрихом Энгельсом в работе “К жилищному вопросу”), эта чудовищная скученность парадоксальным образом ковала классовую солидарность. Общие дворы, пролетарские таверны, кассы взаимопомощи и ежедневный тесный социальный контакт формировали единую политическую идентичность, способную быстро мобилизоваться для забастовок и уличного противостояния.

Осознав эту политическую угрозу, капитал запустил масштабный процесс реструктуризации городов. Опираясь на логику, заложенную ещё бароном Османом при реконструкции Парижа в XIX веке (уничтожение узких улиц, пригодных для баррикад, в пользу широких проспектов), современный капитализм переключился на метрополию через процессы деиндустриализации, субурбанизации и джентрификации. Как отмечает Дэвид Харви, “право на город” было окончательно узурпировано финансовым капиталом⁹.

Исторические рабочие кварталы в центрах западных городов были планомерно разрушены или джентрифицированы – превращены в элитную недвижимость, модные лофты и офисные кластеры. Рабочий класс был вытеснен на дальние экономические периферии или рассеян по изолированным пригородам. Эта пространственная сегрегация имела катастрофические последствия для рабочего движения: она

8 - Термин впервые был использован американским социологом Арли Рассел Хокшилд в работе *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling* (1983).

9 - Тезис об узурпации “права на город” финансовым капиталом развит Харви в книге *Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution* (2012) с опорой на идеи, изложенные в книге *Le Droit à la ville* (1968) французского социолога и философа Анри Лефевра, известного в качестве одного из первопроходцев в критике повседневной жизни, критике сталинизма, экзистенциализма и структурализма.

физически уничтожила центры воспроизводства пролетарской культуры. На смену коллективному быту пришла тотальная атомизация в однотипных бетонных районах или индивидуализированных ипотечных домах. И неважно что сын современной Шарлотты, обитательницы “Высотки” Балларда, уже не слушает по радио речь Маргарет Тэтчер, а довольствуется 15-секундной нарезкой клипов и мемов, он остаётся таким же пленником сумасшедшего капиталистического Метрополиса.

Более того, возросшие расстояния между домом и работой (маятниковая миграция) ежедневно изымают у наёмного работника часы свободного времени, истощая его и лишая физической возможности участвовать в политической самоорганизации.

ФЕМИНИЗАЦИЯ ПРОЛЕТАРИАТА И КРИЗИС СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Исторически капитализм опирался на патриархальную семью как на бесплатную фабрику по производству и восстановлению рабочей силы. Классическая индустриальная модель предполагала “семейную заработную плату” (*family wage*) для мужчины-кормильца, в то время как неоплачиваемый домашний труд женщины обеспечивал социальное воспроизводство капитала.

Однако с началом наступления капитала в 1970-х годах и стагнацией реальных доходов эта модель рухнула. Капитал мобилизовал колоссальные резервы женского труда, бросив их жизни в топку глобального производства. С одной стороны, этот процесс имел прогрессивный характер: экономическая независимость нанесла сокрушительный удар по традиционной патриархальной семье, предоставив женщинам невиданную ранее свободу от диктата “главы семьи”. С другой – интеграция женщин в рынок труда произошла на сугубо капиталистических условиях.

Капитал использовал массовый женский труд для общего демпинга и снижения стоимости рабочей силы. Теперь для выживания семьи требуется продажа способности к труду обоих партнёров. Возник феномен “двойного бремени” (*double burden*): освободившись от исключительной привязки к домашнему хозяйству, женщина-пролетарий получила

вторую, неоплачиваемую смену дома после окончания оплачиваемой смены на фабрике или в офисе.

На Глобальном Юге феминизация труда приняла форму сверхэксплуатации в экспортно-ориентированных зонах (макиладорас в Мексике, швейные фабрики Бангладеш), где капитал предпочитает нанимать молодых женщин, цинично считая их более “покорной” и дешёвой рабочей силой. Одновременно в метрополиях сформировались “глобальные сети по уходу” (*global care chains*)¹⁰: женщины-мигрантки с Юга вынуждены оставлять свои собственные семьи, чтобы за бесценок выполнять репродуктивный труд (уход за детьми и стариками, уборка) для буржуазии и рабочей аристократии Севера. Это ещё сильнее атомизирует и раскалывает мировой рабочий класс, перекладывая издержки социального воспроизводства на самых уязвимых.

ИНДУСТРИЯ АБСУРДА: ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ЗЛА И “БРЕДОВАЯ РАБОТА”

Если капитализм так эффективен, почему миллионы людей испытывают тотальное отчуждение и считают, что их труд является бессмысленным? Здесь марксистская теория вскрывает фундаментальную иррациональность системы: капитализму плевать на потребительную стоимость (реальную пользу), ему важна лишь меновая стоимость (оборот капитала).

КАРЛ МАРКС И КАПИТАЛИЗАЦИЯ РАЗРУШЕНИЯ

В “Апологетической концепции производительности всех профессий”¹¹ Карл Маркс посредством блестящего сатирического приёма (доведения до абсурда) громит буржуазную политекономию и её представление о том, что такое “полезный” и “производительный” труд:

«Преступник производит не только преступления, но и уголовное право [...] всю полицию и всю уголовную юстицию, сыщиков, судей [...]. Преступник нарушает однообразие буржуазной жизни. Тем самым он предохраняет её от застоя и порождает ту напряжённость, без которой притупилось бы жало конкуренции [...]. В то время как преступления освобожда-

10 - Термины “двойное бремя”, “глобальные сети по уходу” были впервые использованы Арли Хокшильд в статье *Global Care Chains and Emotional Surplus Value* (2000). Концепция также является краеугольным камнем современного левого феминизма (Нэнси Фрейзер, Сильвия Федеричи).

11 - Мы публикуем это замечательное эссе Маркса вслед за нашей статьёй.

ют рынок труда от части избыточного населения, препятствуя падению зарплаты, борьба с ними поглощает другую часть избыточного населения»¹².

Современные Марксу буржуазные экономисты утверждали: любая деятельность, которая порождает спрос, создаёт рабочие места и приводит в движение деньги, является экономически «производительной» и полезной для общества.

Маркс берёт эту логику и применяет её к деструктивной общественной фигуре преступника: если капитализм измеряет пользу только оборотом денег и созданием рабочих мест, то преступник – это настоящий двигатель прогресса и благодетель человечества.

Посредством этого сарказма Маркс вскрывает фундаментальное противоречие между потребительской стоимостью (реальной пользой вещи или действия для человека) и меновой стоимостью (способностью приносить прибыль). Капитализму абсолютно всё равно, создаёт ли труд что-то созидательное или он устраняет последствия искусственно созданного хаоса. Для капитала важен только сам факт оборота денег.

Таким образом, при капитализме разрушение рентабельно: этот способ производства способен капитализировать катастрофы. Болезни, преступления, войны и экологические кризисы для буржуазной экономики – это не трагедии, а отличные драйверы роста ВВП.

Апологеты капитала часто оправдывают любую деструктивную индустрию фразой: «*Зато это создаёт рабочие места*». Маркс показывает ущербность этого аргумента: тюрьма тоже создаёт рабочие места, но это не делает её двигателем человеческого счастья.

Капитализм – это общество всеобщего отчуждения. В буржуазном обществе стирается разница между производством хлеба и производством противоядия от искусственно созданного яда. И то, и другое просто генерирует прибавочную стоимость.

Этот фрагмент XIX века сегодня звучит пугающе актуально. Современная экономика полна примеров «производительности преступника»: триллионная индустрия кибербезопасности растёт только благодаря хакерам; тотальное психическое выгорание пролетариата кормит армию корпоративных психологов и фарминдустрию, а ликвидация экологических катастроф, устроенных корпорациями,

становится новым прибыльным рынком «зелёных технологий» и рынком углеродных квот. Капитал превратил разрушение в один из главных методов самовозрастания. Капитализм выживает, паразитируя на катастрофах, которые сам же и производит.

“МЕНЕДЖЕРИАЛЬНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ” ДЭВИДА ГРЭБЕРА

В 1930 году в эссе “Экономические возможности для наших внуков” Дж. М. Кейнс предсказывал, что рост технологий приведёт к 15-часовой рабочей неделе. Технологически мы достигли этого рубежа десятилетия назад. Но почему мы работаем всё больше? Американский антрополог и анархист Дэвид Грэбер в книге “Бредовая работа” (*Bullshit Jobs*) отвечает: сокращение рабочего времени смертельно опасно для политической стабильности капитала.

В соответствии с этой концепцией, капиталистическая система пошла путём искусственного раздувания сектора услуг и бюрократии. Миллионы пиарщиков, телемаркетологов, администраторов и корпоративных юристов тайно осознают, что их труд не приносит миру абсолютно никакой пользы. Это экзистенциальный тупик Тайлера Дёрдена из культового романа Чака Паланика “Бойцовский клуб”: «*Мы ходим на работу, которую ненавидим, чтобы купить дерьмо, которое нам не нужно*».

Выйдет ли на баррикады наёмный работник, истощённый бессмысленным восьмичасовым перекладыванием цифровых бумаг?

Несмотря на меткость своих наблюдений, Грэбер упускает суть: капитал ничего не делает просто для того, чтобы “утомить” людей. Им всегда движет стремление к увеличению стоимости. Раздутый сектор услуг (реклама, маркетинг, юристы, HR) – это издержки обращения капитала. Капитализм вынужден тратить колоссальные ресурсы не на производство, а на то, чтобы заставить потребителя купить товар в условиях жесточайшей конкуренции и кризиса перепроизводства. Это экономическая необходимость для выживания корпораций, а не просто заговор с целью не дать людям свободного времени.

КОГНИТИВНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ: КРИЗИС ОБРАЗОВАНИЯ И ДИКТАТУРА “КЛИПА”

Неотъемлемым условием выживания капиталистической системы является блокирова-

12 - Маркс К. Теории прибавочной стоимости // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. I. С. 393–394.

ние классового сознания. Эту задачу сегодня совместно решают современная система образования и монополизированный корпорациями Интернет. Французский философ Луи Альтюссер в эссе “Идеология и идеологические аппараты государства” (1970) определял школу как главный «идеологический аппарат государства». Современное массовое образование окончательно превратилось из инструмента просвещения в конвейер по производству функционально грамотных, но лишённых критического мышления, исполнителей. Оно нацелено на натаскивание к стандартизированным тестам и формирование узких компетенций, необходимых рынку, методично вымарывая стремление к фундаментальному, диалектическому познанию мира.

В свою очередь, цифровые платформы довершают процесс когнитивного отчуждения. Алгоритмы социальных сетей, функционирующие в рамках так называемой “экономики внимания”, целенаправленно фрагментируют человеческое восприятие. То, что французский философ Ги Дебор называл “Обществом спектакля” (*La Société du spectacle*, 1967), в эпоху платформенного капитализма мутировало в индустрию бесконечного дофаминового¹³ потребления короткого контента. Культура глубокого чтения, требующая интеллектуального усилия и концентрации – того самого усилия,

которое необходимо для освоения политэкономии, философии и осознания исторического процесса, – физиологически и психологически уничтожается “клиповой культурой”¹⁴. Причём стоит иметь в виду что это не является результатом целенаправленной деятельности буржуазии, а обусловлено стремлением к увеличению прибыли, что раздувает в обществах империалистической зрелости рекламу и маркетинг. То есть, имеет место тот же самый процесс, что и в случае *Bullshit Jobs*.

Пролетариат погружается в состояние постоянной информационной перегрузки и того, что английский философ Марк Фишер называл “рефлексивным бессилием” (*reflexive impotence*)¹⁵: обилие поверхностной информации создаёт иллюзию всезнания, но делает невозможным системный анализ причин собственной нищеты. Капитал экспроприировал не только труд, но и само время, необходимое для размышлений, подменяя подлинное знание алгоритмическим мусором.

Современный капитализм – это не оруэлловская антиутопия прямого физического принуждения, а реальность *дивного нового мира* Олдоса Хаксли. Адептам капитала сегодня не нужно сжигать книги Маркса или Ленина, они просто топят атомизированный пролетариат в океане информационного шума и цифровой

13 - Слово “дофаминовый” образовано от названия гормона и нейромедиатора в нашем мозге – дофамина. В нейробиологии дофамин – это химическое вещество, которое является важнейшей частью “системы вознаграждения” мозга. Он вызывает чувство удовольствия (или предвкушения удовольствия) и мотивацию. Мозг вырабатывает дофамин, когда мы получаем быстрый, приятный результат или новую информацию. В контексте статьи это понятие описывает то, как современные цифровые корпорации буквально эксплуатируют нашу нейробиологию. Происходит создание “дофаминовой петли” (зависимости). Алгоритмы социальных сетей (TikTok, Instagram Reels, YouTube Shorts) технологически спроектированы так, чтобы стимулировать постоянные микровыбросы дофамина. Вы “свайпаете” ленту – получаете яркую картинку, смешную шутку или шок-контент каждые 15 секунд – мозг радуется и требует повторения. Формируется химическая зависимость, похожая на зависимость от игровых автоматов.

Чтобы получить дофамин от чтения сложного текста, нужно приложить серьёзные волевые и интеллектуальные усилия. Мозг должен напрячься. Короткие видео дают мозгу “быстрый кайф” без малейших усилий. Естественно, в массе своей люди выбирают этот более лёгкий путь.

С политэкономической точки зрения использование этого термина показывает, что современный капитализм платформ научился извлекать прибыль напрямую из базовых химических реакций человека. Подсаживая атомизированного работника на дешёвый цифровой дофамин, система не только крадёт его свободное время для показа рекламы, но и отбивает саму мотивацию к глубокой рефлексии, которая жизненно необходима для формирования классового сознания.

14 - Первым термин “клиповая культура” ввёл в обиход американский футуролог Элвин Тоффлер, который использовал этот феномен для описания усиления роли медиа, средств коммуникации в информационном обществе.

15 - Термин из его культовой книги *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* (2009).

“сомы”¹⁶ коротких видео, отбивая само желание сложной рефлексии.

ДОЛГОВАЯ ПЕТЛЯ: КРЕДИТ КАК ИНСТРУМЕНТ МОРАЛЬНОГО ТЕРРОРА

Поскольку реальные зарплаты стагнируют с 1970-х годов, а потребление должно расти (чтобы реализовывать произведённые товары), капитал заменил рост доходов ростом долгов.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЧЕРЕЗ ФИНАНСЫ

Греческий экономист, профессор экономики в Школе востоковедения и африканистики Лондонского университета Костас Лапавицас¹⁷ в книге *Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All* (2013) показывает, что современная финансиализация – это не просто спекуляции на бирже. Это возвращение к ростовщичеству в индустриальном масштабе. Финансовый капитал извлекает прибыль напрямую из доходов рабочих через ипотеку, потребительские кредиты, комиссии и микрозаймы. Пролетарий подвергается двойной эксплуатации: сначала на рабочем месте (где изымается прибавочная стоимость), а затем в сфере потребления (где банки изымают остатки его зарплаты в виде процента).

Американский экономист Чарльз Киндлбергер в 1978 году в своём классическом историко-экономическом труде “Мировые финансовые кризи-

сы. Мании, паники и крахи”¹⁸. убедительно показал, что такая кредитная накачка неизбежно порождает мании и крахи. Но каждый крах (как в 2008 году) заканчивается тем, что государство спасает банки за счёт населения, вводя режим жёсткой экономии для рабочих.

ДОЛГ КАК МОРАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Дэвид Грэбер в исследовании “Долг. Первые 5000 лет истории” (*Ad Marginem*, 2015) вскрывает самую страшную функцию кредита. Долг – это инструмент глубокого морального подавления и перекладывания системной вины на индивида:

«Почему долг? Что придаёт этому понятию такую странную силу? Потребительский долг – двигатель нашей экономики. Все современные национальные государства построены на основе бюджетного дефицита. Долг превратился в ключевой вопрос международной политики. Но, похоже, никто точно не знает, что это такое и как его осмыслить.

Сила этого понятия проистекает из самого нашего неведения о том, что такое долг, из самой его гибкости. Если история чему-нибудь учит, то её урок таков: нет лучшего способа оправдать отношения, основанные на насилии, и придать им нравственный облик, чем выразить их языком долга, – прежде всего потому, что это сразу создаёт впечатление, будто сама жертва делает что-то не так. Это понимают мафиози. Так поступают командующие победоносными армиями. На протя-

16 - Слово “сома” – это прямая отсылка к роману-антиутопии Олдоса Хаксли “О дивный новый мир” (1932).

В романе мировое правительство контролирует общество не с помощью страха, пыток или тайной полиции (как в “1984” Джорджа Оруэлла), а с помощью тотального, непрекращающегося удовольствия. Государство легально и регулярно раздаёт гражданам идеальный синтетический наркотик под названием “сома”. Если человек начинает грустить, задумываться о несправедливости устройства мира или испытывать малейший дискомфорт, он просто принимает дозу сомы – и погружается в состояние безмятежного, искусственного счастья. Девиз этого общества: «Сомы грамм – и нету драм». Наркотик делает людей абсолютно покорными и довольными своим рабским положением.

Как и книжный наркотик, цифровой контент снимает симптомы стресса и экзистенциальной пустоты, но не преодолевает их реальную причину. Он заполняет мозг информационным шумом, не оставляя физиологического ресурса на чтение того же Маркса.

Главный ужас системы Хаксли (и платформенного капитализма) заключается в том, что угнетённые классы сами, добровольно и с радостью потребляют этот наркотик, ещё и принося огромную прибыль корпорациям “экономики внимания”. Таким образом, “цифровая сома” – это технологически выверенный информационный транквилизатор. Он парализует политическую волю рабочего класса, подменяя реальное сопротивление и классовую солидарность дешёвым виртуальным эскапизмом.

17 - Избирался депутатом парламента Греции на всеобщих выборах января 2015 года от партии СИРИЗА, но после раскола в ней перешёл в “Народное единство” в августе 2015 года. На выборах в Европарламент 2024 года выдвигается от партии Яниса Варуфакиса МΕΡΑ25.

18 - Перевод книги на русский язык вышел в 2010 году.

жениии тысяч лет агрессоры могли говорить своим жертвам, что те им что-то должны: они “обязаны им своими жизнями” (фраза, говорящая сама за себя) просто потому, что их не убили»¹⁹.

Капитализм внушил пролетариату ложную этику: ты беден не потому, что так устроена капиталистическая система, а потому, что ты “плохо инвестировал в себя”. Это порождает игру в кальмара – желание индивидуально вырваться из нищеты, а это в конечном итоге парализует классовую солидарность.

ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОГО КЛАССА ПРОЛЕТАРИАТА

Осенью 1895 года в некрологе по случаю смерти Фридриха Энгельса Ленин извлёк для мирового пролетариата урок из книги друга и соратника Маркса “Положение рабочего класса в Англии”:

«[...] до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперёд и заставляет бороться за своё конечное освобождение. А борющийся пролетариат сам поможет себе. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведёт рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса»²⁰.

Мы не знаем, когда это произойдёт, но уверены, что пролетариат и всё человечество сегодня стоит перед лицом неуклонной альтернативы: коммунизм или варварство. Капитализм нельзя исправить, улучшить, реформировать. Его следует уничтожить, создав тем самым предварительные условия для отмирания частной собственности и государства. К осознанию этого через борьбу и к развитию собственной организации должен прийти наш класс. Задача авангарда класса состоит сегодня в том, чтобы помочь пролетариату пройти этот путь как можно скорее. Практика повседневного обличения капитализма, марксистская пропаганда и помощь в низовой самоор-

ганизации – вот те средства, которые будут способствовать формированию почвы, на которой вырастет революционная партия пролетариата.

Технологии в рамках капиталистической системы не являются нейтральными. Искусственный интеллект, робототехника и алгоритмы используются сегодня не для освобождения человечества от рутины, а для интенсификации труда, тотального цифрового контроля и пополнения резервной армии безработных. Капитализм исчерпал свою прогрессивную историческую роль. Он превратился в систему, которая поддерживает свою жизнь через уничтожение природы, создание бессмысленных рабочих мест и помещение миллионов наёмных рабочих в кредитную кабалу.

Следует преодолеть морок атомизированного общества. Пролетариат не умер – он стал глобальным, объединив в своих рядах курьера из Мумбаи, шахтёра из Конго, сборщика из Шэньчжэня и программиста из Кремниевой долины, чью работу завтра обесценит нейросеть. Мы – звенья одной цепи создания прибавочной стоимости.

Гнев без строгой научной теории – это бессильный бунт, который легко поглощается самой системой капитала. Наша задача сегодня – вернуть марксистский анализ в повседневную реальность. Принести научное понимание законов прибыли на роботизированный склад, в чат разработчиков и в университетскую аудиторию. Только осознав себя единым классом на этой огромной глобальной фабрике, мы сможем сломать машину, производящую нищету, и направить технологии на создание подлинного человеческого будущего.

Как писал Маркс в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, «революция основательна. Она ещё находится в путешествии через чистилище. Она выполняет своё дело методически»²¹. Лишь после того, как она закончит свою предварительную работу, пролетариат поднимется и, торжествуя, повторит слова Гамлета: «Ты хорошо роешь, старый крот!». Коммунистическая революция не умерла. Она лишь ушла в подполье и продолжает свою невидимую, черновую работу – подтачивает фундамент буржуазного общества изнутри, подобно кроту.

Март 2026 г.

19 - Грэбер Д. Долг. Первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем, 2015. С. 10.

20 - Ленин В. И. Указ. соч. С. 9.

21 - Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 205.

АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ВСЕХ ПРОФЕССИЙ¹

Карл Маркс

Философ производит идеи, поэт – стихи, пастор – проповеди, профессор – руководства, и т. д. Преступник производит преступления. Если мы ближе присмотримся к той связи, которая существует между этой последней отраслью производства и обществом в целом, то освободимся от многих предрассудков. Преступник производит не только преступления, но и уголовное право, а потому и профессора, читающего курс уголовного права, и, вместе с этим, также и то неизбежное руководство, в форме которого этот самый профессор выбрасывает свои лекции, в качестве “товара”, на всеобщий рынок товаров. Этим достигается-де увеличение национального богатства, не говоря уже о том личном наслаждении, которое рукопись такого руководства, – по заверению компетентного свидетеля, господина профессора Рошера, – доставляет самому автору.

¹ - Из работы “ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ (IV ТОМ «КАПИТАЛА»)”, написанной с января 1862 по июль 1863 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. I)

Преступник производит, далее, всю полицию и всю уголовную юстицию, сыщиков, судей, палачей, присяжных и т. д., и все эти различные профессии, каждая из которых представляет собой определенную категорию общественного разделения труда, развивают различные способности человеческого духа, создают новые потребности и новые способы их удовлетворения. Уже одни только пытки дали толчок к остроумнейшим механическим изобретениям и обеспечили работой множество почтенных ремесленников, обратившихся к производству орудий пыток.

Преступник производит впечатление – то морально-назидательное, то трагическое, смотря по обстоятельствам, и тем самым оказывает определенную “услугу” в смысле возбуждения моральных и эстетических чувств публики. Он производит не только руководства по уголовному праву, не только уголовные кодексы, а стало быть и законодателей в этой области, но также и искусство, художественную литературу – романы и даже трагедии; доказательством этого служат не только “Вина” Мюльнера и “Разбойники” Шиллера, но даже “Эдип” и “Ричард III”. Преступник нарушает однообразие буржуазной жизни, ее спокойное повседневное течение. Тем самым он предохраняет ее от застоя и порождает ту беспокойную напряженность и подвижность, без которой притупилось бы даже жало конкуренции. Этим он дает толчок производительным силам. В то время как преступления освобождают рынок труда от некоторой части избыточного населения и, ослабляя тем самым конкуренцию между рабочими, до известной степени препятствуют падению заработной платы ниже определенного минимума, – в это самое время борьба против преступлений поглощает некоторую другую часть избыточного населения. Выходит, таким образом, что преступник осуществляет одно из тех естественных “уравновешиваний”, которые устанавливают надлежащий уровень и открывают поприще для целой вереницы “полезных” профессий.

Влияние преступника на развитие производительных сил можно было бы проследить до мелочен. Достигли ли бы замки их теперешнего совершенства, если бы не было воров? Получило ли бы изготовление банкнот такое усовершенствование, если бы не существовало подделывателей денег? Проник ли бы микроскоп в обыкновенные торговые сферы (смотри Баббеджа), не будь в торговле обмана? Не обязана ли практическая химия своими успехами

в такой же мере фальсификации товаров и стремлению ее обнаружить, в какой она ими обязана ревнию честных производителей? Изобретая всё новые средства покушения на собственность, преступление вызывает к жизни всё новые средства защиты собственности и этим самым в такой же мере стимулирует производство, в какой забастовки стимулируют изобретение машин. И, – если покинуть сферу преступлений частных лиц, – мог ли бы без национальных преступлений возникнуть мировой рынок? Могли ли бы без них возникнуть сами нации? И разве древо греха не является со времен Адама вместе с тем и древом познания?

Уже Мандевиль в своей “Басне о пчелах” (1705) доказывал производительность всех возможных профессий и т. д., и у него уже видна общая тенденция всего этого рассуждения: *«То, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, – является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий, и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем».*

Только Мандевиль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества.

ОТ РЕДАКЦИИ:

ОРУДИЕ ТРУДА И КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ МАСТЕРОК

Редакция открыто заявляет о сознательном использовании генеративного ИИ для создания журнальных иллюстраций, опираясь на марксистское понимание техники. Машина лишена целеполагания и подлинного воображения – она выступает лишь послушным “кибернетическим мастерком”, высокотехнологичным продолжением человеческой руки и разума. Строго направляя алгоритмы, мы используем их не для имитации машинного “творчества”, а для воскрешения монументального визуального языка революционного пролетарского авангарда 1917–1921 годов.

Хотя современные нейросети созданы корпорациями ради прибыли путём хищнической монополизации “всеобщего интеллекта” человечества, мы обращаем это противоречие против самого капитала. Отказываясь от продажи журнала, мы не создаём прибавочную стоимость, а производим исключительно потребительную стоимость – коммунистическую пропаганду. Таким образом, мы осуществляем тактическую “обратную экспроприацию”, заставляя инфраструктуру классового врага работать на интересы пролетариата и превращая капиталистические технологии в интеллектуальное оружие классовой борьбы.

Мы хотим открыто признать *сознательное* использование искусственного интеллекта (ИИ) для генерации иллюстраций в нашем журнале. Мы не являемся профессиональными художниками. Мы приняли это решение, опираясь на марксистскую концепцию, согласно которой орудие труда – это продлённая человеческая рука.

Точно так же, как строитель *сознательно* руководит своей рукой, в которой он крепко держит мастерок, возводя стену, мы *направляли* ИИ для получения необходимого нам эстетического и смыслового результата. В “Капитале” Карла Маркса есть замечательное образное сравнение, что худший архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что прежде, чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове. В данном случае роль архитектора принадлежит нам, а ИИ – роль цифровой пчелы.

В основе нашего подхода лежит понимание того, что машина сама по себе лишена целенаправленности. Как писали философы Э. Ильенков, А. Арсеньев и В. Давыдов в статье “Машина и человек, кибернетика и философия”¹: «мыслит не мозг, а человек с помощью мозга»². И точно так же, объясняет Ильенков в статье “Проблема идеально-

го”, «работает не рука, а человек с помощью руки. И продукт его работы находится вовсе не “в руке”, не внутри неё, а в том веществе природы, которое при этом обрабатывается»³. ИИ в данном случае выступил лишь как наш *цифровой мастерок*, послушный орган, приводимый в движение человеческим замыслом.

Эту диалектическую связь мозга, руки и орудия труда, в которой технология выступает лишь продолжением человека, Карл Маркс исчерпывающе развил в “Экономических рукописях 1857–1859 годов”. Маркс пишет:

«Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Всё это – продукты человеческого труда, природный материал, превращённый в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Всё это – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществлённая сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса

1 - Мы обращаемся к этой статье исключительно потому, что она представляет собой одно из самых удачно сформулированных и ранних законченных высказываний с верных марксистских позиций по поводу проблемы “мыслящей машины”. В рамках этой статьи нет смысла останавливаться на каждом из авторов статьи “Машина и человек, кибернетика и философия”. Также не считаем необходимым здесь и сейчас заниматься подробным разбором фигуры Э. В. Ильенкова (1924–1979), наиболее известного из них и, по всей видимости, внесшего главный теоретический вклад в написание цитируемой нами работы. Но не можем не дать краткую оценку этой весьма спорной и противоречивой личности. Для современных марксистов его труды частично представляют ценность в области методологии (защита диалектики от позитивизма, анализ логики “Капитала”) и истории философии. Однако в своих работах он неоднократно допускал ревизию марксизма в сторону гегельянства (в специфической трактовке идеального и др. важных философских вопросов), а также демонстрировал ошибочное понимание некоторых ключевых политэкономических категорий. Эта же идеалистическая ограниченность проявилась и в его политических взглядах: всецело разделяя сталинистскую догму о наличии социализма в СССР, то есть отрицая капиталистический характер экономики этого государства, Ильенков сводил вопрос исключительно к философской проблеме отчуждения и культурной неразвитости масс (противоречию между формальным и реальным обобществлением), уклоняясь от классового анализа “советского” общества. Это не позволяет нам назвать его настоящим марксистом, которым невозможно стать, не занимаясь революционной практикой, не участвуя в классовой борьбе пролетариата против буржуазии, в первую очередь против “своей”. Он не боролся с этим буржуазным государством, а поддерживал его, пусть иногда и критикуя, и всегда оставался образцовым “катедер-социалистом”, ратуящим за его реформирование, улучшение и гуманизацию. Таким образом, он был пособником нашего классового врага (причём не только на теоретическом фронте). Если бы не этот последний, крайне важный аспект, то данное примечание было бы излишним.

2 - Ильенков Э., Арсеньев А., Давыдов В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. М.: Наука, 1966. С. 263.

3 - Ильенков Э. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 135.

подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»⁴.

«Пока машина остаётся машиной, она», как подчёркивают Ильенков, Арсеньев и Давыдов, «остаётся только искусственно созданным органом общественно-человеческой разумной воли, средством её деятельного проявления. И в этом смысле – органом человеческого мозга, ибо под “мозгом” Маркс всегда имел в виду не только и не столько орган тела индивида, сколько орган общественно-человеческой разумной воли, общественно-человеческих потребностей и идеально выражающих эти потребности “целей”»⁵.

Именно эту разумную волю мы и проявляли, составляя текстовые описания (промпты) для нейросети. Мы детально описывали то, что хотим изобразить, и строго задавали стилистические рамки, отсылая машину к конкретным историческим формам революционной пролетарской культуры – стилям, которые использовали революционные художники России и Венгрии в 1917–1921 годах.

Мы обращались к визуальному языку, который должен был конструировать новый мир. Это строгая геометризация форм, использование мощных диагоналей для передачи динамики борьбы, доминирование контрастной палитры (красный, чёрный, белый), шрифтовые композиции и фотомонтаж. Мы ориентировали машину на работы таких авторов, как Эль Лисицкий (чей легендарный плакат “Клином красным бей белых” 1919 года стал высшим выражением супрематизма на службе революции), Владимир Татлин (с его башней, устремлённой в будущее – памятником III Коммунистическому интернационалу), Александр Родченко и Казимир Малевич.

Мы требовали от машины воспроизвести ту экспрессивную монументальность, которая характеризовала венгерскую группу революционных художников, поэтов и писателей “МА” (“Сегод-

ня”). Это искусство объединяло кубофутуристическую динамику с пролетарским пафосом, создавая тяжёлые, рублёные, монументальные фигуры рабочих и солдат, полные напряжения. Ориентирами для нас служили работы Лайоша Кашшака, создателя концепции “картины-архитектуры”, Белы Уица, автора знаменитого яростного плаката 1919 года “Красные солдаты, вперёд!” (*Vörös katonák, előre!*) и Шандора Бортника, автора футуристических экспрессионистских произведений революционной тематики, таких как “Красный локомотив” и “Красный май”.

Искусственный интеллект не способен понять суть этих исторических событий, ведь для него закрыта дверь в ту область духовной культуры, где рождается подлинное воображение. Как отмечали Ильенков, Арсеньев и Давыдов, «без воображения ни о каком подлинно творческом мышлении речи быть не может»⁶. ИИ лишь слепо комбинировал пиксели согласно вычисленным вероятностям.

Форма же, которую в итоге приняли эти изображения, есть овеществлённая форма диалектического переноса идеального духовного восприятия мира в материальный продукт человеческого труда с использованием продлённой руки, то есть форма человеческой жизнедеятельности. Итак, иллюстрации в нашем журнале – это не продукт машинного “творчества”. Это продукт нашей сознательной деятельности, нашего знания истории революционного искусства и нашего эстетического выбора, осуществлённого посредством современного, сложного, но всё же всецело подчинённого человеку кибернетического инструмента.

ДИАЛЕКТИКА ЦИФРОВОГО МАСТЕРКА: ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЭКСПРОПРИАТОРОВ В ЭПОХУ ИИ

В нашем стремлении использовать искусственный интеллект для конструирования нового визуального языка мы неизбежно сталкиваемся с глубоким диалектическим противоречием. С одной стороны, мы рассматриваем ИИ как *кибернетический мастерок*, послушный орган человеческой

4 - Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов), октябрь 1857 – май 1858 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 215.

5 - Ильенков Э., Арсеньев А., Давыдов В. Указ. соч. С. 276.

6 - Там же. С. 269.

воли. С другой – мы осознаём суровую политико-экономическую реальность: этот *мастерок* сегодня монополизирован капиталом, он стал “мёртвым трудом”, обученным путём экспроприации колоссальных массивов общественного знания.

Означает ли это, что использование генеративных сетей делает нас соучастниками капиталистической эксплуатации и *сознательными придатками* корпоративных алгоритмов? Исторический материализм учит нас не бежать от противоречий, а разрешать их в материальной практике. И ключ к этому разрешению лежит в фундаментальном отличии нашего подхода от логики капитала.

Главное свойство капитала, о котором писал Маркс, – это его потребность в самовозрастании через производство товаров (формула $D - T - D'$). Корпорации создали ИИ для того, чтобы генерировать прибыль.

Мы же не используем ИИ для производства товара, не выносим наш продукт – журнал и всё его наполнение, в том числе сгенерированные нейросетями изображения, на рынок, не делаем его предметом рыночного обмена. Наш продукт не содержит в себе меновой стоимости, он создаётся исключительно ради своей потребительной стоимости – это наш *коллективный организатор, пропагандист и агитатор*.

Отказываясь продавать продукт, в котором в том числе есть элементы, созданные с помощью нейросети, мы не создаём прибавочную стоимость, не извлекаем прибыль. Если капитал, как вампир, всасывает живой труд, чтобы превратить его в прибыль, то мы используем принадлежащие крупному капиталу вычислительные мощности для создания некоммерческого, революционного журнала, тем самым фактически заставляем машину работать *в интересах всего человечества*.

Создатели генеративных нейросетей провернули величайшую в XXI веке операцию *по огораживанию*: они экспроприировали “всеобщий интеллект” (*General Intellect*), всосав словно вампир неоплаченный *живой труд* миллионов людей, превратив его в капитал, чтобы затем продавать доступ к нему. Они отменили авторское право на этапе сбора данных, но жёстко насаждают его на этапе продажи своих услуг.

Как мы можем преодолеть это? Только через обратную экспроприацию, то есть *через уничтожение частной собственности*.

Пока же, используя этот инструмент, мы извлекаем синтезированный опыт поколений (включая наследие революционного авангарда) из корпоративной “чёрной коробки” и возвращаем его в арсенал классовой борьбы. То, что было присвоено капиталом, украдено у трудящихся масс для создания монополии, мы возвращаем пролетарскому авангарду как интеллектуальное оружие для *освобождения от власти капитала*. Мы бьём капитализм его же собственным, доведённым до совершенства оружием.

Марксизм рассматривает проблему отчуждения прежде всего через призму того, кому принадлежит труд и ради чего он совершается. В условиях капитализма рабочий отчуждён от процесса и результата своего труда, потому что он работает ради выживания, создавая богатство, присваиваемое буржуазией.

В нашем случае процесс конструирования *промпта* – это не отчуждённый труд по найму. Это свободная, сознательная политическая деятельность. Да, физический акт рисования делегирован машине, но целеполагание, историческая рефлексия и идеологический контроль остаются полностью в руках человека. ИИ в данном контексте выступает не как замена художника, а как высокотехнологичный печатный станок, многократно усиливающий *голос пролетарского авангарда*. Мы отдаём себе отчёт в том, что даже обучая ИИ своими *промптами*, мы неизбежно генерируем новые данные, временно отдавая дань капиталу. Но мы рассматриваем это как вынужденную тактическую уступку – использование инфраструктуры противника ради стратегического наступления на него.

Маркс и Энгельс не раз подчёркивали, что капитализм в своей слепой погоне за прибылью сам создаёт материально-техническую базу для коммунистического общества. Строя гигантские фабрики, железные дороги, а сегодня – дата-центры и глобальные нейросети, капитал обобществляет производство до невиданных масштабов, хотя присвоение результатов остаётся частным.

В уже цитированных “Экономических рукописях” Маркса есть ещё один важнейший вывод: капитал развивает машины, чтобы сократить необходимое рабочее время. При капитализме это ведёт к безработице. При коммунизме автоматизация создаст *свободное время для свободного интеллектуального и творческого развития* каждого человека.

Генеративный ИИ – это высшая на сегодняшний день *форма обобществления духовного производства*. Он обнажает главный парадокс капитализма: технология, способная радикально сократить рабочее время и подарить человечеству пространство для свободного творческого развития, используется лишь для максимизации прибыли корпораций. Он несёт в себе родовые травмы капитализма: воровство, монополизацию, эксплуатацию. Но исторический материализм не требует от нас ожидания появления безупречных, идеологически чистых инструментов.

Революция всегда делается из того человеческого и технологического материала, который *создала старая эпоха*.

Используя ИИ не для извлечения прибыли, а для *коммунистической пропаганды*, мы демонстрируем, на что способны созданные капитализмом могущественные производительные силы, если освободить их от оков товарно-денежных отношений и подчинить сознательной общественной воле.

Май 2026 г.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Мы обращаемся к одной из самых трагических, но политически важнейших страниц в истории мирового рабочего движения – героической и последовательной борьбе группы демократического централизма (“децистов”). В то время как в конце 1920-х годов большинство партийных оппозиционеров питали смертельные иллюзии относительно природы советского государства, именно децисты (Т. Сапронов, В. Смирнов и др.) первыми сделали строгий марксистский вывод: контрреволюция завершена, ВКП(б) и государственная машина превратились во враждебные пролетариату орудия капиталистической эксплуатации, а значит, необходима не внутривнутрипартийная реформа, а новая революция и создание новой подлинно рабочей партии. Особая ценность этого исторического материала заключается в безжалостном препарировании идеологии Льва Троцкого и его сторонников. На исторических документах мы показываем, как отказ Троцкого признать буржуазную природу сталинского режима привёл его к губительному центризму – бесплодным надеждам на “левый курс” бюрократии и подмене реального классового анализа абстрактными рассуждениями о “международной обстановке”.

Поколению Ленина удалось направить *двигатель войны* на реализацию революционной стратегии в условиях, когда *двигатель разложения крестьянства* пополнял города европейской части России миллионами новых молодых пролетариев, а ужасные условия труда порождали рост стихийной классовой борьбы, в которой участвовали миллионы наших товарищей по классу. В окопах и на кораблях первой мировой империалистической войны оказались тысячи большевиков, анархистов, эсеров-максималистов с опытом классовой борьбы и выкованным в ходе неё сознанием. Именно эта сила была хребтом пролетарского Октября, но и её оказалось недостаточно – гражданская война, мелкобуржуазная стихия, а затем и сталинистская контрреволюция в условиях поражения попытки европейской революции не позволили ей довести начатую борьбу до поставленной цели.

Но тем не менее даже во второй половине 20-х годов численность децистов – наиболее последовательных критиков сталинизма, составляла около 2 тыс. человек, из них 500 – в Москве и Ленинграде. “Децистами” называли участников группы демократического централизма, которую возглавляли старые большевики Тимофей Сапронов (1887–1937) и Владимир Смирнов (1887–1937). Кто-то назвал их “левеллерами” русской революции – в честь наиболее радикального крыла Английской революции XVII века. Их не интересовали посты в иерархии сталинской партии и государства – они боролись за интересы пролетариата, сохраняя верность своим принципам. Почти все децисты были расстреляны, но никого из них не удалось вывести на показательные процессы и заставить оклеветать себя и своих товарищей.

Подпольные центры “групп пролетарской оппозиции”, как они стали себя называть в 1928–1929 годы, координировали довольно массовые листовочные кампании, ориентированные прежде всего на промышленные предприятия, где они имели серьёзную опору среди рабочих. На этот аспект следует обратить внимание: даже в мрачную эпоху 30-х годов, когда сталинская контрреволюция в СССР, нацизм и фашизм в Ев-

ропе доводили классовое господство буржуазии до крайних форм репрессивной диктатуры, революционные марксисты сохраняли поддержку среди пролетарских масс.

В листовках децисты прямо называли вещи своими именами: в СССР победила контрреволюция; государство, ВКП(б) и так называемые “общественные” организации (официальные профсоюзы и пр.) враждебны пролетариату, являются орудиями его угнетения и эксплуатации; нужно готовиться к новой революции, строить новую рабочую партию, а пока вести оборонительную борьбу против наступления правящего класса на права и интересы наёмных рабочих. Им было очевидно, «что сроки мировой революции перенесены на неизвестное будущее», а построение социализма в одной стране «равносильно построению социализма в одном уезде»¹, – пишет в своих воспоминаниях Эдуард Дунэ (1899–1953), один из немногих выживших членов этой группы, который много лет провёл в воркутинских лагерях, но смог эмигрировать из СССР во время второй мировой войны. Во Франции он участвовал в партизанском движении; затем, оказавшись в одиночестве, примкнул к меньшевикам, но остался верен своим взглядам, о чём свидетельствует опубликованный в 1947 году текст.

Уже осенью 1926 года децисты покинули троцкистско-зиновьевскую объединённую оппозицию, посчитав её политику в отношении сталинского руководства недопустимо примиренческой и непоследовательной. Как выразился с рабочей прямоотой Сапронов: «Мы Троцкому чистить сапоги не будем!» При этом следует отметить, что в ряде крупных региональных отделений “объединённой оппозиции” – на Донбассе, в Брянске, в Свердловске – влияние децистов было преобладающим.

Организация децистов изначально строилась не как внутривнутрипартийная фракция, а как сеть законспирированных ячеек, рассчитанная на работу в условиях подполья. Этим она отличалась от троцкистских групп, которые бросали все свои силы на участие в партсобраниях, тщетно пытаясь победить партаппарат “конституционными” средствами. Показательно, что в груп-

1 - Дунэ (Иванов) Э. Демократический централизм // Архив Троцкого. Под ред. Ю. Г. Фельштинского. Харьков: Око, 2001. Т. II. С. 391.

пу принимали как старых большевиков, так и беспартийных.

«Борьба за внутрипартийную реформу не может дать ничего существенного, будет ли у власти Сталин или Троцкий. ВКП(б) уже в настоящее время (1926 г.) не является партией рабочего класса и не выражает интересы рабочего класса», – пишет Дунэ. Поэтому децисты ставили перед собой задачу не борьбы за смену Сталина Троцким или другим лицом, а понимали, что их ждёт «кропотливая, длительная работа» по созданию «настоящей пролетарской партии». Это был крайне тяжёлый выбор. «Сталин пугал свою партию опасностью раскола и гибели диктатуры пролетариата – советской власти. Тем же пугали троцкисты, но они не заметили, что раскол нужен был Сталину, что советская власть ликвидирована при Сталине. Но теперь? Теперь, как и раньше, бывшая внутрипартийная оппозиция разрознена и не в силах создать единую организацию среди единомышленников, сидящих по политизоляторам. [...] Морально мучительно рвать со всем своим прошлым, признать, что десятки лет своей сознательной жизни нужно списать со счёта как ошибочные. Это уж не из области фактов, а психологии, но тем не менее она (наша психология) не всегда разрешала видеть реальную картину»².

Создав автономную организацию, децисты не выступали открыто, не собирали подписи под своими документами, а предпочитали вести индивидуальную работу с людьми и проводить листовочные кампании. *«Наши низовые организации (ячейки) насчитывали не более 5 человек, при наличии большего количества – новая ячейка в том же предприятии. Представители ячеек выбирали представителей в центры. Такие центры я знал: на Украине (Харьков), Донбассе (Луганск), Урале (Свердловск) и Москве. В Москве помимо местного центра существовал свой “Литературный центр”. В Ленинграде такого центра не существовало, так как было очень мало наших сторонников (знаю, так как отвозил туда чемодан с литературой)»³. Ленинград был главным центром троцкистско-зиновьев-*

ской оппозиции. «От имени группы могли говорить, выступать на собраниях лишь те, которые себя расшифровали [то есть, рассекретили]. В неизбежных случаях во внутрипартийных спорах могли говорить от имени троцкистов. Такая конспирация не могла удовлетворять молодую горячую кровь. Она стремилась к активному выступлению. Молодёжь бурлила, кипела. Для Троцкого молодёжь была барометром партии. Действительно, троцкисты впитали в себя прекрасные кадры из молодёжи, среди которых в процессе борьбы выросли талантливые фигуры, к словам которых прислушивалась старая гвардия и зачастую шла на поводу у этой молодёжи [...]. Сторонники троцкистов все стали известны и все были сосланы. Сторонники децистов пострадали меньше»⁴. Серьёзное внимание децистами уделялось созданию нелегальных типографий, закупке множительной техники. Был даже создан свой “Красный крест” для помощи политзаключённым. Именно благодаря конспиративному характеру организации некоторые децисты погибли уже от рук гестаповцев, а не сталинистов, другие же продолжили деятельность и после второй мировой войны, причём не будучи ни разу арестованными: один работал в Институте красной профессуры, другой в Институте мирного хозяйства. Были ли другие? Неизвестно. Но и в брежневские времена, в том числе и в Харькове, где в сталинскую эпоху был один из центров децистов, существовали группы рабочей и студенческой молодёжи, утверждавшие, что у СССР был капиталистический базис, что государство – это диктатура капитала. Вряд ли имелась непосредственная связь между децистами и этими группами, но если бы она была, то, скорее всего, сегодня мы были бы силой, которая могла бы выше поднять знамя пролетарского интернационализма.

«Организация “децистов” не имела у себя громких имён, популярных в широких партийных кругах или в стране. У нас не было ни своего Ленина, ни Плеханова, ни Троцкого. Зато была уверенность, что время поможет их найти»⁵. А ещё была уве-

2 - Там же.

3 - Там же. С. 392.

4 - Там же. С. 392–393.

5 - Там же. С. 392.

ренность, что время же проверит правильность оценок и сделанного на их основе выбора.

Это одна из многих малоизвестных страниц истории нашего класса, опыт, который должны усвоить новые поколения марксистов. В лице децистов большевизм предпринял безуспешную попытку *спасти в себе* то, что связывало его со стратегией мировой революции. В этом смысле их можно назвать “последними большевиками”.

ВОДОРАЗДЕЛ “ЛЕВОГО КУРСА”

В 1925 году по итогам XIV конференции РКП(б) был закреплён переход от курса на мировую коммунистическую революцию к курсу на построение социализма в отдельно взятой стране. Началась долгая контрреволюционная фаза. В этих условиях сложилась так называемая *Объединённая оппозиция* – неустойчивый блок четырёх враждовавших между собой групп: троцкистов, зиновьевцев, децистов и “рабочей оппозиции”. История и позиция каждой из них требует отдельного рассмотрения. Здесь же речь пойдёт о недолговечном объединении их в единый блок и его неизбежном распаде.

Основные взгляды Объединённой оппозиции изложены в “Заявлении 13-ти” (июль 1926), “Заявлении 83-х” (май 1927) и главном программном документе – “Проекте платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)” (сентябрь 1927), который подписали 13 членов ЦК и ЦКК партии: Н. И. Муралов, Г. Е. Евдокимов, Х. Г. Раковский, Г. Л. Пятаков, И. Т. Смилга, Г. Е. Зиновьев, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, А. А. Петерсон, И. П. Бакаев, К. С. Соловьёв, Г. Я. Лиздинь, П. Н. Авдеев. Участники блока осуждали внутривластный режим, критиковали сталинское руководство за уступки кулачеству, добиваясь ускоренной индустриализации, требовали выполнения “завещания Ленина” о смещении Сталина с поста генерального секретаря ЦК ВКП(б), выступали за курс на мировую пролетарскую революцию, критикуя руководство Коминтерна за “уступки” буржуазным и реформистским силам, отвергали идею о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране.

Уже в июле 1926 года из Политбюро был выведен Зиновьев, а в октябре – Троцкий и Каменев. В ноябре того же года XV конференция ВКП(б) обвинила Объединённую оппозицию в оппорту-

нистическом “социал-демократическом уклоне”. В октябре – ноябре следующего года Троцкого, Каменева и Зиновьева вывели из ЦК ВКП(б).

Центр Объединённой оппозиции находился в Москве. Локальные группы подчинялись или региональному центру, или напрямую Москве. Центр координировал работу посредством специальных курьеров и эмиссаров. Первые лишь доставляли на места указания, оппозиционную литературу, вторые имели более широкие полномочия. Одни оседали в каком-нибудь городе, налаживая здесь оппозиционную работу, другие приезжали в регионы периодически, имея полномочия контролировать и вмешиваться в деятельность местных групп, вплоть до смещения их лидеров и назначения новых. Группами проводился сбор взносов. Таким образом, имелись все признаки не только идейного, но и организационного единства, а поскольку Объединённая оппозиция продолжала действовать внутри партии, то речь шла о фракционной деятельности. Уже в 1926 году из-за идейных разногласий блок покинули децисты и “рабочая оппозиция”.

В декабре 1927 года прошёл XV съезд ВКП(б), на котором было принято решение о том, *«что принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганда её взглядов являются несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)»*. Тогда же из партии были исключены 75 лидеров троцкистско-зиновьевской оппозиции, среди них Каменев, Пятаков, Бакаев, Евдокимов, Залуцкий, Лашевич, Муралов, Радек, Раковский, Сафаров, Смилга, И. Смирнов, Сосновский и другие. Троцкого и Зиновьева исключили ещё в ноябре из-за демонстрации оппозиции.

Также были исключены 23 члена *«явно антиреволюционной»* группы Т. В. Сапронова. Одновременно шёл процесс исключения рядовых оппозиционеров и местных активистов. За 2,5 месяца начиная с 15 ноября 1927 года за *«фракционную работу»* были исключены 2288 человек.

На том же XV съезде произошёл *фактический* распад Объединённой оппозиции: 19 декабря зиновьевцы подали в президиум съезда заявление о капитуляции. Тот факт, что не все пошли на такой шаг – например, группа во главе с Сафаровым не подписала заявление и была отправлена в ссылку вместе с троцкистами, – позволяет говорить о том, что Объединённая оппозиция продолжила *формальное существо-*

вание до 1928 года, когда капитулировали последние зиновьевцы.

Причина капитуляций объяснялась отнюдь не только репрессиями. Что же ещё произошло на XV съезде? По докладу Молотова была принята резолюция о работе в деревне, которая намечала интенсификацию мер по созданию колхозов и усиление мероприятий по ограничению кулачества, но отнюдь не предусматривала его ликвидации. В этом некоторые оппозиционеры увидели проблески “левого курса” и основание для отказа от борьбы против сталинского руководства.

Две недели спустя в связи с *«неудовлетворительным ходом хлебозаготовок»* Сталин отправился в Сибирь, где пробыл с 15 января по 6 февраля 1928 года. Там он фактически и провозгласил “новый курс” – проведение сплошной “коллективизации” сельского хозяйства. *«От местных властей Сталин требовал чрезвычайных мер против кулаков, обыска амбаров, блокировки дорог, чтобы не дать возможности кулакам вывозить своё зерно на свободную продажу, конфискации у них хлеба, продажи 25 % конфискованной сельхозпродукции малоимущим крестьянам по низкой цене»*⁶.

28 февраля заявление с просьбой о восстановлении в партии подал Пятаков. За ним ту же процедуру проделали Крестинский и Антонов-Овсеенко. Отход от оппозиции затрагивал не только ведущие фигуры. О разрыве с ней с 1926 по начало 1928 года заявил 3381 человек. В феврале 1928 года к ним прибавились ещё 614 человек.

Для Пятакова, долгое время работавшего председателем Главного концессионного комитета и заместителем председателя ВСНХ СССР, долгожданные изменения в экономической программе были достаточным поводом для того, чтобы вернуться в ВКП(б) и не замечать того, что ни в сфере внутрипартийной демократии, ни в международной политике никаких изменений не произошло. Позднее подобная же мотивация заставит капитулировать экономистов Смилгу и Преображенского, вернувшихся в партию в 1929 году.

Ещё в конце 1924 года вышла книга Преображенского “Новая экономика”. В ней он теоретизировал о “законе первоначального социалистического накопления”, утверждая, что в стране имеется только один мощный источник получения средств для индустриального рывка – это деревня. Речь шла о “неэквивалентном обмене” между сельским хозяйством и промышленностью с целью ускоренного развития последней. Национализированная тяжёлая промышленность с необходимостью ведёт к плановой экономике и быстрой индустриализации, считал он, и Сталин, избрав “левый курс”, оказался в плену этой необходимости и должен будет идти по этому пути всё дальше и дальше.

Троцкий не признал “левый курс”, поскольку тот не включал в себя смягчение внутривнутрипартийного режима – оппозиционеры оставались в ссылке. Оппозиционные группы возобновили свою деятельность в центральных районах России, на Урале, Украине, Северном Кавказе. Согласно Ярославскому, координировал всю эту деятельность из Москвы *«генсек троцкистов»* Борис Эльцин⁷. Но действительным центром, связывавшим друг с другом колонии ссыльных и формирующиеся группы оппозиционеров, была Алма-Ата. Сюда только легальным путём с апреля по октябрь 1928 года поступило более 1 тыс. писем и 700 телеграмм. Оттуда Троцкий отправил 800 политических писем и 550 телеграмм⁸.

Но сталинское государство не ограничилось лишь изменениями в экономической политике: в 1928 году началась кампания против “правого уклона” и борьба “против бюрократизма и разложения” членов партии. В стране заговорили о смоленской и артемовской язвах. В “Правде” от 12 мая была опубликована статья под названием “Смоленский нарыв”. Речь шла о фабрике “Катушка”, на которой из свыше чем 500 рабочих в партии состояли 200 и ещё 80 – в комсомоле. При этой запредельной доле коммунистического состава мастера вымогали взятки у рабочих водкой, закуской, деньгами, а с работниц... телом. Комментируя, эту статью, децист по имени Сте-

6 - Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. М.: Центрполиграф, 2013. С. 191.

7 - Ярославский Е. М. Мёртвые шагают быстро // За последней чертой. Троцкистская оппозиция после XV съезда. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. С. 159.

8 - Дойчер И. Троцкий в изгнании. М.: Политиздат, 1991. С. 14.

пан пишет из ссылки своему неизвестному корреспонденту: *«Автор статьи [...] не устаёт повторять: невероятный, неслыханный, невиданный. Подлое лицемерие! Разве [это является] редчайшим исключением, невероятным и невиданным? Ничего подобного. Ведь и то, что ты пишешь о своём заводе, очень во многом похоже на то, что имело место на “Катушке”. А сколько читаем мы заметок – даже в официальной прессе, – в которых открываются такие же факты. И каждый раз о них говорится как об исключениях, и они называются беспримерными, невероятными, неслыханными».*

Борьба с нарывами с целью предотвращения гангрены является потребностью любого организма, в том числе и сталинского государства, а потребность наполнения казны неизбежно заставляет совершать повороты в экономической политике.

В 1927 году в стране разразился кризис хлебозаготовок. На частном рынке начался стремительный рост цен на хлеб, острый дефицит которого привёл к сокращению экспорта: с 2,177 млн тонн зерна в 1926–1927 гг. до 344,4 тыс. тонн в 1927–1928 гг. В результате для обеспечения продовольствием городов пришлось ввезти 248,2 тыс. тонн зерна, потратив на это 27,5 млн рублей в валюте. Это ставило под угрозу программу импорта машин и оборудования – основу индустриализации.

Таково действительное материальное содержание изменения “генеральной линии” ВКП(б), которую многие ссыльные оппозиционеры встретили либо с ликованием, либо с радостным удивлением, посчитав, что их предсказания подтвердились. Была и надежда, что их призовут обратно в партию. Произошло и это. В условиях ограниченного количества подготовленных кадров сталинское руководство готово было принять в свои удушающие объятия раскаявшихся оппозиционеров, пусть и не на прежние руководящие посты, а на должности рангом ниже.

Примиренцы были массовым явлением в троцкизме, но ими оппозиция большевиков-ленинцев, как они сами себя называли, не исчерпывалась. Если Радек писал в мае 1928 года Преображенскому, что «центр», то есть сталинское руководство, не надо «рассматривать как врага» до тех пор, пока он «идёт налево», и следует «выбросить озлобление», то входивший в ближайшее окруже-

ние Троцкого Раковский, как и многие его единомышленники из числа так называемых непримиримых, писал из ссылки: *«Я считаю утопией всякую реформу партии, которая опиралась бы на партийную бюрократию».* Отсюда непримиримые делали вывод: “левый курс” – это какой-то манёвр, зигзаг сталинской группы.

Находясь в ссылке, 6 августа 1928 года Раковский написал небольшую, меньше 20 страниц, работу “Письмо Г. Б. Валентинову”. Оно было адресовано автору известного среди оппозиции текста “Размышление о массах”, бывшему главному редактору газеты “Труд”, который подписал “Заявление 83-х” и в 1927 году был исключён из партии и выслан. Работа Раковского – это первый труд, в котором оппозиция попыталась осмыслить такое явление, как партийная и “советская” бюрократия. Он пишет, что это явление «нового порядка», «новая социологическая категория», изучению которой нужно посвятить целый трактат⁹. Бюрократия, благодаря пассивности партийной массы и рабочего класса, узурпирует власть. Новый социальный слой по крайней мере частично отрывается от рабочих. На этом, по сути, и заканчиваются размышления Раковского – на вопрос о том, к какому классу принадлежит бюрократия, он не отвечает.

Дискуссии о природе бюрократии, о классовом содержании “сталинского термидора”, о том, на какой стадии он находится, были постоянными в среде оппозиции. Если для большинства троцкистов термидор ещё не завершился, то для децистов – он уже полностью реализовался. Отсюда и их различия в тактике. *«Я за блок с центром или той его частью, которая примет бой с термидором»*, – писал Радек в марте 1929 года. Троцкий в начале 1928 года пишет программный документ “На новом этапе”, первый пункт которого называется “Опасность термидора”. В статье “Старые ошибки на новом этапе” децисты указывают на «половинчатость» такой оценки, обращая внимание на то, что *«до закрепления своего фактического господства буржуазия может до поры до времени ограничивать саму себя в формальных политических правах, передоверить эти права бюрократии. [...] Авторы документа [...] не решаются назвать вещи своими именами и сделать необходимые политиче-*

9 - Письмо Х. Г. Раковского о причинах перерождения партии и государственного аппарата // “Преданная революция” сегодня. М., 1992. С. 55.

ские выводы. [...] отрицание термидора как реального факта – разве это не помощь аппарату в деле маскировки контрреволюции?»

Если для децистов, сделавших вывод о завершении контрреволюции, не оставалось иного пути, кроме организации и борьбы со сталинизмом, то для тех, кто считал, что термидор ещё продолжается, сохранялись иллюзорные надежды на очередной “левый поворот”. Во второй половине 1930 года от оппозиции стали отходить те, кто приветствовал сплошную “коллективизацию” и высокие темпы индустриализации. После 1930 года идеи примиренчества продолжали возвращать из ссылки отдельных троцкистов, но уже без прежней массовости.

Ещё одним неизбежным результатом примиренчества стало то, что непримиримая часть троцкистов – как в ссылке, так и на свободе – начинала солидаризироваться с децистами, а порой и переходить к ним. ОГПУ отмечало, что оба течения неоднократно вели переговоры о совместных действиях и возможном слиянии. В частности, такие переговоры от имени непримиримых троцкистов вёл с децистами в марте 1928 года Владимир Косиор, брат генерального секретаря ЦК КП(б)У Станислава Косиора. Но среди децистов преобладало отрицательное отношение к перспективе слияния с левой оппозицией, вызванное неприятием “реформистского характера” тактики Троцкого. Особенно серьёзные разногласия выявлялись по отношению к стачкам. Если сторонники Троцкого считали необходимым предотвращать стачки, то децисты ставили перед собой задачу активного участия в них, а по возможности – руководства ими. В практической работе децистов всё большее значение имела конспирация (условные коды, шифры, конспиративные адреса, тайнопись, явки и т. п.). Предусматривался переход на нелегальное положение лиц, которым угрожали аресты.

Впрочем, и среди непримиримых троцкистов были те, кто всё чаще переходил к открытой борьбе со сталинистами – им и их деятельности будет посвящена отдельная статья. Пока же остановимся на том, как и за что децисты критиковали Троцкого и его последователей.

В августе 1928 года Яков Агранов, заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ, передал секретарю партколлегии Центральной Контрольной комиссии Емельяну Ярославскому, в обязанности которого в то время входила борьба с оппозиционерами, распространявшийся тогда децистами документ “О Термидоре и центризме”, в котором давалась следующая оценка: *«Центризм является главной опасностью для рабочего класса, основным препятствием в его борьбе с буржуазией. Особенно опасен центризм для оппозиции, и не столько тюрьмой и ссылкой, сколько так называемым “левым курсом”. Самым важным и злободневным вопросом для оппозиции сейчас является вопрос о классовом характере нынешнего режима. Неясность и недоговорённость, а, тем более, ложность в этом вопросе являются главной опасностью для оппозиционного движения, главным источником неуверенности и неустойчивости оппозиционеров [...]. [...] кто видит в попытках Сталина бить по кулаку левый пролетарский курс, тот жестоко ошибается, тот не видит второй стороны сталинского курса, не видит усиливающегося нажима на рабочих, преследования оппозиции и исключений из иностранных компартий и Коминтерна всех сторонников оппозиции».*

Итак, главная ошибка Троцкого заключается в непонимании капиталистического характера сталинского государства, что вылилось в центристский тактицизм, который до сих пор является отличительной чертой троцкистов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Азбука революции

6 октября 1928 года один из лидеров децистов Владимир Смирнов направил письмо своему товарищу Тарасу Харечко. Оно достойно обширного цитирования: *«Троцкий по-прежнему ведёт свою линию шатаний, [...] даже тюрьма и ссылка для него самого и его ближайших единомышленников не излечили его от этих иллюзий. [...] Вся линия Троцкого,*

начиная с 1923 г. включительно, была [...] на то, что оппозиция вместе с большинством ЦК (т. е. вместе с так называемыми “центристами”) будет бороться против “правой опасности”. Это было высказано им [...] на пленуме ЦК в феврале 1927 г., и на это выступление, как на основу тактической линии троцкистов, он ссылается и теперь почти в ка-

ждем письме и документе. [...] Пугать “центристов” правой опасностью, с нетерпением ожидать “удара правого хвоста по центристской голове”, поддерживать эту голову [...], мечтать о блоке с ней [...] такова тактика Троцкого. Как называется такая позиция? Самая настоящая центристская, которая ставит свою ставку не на борьбу против оппортунистов за свою собственную линию, а на раскол среди оппортунистов [...].

[...] В 1923 г. Троцкий пугал ЦК тем, что если ЦК не уступит оппозиции, то в партии разовьются антипартийные течения. ЦК вместо уступок задушил партию. Теперь Троцкий пугает его тем, что если он сейчас не уступит, то рабочий “выйдет за пределы большевистской партии и диктатуры пролетариата”. [...] Да, только к бессилию может привести страх перед единственной силой, на которую можно опереться!

[...] А теперь пора рассмотреть, что же собственно представляет собой та “международность”, которую всё время выставляет на показ Троцкий, и за несогласие с которой Сосновский обвиняет нас в “охлаждении к международной революции”, в “теории оппозиции в одной стране” и в “сталинизме навыворот”. На деле эта международность Троцкого является только необходимой составной частью всей его центристской линии.

[...] В чём состоит этот “международный угол зрения” во внутренних вопросах. “Внутреннее развитие СССР и правящей партии”, пишет Троцкий, “полностью отражало [...] изменение международной обстановки, служа наглядным опровержением новых реакционных теорий изолированного развития социализма в отдельной стране. Курс внутреннего руководства был разумеется тот же, что и курс ИККИ: центризм, сползающий вправо”.

[...] “Известное разочарование в международной революции”, продолжает Троцкий, “захватившее отчасти и массы, толкало центральное руководство в сторону чисто национальных перспектив, которые нашли своё плачевное выражение в теории социализма в одной стране”. Под влиянием этих чисто национальных перспектив “официальное руководство всё более сбивалось на позиции изолированного самодовлеющего хозяйственного развития”. Благодаря этому “вопрос о темпе нашего хозяйственного развития не ставился нашим руководством вовсе”. Упустил поставить вопрос о темпе, “мы утрачивали темп ложной хозяйственной установкой”. А заодно по-

шла уже “систематическая потеря темпа и в вопросах международной революции”, вызывавшаяся “центристской неспособностью оценить революционную обстановку и в нужный момент использовать её”. Но “вопрос о темпе есть решающий вопрос всякой борьбы” и, упустив его, мы и вступили “период временного, конечно, но глубокого ослабления позиций международной революции”.

Всё это не только международно, но и диалектично: причина и следствие всё время меняются местами: руководство ИККИ и ЦК ВКП упустило революционную ситуацию в Германии и привело к поражению германскую революцию. Затем – обратное действие следствия на причину: поражение революции в Германии вызывает разочарование руководства ЦК ВКП в мировой революции. С горя оно строит теорию социализма в одной стране, упускает вопрос о темпе нашего строительства, становится окончательно центристским. Затем – опять обратное действие следствия на причину: благодаря неспособности центризма оценить революционную обстановку, упускает темп и в международном движении, – упускается революционная ситуация в Англии и в Китае. В результате – “глубокое ослабление мировой революции”. А “завершением гигантского сдвига в соотношении мировых сил за последние годы”, как сказано в письме 9/V, явился разгром оппозиции у нас. И тезис, и анти-тезис, и синтезис – всё в порядке.

Одна беда: как марксисты, мы привыкли объяснять изменение политической обстановки изменением в соотношении классов и борьбой между ними. А у Троцкого всё диалектическое взаимодействие происходит между “мировой обстановкой” и мозгами тех, кто руководит ИККИ и ЦК ВКП. Троцкий упрекает ЦК в том, что “официальная фракция в 1923 г. отбрасывала классовые критерии, оперируя такими понятиями, как крестьянство вообще”. Упрёк правильный. Но что же сказать о самом Троцком, у которого тоже под “международным углом зрения” исчезло даже “крестьянство вообще”, даже пролетариат, у которого во всей главе, называющейся “политика 1923–26 гг.”, говорится лишь в одном месте о “давлении новых классовых прослоек, формировавшихся на основе НЭПа, связывавшихся с государственным аппаратом, желавших, чтобы им не мешали подниматься вверх и не освещавшихся ленинским фонарём”?

[...] Диалектика классовой борьбы выпала у Троцкого. Но тогда и вся “диалектика” Троцкого – не

марксистская диалектика, хотя бы в его рассуждениях через каждые два слова повторялось “международный”.

Что современное хозяйство далеко переросло национальные рамки, что оно стало уже мировым хозяйством – этого не станет отрицать ни один из идеологов буржуазии. Никому не придёт в голову отрицать и того, что благодаря этому политическая обстановка в каждой стране теснейшим образом связана с политической обстановкой в других странах. Но от этих общих мест марксизм и отличается тем, что с его точки зрения экономика определяет политическую обстановку не непосредственно, а через борьбу классов.

Классовая борьба пролетариата есть прежде всего борьба против своей буржуазии. Вытекает это из того простого обстоятельства, что буржуазия не создала и не может создать мирового государства, что государство – это оружие классового господства буржуазии – есть национальное государство. В этом смысле, если угодно, классовая борьба есть “национально-ограниченная” борьба.

[...] Только тот, кто в погоне за “международностью” позабыл азбуку революции, мог бы упрекнуть нас за напоминание этой азбучной истины “в отходе от международной точки зрения” или в “сталинизме навыворот”. Против своей буржуазии борется пролетариат не одной страны, а каждой страны. А так как основы эксплуатации пролетариата буржуазией во всех странах одинаковы, так как одинаковы в основных чертах и формы господства буржуазии во всех странах, то опыт борьбы пролетариата каждой страны является международным опытом. Далее, ставя своей задачей уничтожение противоречия между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства, пролетариат в ходе разрешения этой задачи неизбежно должен уничтожить и второе противоречие – между мировым характером производства и национально-государственной организацией его частей. Кроме того, хозяйство если не всех стран, то по крайней мере целых групп стран (например, европейских) настолько тесно переплетено между собой, что победа пролетариата в одной стране не может не вызвать глубочайших пертурбаций в хозяйстве соседних стран, пертурбаций, которые резко ускоряют в них наступление революционной ситуации. “Национально-ограниченная” (благодаря национальной разграниченности структуры мирового хозяйства) борьба пролетариата неиз-

бежно и очень быстро перерастает национальные рамки, ломает государственные границы и может получить своё завершение – построение социализма – лишь в мировом масштабе.

Всё это азбука. Но из этой азбуки следует, что, пока ещё остаётся классовая структура общества, пока остаётся вместе с тем и разделение мирового хозяйства на национально-государственные части, до тех пор нельзя говорить, как это делает Троцкий, что “внутреннее развитие СССР (или какой-либо другой страны) полностью отражает международную обстановку”. Не говоря уже о полной расплывчатости такого понятия, как “международная обстановка”, совершенно ясно, что политическое развитие отдельной страны определяется “международной обстановкой” (а не отражает её) не непосредственно, а через изменения соотношения классовых сил, через борьбу классов в этой стране. Наша экономика не есть изолированная экономика. Она есть часть мирового хозяйства, она выполняет в мировом хозяйстве определённую роль. Изменения в мировой экономике изменяют и эту роль, изменяют и создающееся на основе её соотношение классов. Но политическая ситуация у нас, политика СССР определяется этим соотношением классов у нас.

[...] Скучно разжёвывать эти азбучные истины. Но что же поделаешь, если “отражение международной обстановки на внутреннем развитии СССР” по Троцкому состоит в том, что поражение германской революции “отразилось” на Бухарине, Сталине и других “разочарованием” в мировой революции, что под влиянием этого разочарования они создали теорию социализма в одной стране, не подумали о соотношении темпа нашего развития с темпом развития мирового, упустили темп и т. д. Что поделаешь, когда под видом “подлинно-ленинской”, “международной” точки зрения преподносится написанная гладкими фразами болтовня о международной?

Каков однако объективный смысл этой болтовни? Он заключается в том, что за “тонким” анализом того, “как оседает в головах авангарда или авангарда авангарда” (письмо 9/V) пресловутая “международная обстановка”, “забывают” проанализировать, как отражается в головах этого “авангарда” идеология наших “национально-ограниченных” классов, чьи интересы выражают “ошибочные” теории этого авангарда.

[...] его “международная” точка зрения есть лишь благовидное прикрытие для его центрист-

ской политики, которая усиленно старается изобразить оппортунистов как заблуждающихся революционеров, в то время как на самом деле они являются ренегатами коммунизма и предателями революции. С такой международной точкой зрения мы, разумеется, не можем иметь ничего общего.

[...] Большевистская партия выковывалась в борьбе не только с откровенно правыми – с “экономистами” и “ликвидаторами”, но и всякого рода центристами, со всеми их оттенками. Иначе

и быть не могло: только благодаря центристам откровенно правые могли в глухое время реакции вербовать себе сторонников среди рабочих, только левые фразы центристов могли сбивать с толку – иногда и надолго – честных и преданных революционеров.

Роль такого центриста играет сейчас Троцкий».

Июнь – июль 2025 г.

ВВЕДЕНИЕ К

«

НАБРОСКУ ПРОГРАММЫ

»

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Группа “Коммунистический Прометей” не считает себя мировой коммунистической *«партией или даже единственным её зародышем»* и рассматривает свою деятельность *«как часть практического движения к коммунизму, как борьбу за создание этой партии»*. Исходя из этого, мы считаем важным обмениваться опытом и вести дискуссии с другими интернационалистскими коммунистическими организациями. “Набросок программы Интернационалистской коммунистической партии” и введение к нему, специально написанное товарищами из Battaglia Comunista, являются первыми в серии публикаций документов, статей и материалов других коммунистических организаций, ознакомление с которыми мы считаем частью теоретического наследия марксизма и важным элементом в формировании классового сознания мирового пролетариата.

Чтобы понять контекст возникновения “Наброска программы” Интернационалистской коммунистической партии, составленной и обнародованной (в условиях вынужденного подполья) в 1944 году, мы считаем полезным изложить краткую историю “итальянской левой” – от первой мировой войны до периода после второй мировой, когда противоречия между её различными “течениями” вылились в раскол 1952 года. Этот разрыв внёс значительный вклад в прогрессирующее ослабление интернационалистских сил как в Италии, так и за её пределами.

КРАТКАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКАЯ ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЛЕВОЙ

«Мы, члены Интернационалистской коммунистической партии – итальянской секции Интернационального бюро за революционную партию (ИБРП) [ныне: Интернационалистская коммунистическая тенденция (ТСИ), — прим. ред.], – являемся прямыми преемниками итальянской коммунистической левой. Мы предприняли необходимые шаги вперёд, проанализировав реальную динамику капитализма и современную природу империализма (который, напомним, является не просто политическим курсом). По нашему мнению, другие выходцы из традиции итальянской коммунистической левой либо оставили её общую методологическую почву – как в случае с Интернациональным коммунистическим течением (СЦИ) – либо, подобно бордигистам, застыли на позициях 1921–1922 годов (объявив их “инвариантными”), оказавшись вне рамок развития революционных перспектив применительно к сегодняшнему капитализму» (Мауро Стефанини, из электронного письма адресату, начало 2000-х гг.).

Термин “коммунистическая левая” сегодня вносит некоторую путаницу. Группы, входящие в ТСИ, редко используют это определение. Мы предпочитаем называть себя “интернационалистами”. Также мы стараемся не использовать (или использовать редко) термин “итальянская левая”, который тоже может вызвать серьёзную путаницу. В традиции “итальянской левой” выделяются три компонента: Интернационалистская коммунистическая партия (*Battaglia Comunista* – группа, основавшая вместе с Коммунистической рабочей организацией (СВО) будущее ИБРП, а затем ТСИ), французская

коммунистическая левая (предшественница СЦИ) и бордигисты, представленные сегодня множеством групп, которые трудно перечислить, но чьим основным ядром является “Коммунистическая программа” (*Programma Comunista*); бордигистские группы обычно носят название “Интернациональная коммунистическая партия”. Существует также ещё одно объединение, берущее начало в СЦИ, от которого оно откололось или, точнее, было исключено в начале 2000-х: Интернациональная группа коммунистической левой (*Gruppe International de la Gauche Communiste*).

По отношению к нам одним из главных недопониманий является то, что, когда мы заявляем о своей принадлежности к традиции итальянской коммунистической левой, нас часто отождествляют с Бордигой и бордигизмом.

Итальянская левая пережила два периода, когда её идеи имели широкий отклик: 1919–1924 годы и, в меньшей степени, 1943–1949 годы.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ИТАЛИИ

Начиная с первой мировой войны и Русской революции, главной проблемой в Италии было создание коммунистической партии, которая могла бы вступить в Третий Интернационал, основанный в 1919 году. Проблема, с которой столкнулась левая, заключалась в путанице, намеренно распространяемой Итальянской социалистической партией (ИСП) под руководством Серрати: социалисты сохраняли теоретическую возможность вступления в Коминтерн, фактически не предпринимая для этого никаких шагов. Кроме того, ИСП придерживалась двусмысленной позиции по отношению к войне (в которую Италия не вступала до мая 1915 года), выраженной в формуле “ни участвовать, ни саботировать”. Это ещё больше мутило воду.

В тот период (1919–1920 гг.) Италия была охвачена политическими потрясениями: рабочие захватывали заводы и бастовали тысячами; это время вошло в историю как “Красное двухлетие” (*Biennio Rosso*). Но не было никакой классовой партии, которая была бы способна направить эту борьбу на штурм государства. Рабочие оста-

лись запертыми на заводах, а правящему классу оставалось лишь ждать, пока движение само сойдёт на нет. В это время “интрансидженты” (непримиримые) – как тогда называли товарищей из левого крыла – сумели совершить разрыв с социалистами и основать в Ливорно в 1921 году Коммунистическую партию Италии (КПИ). Однако волна классовой борьбы уже схлынула, а буржуазия совершала поворот в сторону фашизма.

Только что созданная партия была детищем “левых”, а её самым видным лидером был молодой Амадео Бордига. Уже тогда Бордига проявлял склонность к формализму, и одной из его ошибок было название своей фракции “абстенционистской”, хотя на самом деле она должна была называться коммунистической. В результате многие коммунисты, считавшие, что парламент следует использовать как трибуну для агитации (не рассматривая его при этом как путь к завоеванию власти), не решались к ней присоединиться. Это привело не только к тому, что партия оказалась численно меньше, чем могла бы быть, но и к тому, что она появилась позже необходимого срока. Тактическая идея Бордиги, стоявшая за выбором названия “абстенционистская”, заключалась в том, что старая соцпартия коррумпировалась и стала реформистской именно из-за получения её членами парламентских привилегий; для него это был способ держать реформистов за порогом.

Дополнительную путаницу внесло то, что Бордига на Втором конгрессе Коминтерна настоял на добавлении “21-го условия”, согласно которому все решения Коминтерна становились обязательными для всех компартий. Это означало, что он сам связал итальянскую партию обязательством работать в парламенте и профсоюзах, что некоторыми расценивалось как шаг назад. Но Бордига последовательно отстаивал позицию, что основание итальянской секции Интернационала имеет приоритет над остальными вопросами. Это объясняет, почему одним из пунктов критики Бордиги по адресу товарищей из KAPD (немецких левых коммунистов) было то, что те возводили тактические вопросы в ранг принципиальных, ставя их выше единства коммунистического действия. В письме им он подчёркивал: *«Как марксист я прежде всего централист, и только потом – абстенционист»*.

Тем временем ситуация в Италии становилась всё более отчаянной для рабочего класса, так как

революционный порыв был упущен. Начался период реакции. Одновременно с этим Коминтерн находился в видимом упадке. На своём Четвёртом конгрессе в 1922 году (опираясь на решения Третьего конгресса 1921 года) он принял тактику “единых фронтов” с теми самыми социалистическими партиями, которые поддерживали империалистическую войну и всячески тормозили процесс создания коммунистических партий. Для коммунистических левых принятие тактики единого фронта стало поворотным моментом в истории рабочего класса. Это один из аспектов, который сегодня отличает нас от всех троцкистских течений.

В Италии “левые”, всё ещё контролировавшие партию, выдвинули идею “единого фронта снизу” и пытались убедить другие партии Интернационала принять эту интерпретацию. Идея заключалась в том, что коммунисты будут сотрудничать с рабочими-социалистами на уровне заводов, но не с их партиями. Однако даже это оказалось неприемлемым для Исполкома Коминтерна, который, воспользовавшись арестом Бордиги фашистским правительством в 1923 году, получил возможность назначить Грамши секретарём партии. Грамши всегда признавал Бордигу подлинным лидером партии, но Москва настояла на замене этого более известного вождя. При Грамши партия подверглась “большевизации”, а левое крыло было постепенно отстранено от руководства.

Бордига не оказывал активного сопротивления этому процессу, поскольку признавал центральную власть Исполкома Коминтерна. Однако он не скрывал своей оппозиции новому курсу, на который встали партия и Интернационал. По этой причине он поддержал – пусть и без особого энтузиазма и лишь на более позднем этапе – усилия товарищей из “Комитета согласия” (Comitato di Intesa), которые подготовили критический анализ перерождения партии. Среди подписавших этот документ были Онорато Дамен и Франческа “Чекка” Гросси, ставшая впоследствии его женой. Позже они оба окажутся в числе основателей нашей итальянской секции – Интернационалистской коммунистической партии. “Комитет согласия” утверждал следующее:

«Ошибочно полагать, что в любой ситуации можно с помощью уловок и манёвров расширить базу партии в массах, так как отношения между партией и массами в огромной степени зависят

от объективных условий ситуации» (Платформа «Комитета согласия», leftcom.org).

Исполком Коминтерна потребовал исключения всех, кто поддерживал Комитет. Грамши лишил его членов всех постов, но «левые» продолжили политическую борьбу против деградации партии. Кульминация наступила в 1926 году и выразилась в двух событиях, подытоживших эту борьбу: последнем выступлении Бордиги в Коммунистическом Интернационале и Лионском съезде КПИ. В первом случае Бордига открыто осудил Сталина, отказ Русской революции от интернационализма и то, как обошлись с Троцким. Говорят, Сталин ответил ему: «*Да простит вас Бог*».

Но КПИ его определённо не простила. На Лионском съезде Грамши заявил всем партийным функционерам, поддерживавшим «левых», что если они не проголосуют за его тезисы, то потеряют свои должности в партии и жалованье (это одна из причин, по которой наши товарищи с тех пор всегда выступали против концепции «профессиональных революционеров»). Под этим давлением многие отреклись от своих взглядов, оставив левое крыло в ещё большей изоляции. В этот момент «левые» были исключены из партии; некоторые отправились в изгнание во Францию и Бельгию. Дамен никогда не уезжал в эмиграцию. Вместо этого ему неоднократно приходилось сталкиваться с арестами и тюрьмой – как во время гражданской войны в Испании, так и в годы второй мировой. Бордига также остался в Италии, но отошёл от общественной деятельности и посвятил себя работе инженером в Неаполе. Он не играл никакой роли в политической жизни вплоть до 1945 года.

ФРАКЦИЯ ЛЕВЫХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИТАЛИИ

Итальянская левая как самостоятельное явление оформилась в течение 1930-х годов, прежде всего во Франции, где в 1928 году (в Пантине) была создана Фракция левых Коммунистической партии Италии. Фракция издавала газету *Prometeo* (изначально – революционный журнал неаполитанской секции партии, возглавляемой Бордигой), а затем журнал *Bilan*.

Фракция не была – да и не могла быть – однородным организмом. Наши товарищи оказались в самом центре контрреволюционного процесса. Задача состояла в том, чтобы понять его причи-

ны, природу и прочее. Война в Испании расколола фракцию. Одни товарищи считали нужным отправиться в Испанию и принять участие в войне на стороне республиканцев – в надежде перевести её в русло подлинно коммунистической борьбы. Другие выступали против этого, но также отправились в Испанию, чтобы попытаться вернуть первых на коммунистические позиции. В итоге товарищи, вступившие в ополчение, быстро и на собственном горьком опыте поняли, что невозможно привлечь рабочих на сторону коммунизма в условиях той войны, перетёкшей в империалистическую. Главным достижением стало то, что товарищи из группы «*Bilan*» признали: антифашистская война была прелюдией к мобилизации рабочего класса в поддержку империализма в той или иной форме.

Тем не менее внутри группы «*Bilan*» существовали как минимум две тенденции. Например, в то время как одна часть отрицала возможность окончательно охарактеризовать природу СССР, другая утверждала, что контрреволюционная политика партии и государства является продуктом контрреволюционного социально-политического развития, при котором государство более не является пролетарским «*полугосударством*» (Ленин, «Государство и революция»), а партия перешла классовую черту, подменив собой старую традиционную буржуазию (государственный капитализм). Однако у «*Bilan*» не было ясности по многим вопросам, одним из которых был вопрос о государстве в переходный период. Другим вопросом был анализ экономических противоречий капитализма: в работах Митчелла (одного из наиболее видных бельгийских товарищей) в качестве единственно верного объяснения капиталистических кризисов использовались поздние люксембургские теории.

Эти ошибки привели к катастрофической недооценке характера кризиса 1939 года. Опираясь на 18-ю главу «Накопления капитала» Розы Люксембург, они полагали, что производство оружия позволит капитализму выйти из Великой депрессии, и считали, что капитализм сможет избежать новой империалистической войны. Фракция прекратила издание *Bilan*, заменив его журналом *Octobre*, который вышел всего в полудюжине номеров в последние месяцы перед войной. Верчези (псевдоним Отторино Перроне, самого известного представителя фракции) утверждал, что рабочий класс не разбит и революция всё

ещё возможна. Неудивительно, что Фракция левых в изгнании распалась с началом второй империалистической войны. Для рабочего класса это определенно была “полночь века”. Некоторые члены фракции будут убиты Сталиным, другие – Гитлером, но в жестоком, однако более дезорганизованном фашистском государстве в Италии “левые” продолжают выживать, пусть и в ссылках, тюрьмах и под домашним арестом.¹

ОСНОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Интернационалистская коммунистическая партия возникла в течение 1942 года, хотя “официально” появилась на политической арене осенью 1943 года с выходом первого номера *Prometeo* (разумеется, подпольного). Товарищи, создавшие партию, были сосредоточены в основном в Пьемонте и Ломбардии – то есть в самом сердце итальянского рабочего класса. Как правило, они имели за плечами долгие годы членства в рядах “итальянской левой”, которая дала начало Коммунистической партии Италии в 1921 году. И хотя уже тогда их клеймили как “бордигистов”, это именование не совсем корректно, несмотря на то что Бордига внёс первостепенный теоретико-политический вклад в развитие самой “левой”. Как правило, интернационалисты прошли через тюрьмы и суровую жизнь в изгнании, откуда после падения Муссолини 25 июля 1943 года они принесли с собой политический опыт фракции. Ещё раньше многие из этих товарищей боролись с зарождавшейся сталинской контрреволюцией; эта борьба достигла пика в деятельности “Комитета согласия” (1925), одним из главных вдохновителей которого, что не случайно, был Онорато Дамена – вопреки, как уже говорилось, сопротивлению Бордиги (которому, однако, принадлежит авторство большинства политических документов, выпущенных самим Комитетом).

Рождение партии произошло в момент, когда рабочий класс массовыми забастовками взламывал климат социального мира, навязанный двадцатью годами фашизма и укрепленный

текущей войной, объективно ставя под вопрос саму войну и породивший её капитализм. Забастовки, начавшиеся в Турине – “самом рабочем городе Италии”, – затем распространились на Милан и остальную часть севера. Излишне говорить, что *Prometeo* не только с энтузиазмом поддержал забастовки, но и активно участвовал в них через своих милитантов.

Партия развивалась в условиях огромных трудностей, в то время как Итальянская коммунистическая партия (ИКП) официально завершала траекторию своего перерождения: она поддерживала сторону “Союзников” в империалистической войне, участвовала в создании Комитета национального освобождения (КНО) и поддерживала правительство Бадольо – палача рабочих, истребителя мирного населения в африканских войнах и на Балканах (и это если вспомнить лишь гражданских жертв его долгой карьеры на службе буржуазии).

Политические позиции, изложенные в “Наброске программы” 1944 года, – хотя в некоторых аспектах, например в профсоюзном, они ещё находились “в процессе становления” – в целом чётко заложили краеугольные камни для роста революционной организации. Некоторые вопросы, волновавшие жизнь фракции (такие как социальная природа СССР), были давно решены товарищами, оставшимися в Италии. Советский Союз назван тем, чем он и являлся: режимом государственного капитализма, а “коммунистическая” партия [ИКП – прим. пер.] – *longa manus* (длинной рукой) этого режима, нацеленной на то, чтобы направить пролетариат на поддержку одного из империалистических фронтов во время войны и на буржуазное восстановление после неё. Наконец, считалось само собой разумеющимся, что профсоюз – на тот момент отсутствовавший в силу обстоятельств – с окончанием конфликта станет мощным инструментом в руках социал-демократии и сталинизма.

“Набросок программы”, несмотря на статус “предварительного” документа, был более продвинутым – с точки зрения революционной постановки проблем, – чем “Платформа” 1945 года,

1 - Более подробный анализ “Фракции” см. в статьях Фабио Дамена в *Prometeo*:
<https://www.leftcom.org/it/articles/1979-06-01/frazione-partito-nell%E2%80%99esperienza-della-sinistra-italiana>
<https://www.leftcom.org/it/articles/1979-12-01/il-ruolo-della-russia-nella-seconda-guerra-mondiale>
<https://www.leftcom.org/it/articles/1980-12-01/frazione-partito-nel-corso-della-ii-guerra-mondiale>

1 МАЯ: КОММУНИЗМ или ВАРВАРСТВО НИКАКИХ ЖЕРТВ В ИНТЕРЕСАХ КАПИТАЛА

составленная Бордигой, который не был и так никогда и не станет членом партии. Тёмные пятна, теоретико-политические шаги назад, первые признаки эволюции Бордиги в сторону механистического идеализма приобретут разрушительную силу в последующие годы, вплоть до раскола 1952 года. Факт в том, что “Платформа” задумывалась скорее как вклад в будущую предсъездовскую дискуссию, чем как готовое “удостоверение личности” партии; она уже содержала в зародыше элементы, которые, разившись позже, дадут жизнь течению бордигизма. Много лет спустя мы вновь пояснили, чем была для Интернационалистской коммунистической партии “Платформа” 1945 года:

«В 1945 году ЦК получил проект политической Платформы от товарища Бордиги, который, подчеркнём, не состоял в Партии. Документ, представленный в ультимативной форме для принятия, был сочтён несовместимым с твёрдыми позициями, уже принятыми партией по важнейшим проблемам. Несмотря на внесённые правки, этот документ всегда рассматривался как вклад в дискуссию, а не как фактическая платформа» (Предисловие к нашему сборнику начала 1970-х годов “Документы итальянской левой”, содержащему набросок программы и Платформу 1945 года).

Возвращаясь к “Наброску”, его было более чем достаточно, чтобы ориентировать партию в сложнейшей ситуации войны – как в отношении воен-

но-политических группировок на полях сражений, так и, прежде всего, в отношении феномена партизанского движения. Последнее подпитывалось в значительной степени самоотверженными пролетарскими силами, которые в массе своей искренне желали бороться против капитализма, сражаясь с наци-фашизмом, но находились в полной зависимости от идеологии и политического курса КНО. Задача КНО заключалась в том, чтобы удерживать эти силы в рамках буржуазного антифашизма, отклоняя и гася их антикапиталистический потенциал в русле империалистической войны, выстраивая их в поддержку одного из воюющих фронтов.

Поэтому партия, разоблачая политику КНО как трагический антипролетарский обман – направленный на то, чтобы придать послевоенному капитализму новый, демократический облик, – стремилась в тех крайне узких оперативных рамках, которые ей были дозволены, внести политическую ясность в ряды партизанских сил. Она последовательно указывала на ограниченность развившегося антифашистского движения, стараясь перевести его на классовую почву и объединить с основным ядром пролетариата, оставшимся на рабочих местах: именно это, а не партизанская война, было базой, с которой следовало начинать свержение капитализма.

Стоит заметить в скобках, что партия не впадала в абстракцию. Она прекрасно знала, что многие пролетарии ушли в горы, чтобы спастись от преследований или дезертировать с войны, и что они не могли просто так вернуться домой. Поэтому политическое и военное указание заключалось в том, чтобы обеспечить защиту самих себя и своих семей, а в случае необходи-

мости – сберечь опыт и оружие, чтобы предоставить их в распоряжение класса в уже неминуемый послевоенный период. Ни с Кессельрингом [главнокомандующий немецкими войсками в Италии – прим. ред.], ни с Александером [главнокомандующий англо-американскими силами в Италии – прим. ред.]: ни с вешателем партизан и палачом мирных деревень под знаком свастики, но и ни с представителем не менее свирепого британского империализма, который суровой зимой 44-го призывал партизан расходиться по домам, как будто это не было равносильно смертному приговору.

Лживые измышления о роли наших товарищей во время второй мировой войны, продиктованные либо дремучим невежеством, либо корыстным злым умыслом, сопровождали нас с самого 1944 года, когда ИКП называла наших товарищей агентами Гестапо и призывала партизан расправляться с нами соответствующим образом. Как минимум в двух случаях это подстрекательство к убийству было приведено в исполнение: с Фаусто Атти в провинции Болонья и с Марио Акуавивой в провинции Асти.

Таким образом, наша позиция не была “индифферентизмом” – возможно, с оттенком трусости, как любили намекать некоторые, – но единственно последовательной коммунистической позицией по отношению к войне. Никто другой, даже анархисты, не занял столь чётко выраженную классовую точку зрения².

В любом случае, никто не питал иллюзий относительно возможности быстрого определения партией политических позиций по вопросу класса на завершающем этапе фашизма или по вопросу о начале революционного подъёма сразу после войны. Однако предполагалось (и была надежда),

2 - «В буржуазную игру включились (нужно ли об этом говорить?) даже... грозные поборники самой “непримиримой” революционности: анархисты. Не исторический, а вульгарно-волюнтаристский характер их доктрины, специфический склад ума (*forma mentis*) – эмоциональный, путанный, часто нелогичный, – а также поверхностность их анализа привели [анархистов] в ряды КНО (Комитета национального освобождения) бок о бок [...] с попами, мадзинистами и буржуазией. [У анархистов] не появилось ни малейшего сомнения в том, что война, в которой они сражались, относится к числу империалистических столкновений: примкнув к КНО, эти “радикальнейшие отрицатели любой формы правления” несколько не заподозрили, что оказывают поддержку новым органам буржуазного государства, которое они “окончательно сокрушают”... в теории, но консолидируют на практике всеми доступными средствами [...] Горькая историческая Немезида распорядилась так, что в первом и последнем акте военной трагедии (Испания и Италия) анархисты пошли на сделки (министры, освободители, КНО) с капитализмом, способствуя тому, чтобы поражение рабочего класса стало поистине тотальным». – “Пролетариат и Вторая мировая война”, статьи из газеты *Battaglia Comunista* за ноябрь 1947 – февраль 1948 гг.

что смерти, нищета и экономический крах откроют пространство для вмешательства партии и её укоренения. Вопреки тому, что утверждают некоторые исторические реконструкции, сценарий, который несли с собой англо-американские “освободители”, осознавался авторами в его общих чертах:

«Однако одно можно сказать определённо: сокрушительная победа держав Антанты значительно укрепит фронт сопротивления мирового капитализма и сузит объективные возможности пролетарской революции. Подтверждением правильности этого анализа является тот факт, что часть пролетариата “чувствует” демократическую войну и смотрит на неё и на её победоносное завершение, как на “свою” войну и “свою” победу»³.

Эта оценка, к сожалению, подтвердится фактами и неоднократно проявится в первые послевоенные годы, – как в прессе, так и в моментах наивысшей значимости в жизни партии, таких как Туринское совещание 1945 года и Флорентийский конгресс 1948 года. Более того, если и были товарищи, ожидавшие наступления революционной фазы, в которой партия могла бы исполнить свою роль авангарда, то их следует искать среди тех, кто, разочаровавшись по ходу действительных событий, вскоре провозгласил теорию “ни чего нельзя поделать”. Это привело к идее ликвидации партии как необходимого

политического инструмента классовой борьбы и её превращению в узкое ядро “мыслителей” и “реставраторов” марксизма. Подобная установка – константа в истории рабочего движения: поражение выявляет и обостряет слабые места теории, особенно если сам её общий фундамент неустойчив.

Речь здесь идёт, очевидно, о Верчези – видном деятеле фракции, который стал внутри организации главным проводником сомнений, “недоказанностей”, теоретических пересмотров и, по сути, разделял нежелание Бордиги признавать существование партии. Всё это и привело к расколу 1952 года⁴. Если на Туринском совещании 1945 года расхождения по отдельным вопросам (например, профсоюзному) оставались в рамках нормальной диалектики революционной организации и даже способствовали её теоретическому и политическому росту, то во Флоренции в 1948 году атмосфера была уже иной: товарищам пришлось бороться против ликвидаторских тенденций Верчези и его “пирруэтов” в профсоюзном вопросе, столь типичных для будущего бордигизма. Эти тенденции, к несчастью, нашли своё завершение в расколе 1952 года⁵.

Март 2026 г.

3 - набросок программы Интернационалистской Коммунистической партии, 1944.

4 - Из доклада ЦК к Национальному конгрессу партии, декабрь 1947 г. публ. в “Инт. Тетрадьх” цит. с. 67:

«Партия не питала и не подогревала иллюзий на этот счёт [относительно начала революционной фазы]; она предвидела, что конец конфликта откроет откровенно реакционную историческую ситуацию, и готовилась смело и твёрдо заявить в ней своё слово, как она умела это делать против всех и каждого в разгар мировой войны».

Альдо Леччи на конгрессе 1948 года выразился так:

«Однако он [Верчези] заявил, что ошибся в 45-м в Турине, когда верил в возобновление революционного курса, тогда как сегодня ему очевидно, что во всём мире пролетариат находится в союзе с капитализмом и что всё, что мы делаем, может лишь пойти на пользу тому или иному империалистическому блоку [...]».

В сегодняшнем выступлении товарища Верчези скрыта попытка свести партию к клубу “сверхлюдей”, претендующих на звание учёных-марксистов, которые чувствуют себя выше масс и пренебрегают контактом с реальностью, в которой эти массы живут [...]. Эти элементы, пытающиеся скрыть свой пессимизм за нашим мнимым “оптимизмом”, будучи политически пассивными, бросают нам высокопарные фразы, не внося никакого позитивного вклада в защищаемые нами позиции, без теоретических или политических опровержений наших “ошибок” и отклонений.

Товарищи, с которыми мы работали, знают: мы никогда не заблуждались ложными перспективами и никого не вводили ими в заблуждение. Мы всегда были суровы и точны, всегда повторяли товарищам: “Принимайте в партию с осторожностью, исключайте всякий раз, когда сталкиваетесь с политическим непониманием; возможно, нам придётся ещё сильнее сократить свои ряды; ситуация не позволяет развиваться массовой классовой партии; речь идёт о формировании кадров, костяка партии”». (Resoconti: convegno di Torino 1945, congresso di Firenze 1948, p. 16).

5 - Для детального разбора раскола 1952 года, см:

<https://www.leftcom.org/it/articles/2021-01-05/st07-la-scissione-internazionalista-del-1952>

НАБРОСОК ПРОГРАММЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Данный набросок программы основан на программе-базе, которая заключается в Римских тезисах, разработанных и утверждённых на II съезде Коммунистической партии Италии (1922 г.).

I. СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВА

Война, находящаяся в своей бурной и жестокой заключительной фазе, демонстрирует, наряду с упадком германской мощи, победоносное утверждение союзнических войск с явным военным и политическим преимуществом Соединённых Штатов и России. Таким образом, намечаются перспективы демократического мира, обеспечивающего, прежде всего, Соединённым Штатам бесспорную экономическую и финансовую гегемонию в мире. Это может означать не только победу в войне, но и победоносный мир, то есть консолидацию капитализма, который таким образом смог бы в очередной раз перекрыть путь пролетариату, видевшему в военном кризисе шанс на успех революционного движения. Обоснованность этой гипотезы – поскольку война всё ещё продолжается и в ней всё ещё может сыграть свою роль непредсказуемость – может и не подтвердиться в полной мере ходом ближайших событий, но в нынешней ситуации кризиса и с учётом имеющихся обстоятельств нет никаких оснований полагать, что исход будет иным. Однако одно можно сказать определённо: сокрушительная победа союзников значительно укрепит фронт сопротивления мирового капитализма и сузит объективные возможности для пролетарской революции. Подтверждением правильности этого анализа является тот факт, что часть пролетариата “ощущает” демократическую войну и смотрит на неё и на её победоносное завершение как на “свою” войну и “свою” победу.

Историческая ответственность за это трагическое отклонение от правильной классово-линейной линии лежит на социалистических и центристских партиях, которые действовали и действуют в отношении войны не как правый фланг пролетариата, а как реальные и сознательные силы буржуазной левой.

II. ФАШИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Фашизм, возникший как запрос буржуазного общества и органическое выражение его стремления защитить собственные привилегии с помощью авторитарной власти на самой острой фазе кризиса капитализма, превратился в явление, которое сегодня должно волновать скорее гробовщиков, чем политиков или историков. Но следует отметить, что фашизм умирает не в результате насильственного лобового столкновения с пролетариатом, то есть его не сметает революционная

волна – напротив, происходит мирная передача власти от одной политической системы к другой, более адекватной новым потребностям, вызванным войной, что означает также, что потребности авторитарного государства, каким мы его знали и испытали на себе, – требования, которые остаются такими же живыми и существенными, как и весь капитализм, из которого эти требования проистекают, – станут основой демократического государства, только с добавлением лицемерия и обмана свободами, фактически закреплёнными за теми, кто обладает властью.

Поэтому само собой разумеется, что условия социального конфликта несколько не изменились, и какими бы ни были силы, стоящие у руля государства, для нашей партии они защищают интересы капитализма против любой попытки пролетариата захватить власть – всеми средствами, то есть и теми же, что использовал фашизм.

В отношении демократического государства тактика партии пролетариата остаётся неизменной: мы не верим ни в его выборы, ни в его учредительное собрание, ни в его свободу печати, свободу слова и свободу организации; но партия будет использовать это, как и любую уступку, к которой будет вынуждена буржуазия, с единственной целью – укрепиться и иметь возможность нанести сильный удар. В настоящее время война сломила фашизм, но она не неизбежно политически сломит и партии пролетарской традиции Комитета национального освобождения, которые, будучи связаны с победившими в войне силами – которым они обязаны своими временными политическими успехами, – сегодня вынуждены продолжать её. Наша партия, как была единственной в борьбе против войны нацистско-фашистского империализма, так и останется одинокой в борьбе против войн демократий.

III. НАША ПАРТИЯ И РОССИЯ

Россия перестала быть для нашей партии страной первого великого революционного достижения мирового пролетариата и остаётся открытой страницей для критического исследования революционного марксизма, которому сегодня предстоит выявить и обнажить исторические причины – экономического и политического порядка, – лежавшие в основе поражения пролетарской власти в России и ставшие решающим фактором распада политических сил Коммунистического Интернационала. От жестокого пода-

вления подлинных революционеров Кронштадта до физической ликвидации всех оппозиций националистической политике Сталина в рабочем государстве всё более разрастается этот своеобразный парадокс: все действуют якобы ради вооружения революции против любой попытки восстановления капитализма, и все – революционеры или нет – фактически способствовали вооружению сил самой беспощадной антипролетарской реакции, которой предстояло задушить Октябрьскую революцию и вместе с ней её лучших борцов. Для марксистов причины этого не следует искать ни на небесах, ни в злом умысле отдельных людей, но в самой сути пролетарского государства, подпитываемой политикой компромиссов, которую экономические условия перенесли на уровень самой господствовавшей идеологии эпохи Ленина и Троцкого.

Благодаря российскому опыту пролетариат уже усвоил, что революционное насилие исторически необходимо и жизненно важно только тогда, когда оно осуществляется классовыми силами, в жилах которых течёт пролетарская кровь, и когда его целью является не решение неопределённых, субъективных и преходящих интересов – даже если они связаны с жизнью пролетарского государства, – а выражение постоянных и фундаментальных потребностей класса, по отношению к которым государство представляет собой лишь эпизод и простое временное явление. В противном случае насилие перестаёт быть повивальной бабкой истории и прокладывает путь возвращению реакции.

Партия считает, что от репрессий в Кронштадте до ликвидации Коммунистической партии насилие разложившегося рабочего государства было выражением руководящей воли и экономических и политических интересов, которые больше не совпадали с борьбой пролетариата. Таким образом, завтра партиям нового Интернационала будет легче определить теоретические и тактические условия политики против компромисса.

В заключение мы утверждаем:

Диктатура пролетариата ни в коем случае не должна сводиться к диктатуре партии, даже если речь идёт о партии пролетариата, интеллигенции и руководстве рабочего государства. Государство и правящая партия, как органы этой диктатуры, несут в себе зародыш тенденции к компромиссу со старым миром – тенденции, которая, как показал российский опыт, усилива-

ется и укрепляется в условиях временной неспособности революции в данной стране распространиться и соединиться с революционным движением в других странах.

Таким образом, в фазе политики выжидания, навязанной постепенностью революционного развития, интересы революции гарантируются активным присутствием пролетариата – прежде всего его наиболее сознательных сил – в основных органах диктатуры, с выборными должностями, с правом отстранения от должности, со свободой профсоюзной деятельности для защиты своих классовых интересов по отношению к государству и ко всем ещё не социалистическим экономическим слоям: одним словом, с наиболее широким осуществлением рабочей демократии. Если на данном этапе диктатуры класса свободное существование партий является анахронизмом, то должна быть свободной деятельность критики и оппозиции в рамках партии, осуществляющей диктатуру. Реализация наиболее широкой демократии в отношениях между пролетариатом и партией, между пролетариатом и рабочим государством предполагает достижение пролетариатом высочайшей степени политической зрелости и наличие объективно достаточных условий для такого осуществления во всех экономических и социальных сферах рабочего государства.

Подразумевается, что задача партии, осуществляющей диктатуру, состоит в том, чтобы поднять эти отсталые слои до уровня революционных интересов класса с помощью средств и методов, допускаемых самой рабочей демократией, таких как свободное обсуждение, свободное выражение мнения на собраниях и т. д.

Государство – буржуазный пережиток, которым пролетариат не может не воспользоваться для устранения остатков классового общества, но распад которого он должен ускорить – оно тем более склонно к выживанию и укреплению, а не к отмиранию, чем больше оно изолируется от движения международного пролетариата, претендуя на построение социализма в своей сфере и противопоставляя себя как рабочее государство буржуазным государствам на мировой арене.

IV. НОВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Масштаб и продолжительность конфликта, глубина и острота идеологических столкнове-

ний, негативный опыт первого пролетарского государства и его Интернационала могли создать благоприятные условия для формирования и укрепления коммунистических организаций в отдельных странах, которые ждут часа, чтобы объединиться и заложить основы нового Интернационала.

Он должен будет учитывать прежде всего предыдущий негативный опыт, чтобы фактически стать органом мировой коммунистической революции. Наша партия, которая в последние десятилетия больше других ощущала недостаток международного руководящего органа, способного быть действительным направляющим и стимулирующим фактором в борьбе пролетариата, и которая смело разоблачала его недостатки, ошибки и отклонения, а в конце концов и предательство, и которая не упускала ни одной возможности для восстановления контактов между силами международной левой, сумеет взять на себя инициативу в подходящий момент. Наша партия идеологически готова к этой задаче возрождения и уже сегодня заявляет, что новый Интернационал:

а) должен избегать превращения в инструмент рабочего государства и его политики, но, считая себя верховным собранием трудящихся всего мира, должен защищать интересы революции даже по отношению к рабочему государству;

б) должен избегать бюрократизации, когда руководящий центр, как и периферийные центры, превращается в поле для чиновничьего карьеризма;

в) должен избегать того, чтобы классовая политика разрабатывалась и осуществлялась по формальным и административным соображениям.

Опасность оппортунистических наслоений и чиновничьего авторитаризма может быть своевременно нейтрализована и устранена лишь путём активного участия политических органов пролетариата различных стран в политической жизни Интернационала, через их бдительный контроль над людьми и органами, стоящими во главе руководящих и ответственных центров.

V. НАША ТАКТИКА

Мы уже отмечали, что тактика партии не меняется вследствие видимых и формальных изменений внешних и политических условий государства.

Если ход войны не будет резко нарушен или коренным образом изменён в результате сдачи

того или иного сектора в результате успешного рабочего восстания, то против ожидаемой демократии под опекой победивших союзных сил наша партия поставит борьбу пролетариата на уровень революционной тактики, которая заключается в своевременной интерпретации ситуаций с точки зрения класса, в адаптации к ним лозунгов действия, в своевременном вооружении пролетариата основными идеями, подпитывающими его борьбу, и средствами, необходимыми для укрепления победы. Непосредственно после войны, когда под руководством социалистов и центристов будет повторён любимый приём демократической реакции – отвлечь революционный импульс и загнать его в тупик частичных и сиюминутных требований и компромиссов, воспользовавшись как неизбежной политической, экономической и моральной растерянностью, которая охватит все органы государства и дух масс, так и неспособностью правящего класса, ответственного за войну, организовать мир в смысле решения огромных проблем, поставленных войной, – наша партия будет адаптировать свою тактику в соответствии с созреванием благоприятных объективных условий и будет вести борьбу в русле революционной традиции, чтобы быть во главе, а не следовать за грядущими событиями. Поэтому очевидно, что тактические уловки демократии будут выброшены на свалку истории, как только партия сочтёт, что ситуация стремится к революционному решению.

Поскольку наша политическая линия не будет подвержена влиянию ни идеалистических представлений, ни теорий стихийности, что позволит воле партии к борьбе совпасть с волей широких масс, когда они в обобщённой форме выразят насущную необходимость революционного наступления для завоевания власти.

Но завоевания власти не может произойти, если партия предварительно не завоеует влияние на широкие массы пролетариата. С этой целью партия определяет свои задачи следующим образом:

а) массы не завоёвываются когда и как хочется, если объективные условия не возбуждают их; бесполезны манёвры партий с целью повлиять на них и заставить их действовать по мановению волшебной палочки;

б) боевой дух масс – когда он разгорается в борьбе – как на диаграмме отражает процесс

нестабильности и кризиса, который пронизывает производственный аппарат капитализма, его рынки и всю его политическую организацию. В этот момент партия может включиться в борьбу и стать одним из её определяющих элементов, вовлечь в свою орбиту массы, чтобы объединить их энергию и направить её на достижение определённых целей;

в) успех такого манёвра возможен в той мере, в какой партия сумеет создать в массах постоянные органы пропаганды, прозелитизма и агитации; в той мере, в какой она сумеет завоевать доверие постоянной приверженностью жизни пролетариата, его борьбе и его классовым требованиям; наконец, в той мере, в какой она продемонстрирует, что не обманывала неуместными и неискренними агитациями, пустыми забастовками ради забастовок или забастовками, противоречащими духу и интересам класса;

г) наша партия, не умаляя влияния других партий с рабочей традицией и важности этого влияния на массы, выступает за “единый фронт” – органическое проявление пролетарского единства вне партий, необходимое для борьбы и победы, естественную и свободную арену для столкновения противоположных политических течений, на которой наша партия будет играть ведущую роль в руководстве большинством пролетариата, потому что она является приверженным толкователем его воли, потому что она представляет его основные интересы и потому что, прежде всего, она доказала, что является его единственным и надёжным проводником в революционной борьбе.

VI. ПРОБЛЕМА ПРОФСОЮЗОВ

В настоящее время проблема профсоюзов не существует, а остатки старых профсоюзных организаций, действовавших подпольно, продемонстрировали, что они служат скорее пешками в политических агитациях, связанных с войной, чем подлинными органами рабочей борьбы.

Восстановление профсоюзов, которое произойдёт с окончанием войны, будет зависеть от политической ситуации и приведёт к значительному укреплению традиционного господства социал-демократов в профсоюзах и усилению авторитарности их бюрократии.

Несмотря на такие перспективы, наша партия как можно скорее поднимет вопрос о единой организации рабочего движения, восстановит

сеть своих профсоюзных фракций, начиная с коммунистических групп на предприятиях (состоящей из коммунистов и беспартийных рабочих) и заканчивая Национальным коммунистическим профсоюзным комитетом: и, если сочтёт это необходимым, выступит инициатором создания “Фронта профсоюзной левой” для свержения руководителей Конфедерации труда.

Между тем партия сосредоточит своё внимание и свою работу на систематической связи с цехами с целью формирования не только внутреннего аппарата, но и сети для руководства большими массами.

VII. РАБОТА СРЕДИ КРЕСТЬЯН

Эта война, подобно предыдущей, но, безусловно, в более широких масштабах, должна была углубить отрыв крестьян от мира вековых традиций и экономической и политической подчинённости, послужив, с одной стороны, разрушительным молотом против устаревших и ограниченных систем ведения сельского хозяйства, а с другой – против господства паразитических клик, поддерживающих крепостное право в сельском хозяйстве. Разрыв между сельским и городским населением стал уменьшаться, и многие недоразумения и различия исчезли; они сблизилась, объединённые практически физическими страданиями и моральными и политическими ограничениями, навязанными с помощью насилия безжалостной диктатурой и жестокой войной.

Если бы крестьянин, который думает медленно, но с ясной и глубокой логикой, после многих переживаний пришёл к пониманию связи взаимной ответственности между хозяином земли, которую он обрабатывает, и политическими силами, которые хотели этой войны на уничтожение, был бы сделан большой шаг к революции.

Наши сельские районы, которые война должна была преобразовать, подталкивая их, как это частично и произошло, в сторону более высоких ступеней экономического развития, на пятом году войны оказались в ужасающем состоянии, лишённые рабочей силы и запасов из-за систематических грабежей со стороны врагов и союзников, зажатые между мимолётными соблазнами черного рынка и девальвацией валюты, которая сводит на нет их жертвы, и под давлением монопольной и грабительской интервенции государства. Мы не сомневаемся, что эти события породили в душах крестьянских масс отвращение

и ненависть к экономическому и политическому режиму, который, как показал опыт, является бессмысленным и преступным.

Поэтому послевоенный период обещает быть богатым революционными переменами и в этой сфере, где до вчерашнего дня промышленный пролетариат сталкивался с упорным сопротивлением общим усилиям по освобождению. Наша партия всегда признавала роль, которую крестьяне, особенно бедные, должны сыграть в итальянской революции, и уже сейчас ставит на повестку дня проблему крестьян, принимая программу, определённую на II съезде Итальянской коммунистической партии – программу, которая остаётся актуальной и в качестве тактического подхода на этапе, предшествующем захвату власти, и в качестве конкретного и конструктивного направления на первом сложном этапе построения социалистической экономики.

С практической точки зрения партия рассчитывает на реорганизацию профсоюзов сельскохозяйственных рабочих и союзов издольщиков и мелких арендаторов, а для мелких землевладельцев – на создание ассоциации по защите их экономических интересов.

Центральный комитет Интернационалистской коммунистической партии

Сентябрь 1944 г.

Представлено ЦК в ноябре того же года.

Из брошюры, издание Интернационалистской коммунистической партии, 1945 г.

Переписка с товарищем

ПО ПОВОДУ “МАНИФЕСТА”

Работа над нашим “Манифестом” стала важным шагом в политическом самоопределении группы и, как мы и ожидали, вызвала живой отклик среди товарищей. Мы всегда были убеждены, что марксизм – это не застывшая догма, а руководство к действию, требующее постоянной сверки теории с живой практикой и открытой, бескомпромиссной товарищеской дискуссии. Именно поэтому мы открываем новую рубрику “Переписка с товарищем”, в которой будем публиковать наши ответы на вопросы, критику и комментарии читателей. В первом выпуске этой рубрики мы разбираем важнейшие теоретические узлы, затронутые в откликах на “Манифест”: диалектику разрушения буржуазного государства и отмирания пролетарского полугосударства; ложность метафизического противопоставления экономической и политической борьбы; историческую оценку сталинизма как завершённой буржуазной контрреволюции и троцкизма как течения, не преодолевшего центризм; а также материальные корни пассивности современного пролетариата в империалистических метрополиях. Эта полемика – не академическое упражнение, а наш необходимый вклад в работу по подготовке идейно-политического фундамента будущей мировой коммунистической партии.

Наш “Манифест” не остался без отклика. Едва мы разослали его для ознакомления нашим сторонникам, как тут же получили несколько писем с комментариями и вопросами.

Уже сам этот факт указывает на то, что в недрах нашего класса *бродит призрак коммунизма*, имеется потребность к теоретическому осмыслению истории и современности борьбы классов, а также желание определить задачи авангарда пролетариата. Именно поэтому уже с первого номера нашего журнала мы открываем рубрику “Переписка с товарищем”, в которой намерены вести диалог как с пролетарскими революционными организациями, так и с отдельными товарищами по классу.

Один из товарищей пишет: *«Для начала отмечу чёткость позиции по некоторым вопросам (видение состояния рабочего класса, отношение к троцкизму, сталинизму и другим течениям, развитию международных отношений, развитию классовой борьбы и проч.). Это, в целом, то, чего ожидаешь от манифеста как такового, но на своём опыте скажу, что далеко не все считают нужным демонстрировать её (не осмеливаются или ещё что, не знаю)».*

В письме другого товарища мы читаем: *«Вы выводите свою преемственность напрямую из “Манифеста Коммунистической партии”. Но он написан более 150 лет назад. Что, за всё это время никакого развития коммунистической теории не было? Все эти 150 лет нужно выкинуть и забыть? Именно такой вывод напрашивается из первого абзаца. Думаю, надо хотя бы вкратце упомянуть основные вехи развития марксизма после Маркса, а также его развитие самим Марксом. “Манифест” лишь первый этап, фундамент дальнейшего теоретического построения. Обязательно надо назвать и “Капитал”, и ленинский “Империализм...”».*

Конечно, за 150 лет после публикации “Манифеста Коммунистической партии” марксистская теория развивалась, и мы не призываем «выкинуть и забыть» всё это развитие – такой вывод совершенно не напрашивается. Мы лишь хотим показать, что 1) продекларированные в “Манифесте” конечные цели коммунистического и рабочего движений *более актуальны* для нашей эпохи, чем для эпохи его авторов; 2) именно наша группа разделяет эти цели.

Ничего другого в этом по необходимости кратком предисловии *программного* документа и не должно быть. Кроме того, “Капитал” Маркса и “Империализм...” Ленина не являются *программными* документами, с которыми должна быть установлена преемственность нашего *программного* же документа. Это, безусловно, вехи в развитии марксистской теории и науки вообще, важнейшие фундаментальные работы, анализ которых мы разделяем, но этот анализ носит *экономический* характер, то есть *помогает* сделать *политические*, программные выводы, обосновывает их, но сам по себе не содержит заявлений о стратегических целях.

Оба товарища затронули вопрос отношения марксизма и государства: *«Мы не раз говорили, ссылаясь на “Государство и революцию”, что, в отличие от анархистов, считаем, что государство должно отмереть, а не что его нужно уничтожить, и, соответственно, задача стоит в уничтожении условий необходимости государства, а не его самого»,* — пишет первый.

«Из того, что “современной частной собственности соответствует современное государство”, совершенно не вытекает, что уничтожение частной собственности требует уничтожения государства. Более того, если исходить из Маркса-Энгельса, то зависимость обратная. Частная собственность появилась ранее государства и была необходимым условием его появления. Отсюда государство как явление невозможно уничтожить, не уничтожив частную собственность и разделение труда. Если вы имеете в виду не государство вообще, а буржуазное государство, то это надо высказывать более чётко. Что первым шагом к уничтожению частной собственности (и разделения труда) является уничтожение буржуазного государства и его замещение пролетарским отмирающим полугосударством», — утверждает второй.

Всё верно, в нашем манифесте имеется в виду уничтожение именно *современного*, то есть *буржуазного*, государства. Это понятно из контекста. Во втором предложении прилагательное “современный” по отношению к частной собственности и государству не применяется чисто из стилистических соображений, чтобы не загромождать текст, ведь из предыдущего предложения понятно, о каких именно частной собственности и государстве идёт речь.

Итак, в контексте легко можно проследить логическую цепочку: “цель коммунистов – уничтожение частной собственности” & “современной частной собственности соответствует современное государство” => “по мнению коммунистов, уничтожение современной частной собственности требует/предполагает/подразумевает уничтожения современного государства”.

При этом речь идёт не об *абстрактном* “уничтожении”. Как писал Маркс в “Критике Готской программы”, между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе, которому *«соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»*¹. Буржуазную государственную машину нельзя просто взять в готовом виде или абстрактно отменить – её необходимо сломать, разбить вдребезги, заменив пролетарским *полугосударством*, которое начнёт отмирать по мере исчезновения классовых антагонизмов.

¹ - Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 19. С. 27.

Этот же товарищ пишет: *«Думаю, что тезис “Коммунизм или варварство” лучше заменить тезисом “Коммунизм или смерть”, ибо современное состояние капитализма угрожает не только существованию цивилизации, но и существованию самого человечества».*

Мы использовали формулу “Коммунизм или варварство” по нескольким причинам:

1) в качестве отсылки к традиции революционного крыла марксизма в лице Розы Люксембург, которая в своей работе “Кризис социал-демократии” (также известной как Брошюра Юниуса) популяризировала высказывание Энгельса, который, по её словам, так сформулировал дилемму, стоящую перед человечеством:

«Фридрих Энгельс сказал как-то: буржуазное общество стоит перед дилеммой: или переход к социализму, или возвращение к варварству»².

Естественно, вместо термина “социализм” мы использовали “коммунизм”, так как, в отличие от эпох Энгельса и Люксембург, в наше время эти течения окончательно разделены и враждебны друг другу.

2) нам кажется, что для замены “варварства” на “смерть” нет оснований, так как “смерть” – лишь гипотетический и при этом крайне маловероятный сценарий (учитывая “гибкость” капитализма и отсутствие у правящего класса буржуазии, объективного интереса к уничтожению человечества), в то время как “варварство” мы можем наблюдать прямо сейчас. При этом мы ни в коей мере не можем исключать возможность того, что человечество может быть уничтожено в империалистических войнах вопреки воле буржуазии.

«Очень правильно приведена цитата Маркса о необходимости действительного коммунистического действия. Да, возглавить это практическое движение должна мировая коммунистическая партия. Да, такой партии сейчас нет. Но создание такой партии не является ближайшей практической задачей организации. Этим вы уходите в сторону идеализма. Партии не создаются по воле (прихоти, желанию) отдельных субъектов. Для их появления необходима масса объективных и субъективных причин», — продолжает товарищ.

Абсолютно согласны. Более того, в манифесте мы подчёркиваем, что *«рассматриваем свою деятельность как **часть** практического движения к коммунизму, как **борьбу** за создание [мировой коммунистической] партии, а наш **манифест** – лишь как **один из** необходимых **шагов** на пути к её созданию».*

То есть, речь идёт о процессе создания этой партии, в котором мы уже участвуем – наряду с другими представителями пролетарского авангарда. Сроки этого процесса напрямую связаны с объективными условиями, и его вызревание не зависит от нашей субъективной воли. Мы принципиальные противники любых проявлений волюнтаризма.

² - Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М.: Красная новь, 1923 (обл. 1924). С. 10.

Товарищ утверждает: *«Абзац о размежевании с экономистскими и “рабочистскими” тенденциями изложен не чётко».*

“

Мы посчитали, что в программном документе нет необходимости разъяснять смысл экономистских и рабочистских тенденций, достаточно просто декларировать, что мы к ним не принадлежим, и это сказано чётко и недвусмысленно.

«Да, классовая борьба всегда по содержанию политическая борьба, даже в тех случаях, когда она происходит в экономических формах. Поэтому формальное разделение экономической и политической борьбы есть запутывание вопроса, требуется чётко различать (не смешивать) форму и содержание. Задача коммунистов не противопоставлять экономическую форму классовой борьбы её политическому содержанию (это не только глупо, но и невозможно), а постоянно показывать, что экономическая форма является зачаточной формой классовой борьбы, которую необходимо развить до её высшей политической (революционной)», — цитируем этого же товарища.

”

Мы не можем согласиться с тем, что

1) *«классовая борьба всегда по содержанию политическая борьба»*

Классовая борьба может начинаться в экономической форме и даже иметь экономическое содержание. Это может продолжаться годами и десятилетиями. Более того, не всякая политическая классовая борьба является революционной борьбой пролетариата против капитализма.

Констатируя это, мы категорически отвергаем метафизическое, недialeктическое разделение экономической и политической борьбы. Как указывал Маркс в письме к Ф. Больте (1871 г.): *«[...] всякое движение, в котором рабочий класс противостоит как класс господствующим классам и стремится победить их путём давления извне, есть политическое движение. [...] из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает политическое движение, то есть движение класса, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества. Если эти движения предполагают некоторую предварительную организацию, то они, со своей стороны, в такой же степени являются и средством развития этой организации»³.* Действительно, любая крупная экономическая стачка неизбежно сталкивает рабочих с государственной машиной буржуазии – с полицией, судами, законами, – тем самым объективно приобретая политический характер. Отрывать экономику от политики и утверждать, что экономическая борьба не может дорасти до политической – значит впадать в тот самый оппортунистический “экономизм”, который беспo-

³ - Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 33. С. 282–283.

щадно громил Ленин в работе “Что делать?”. Задача авангарда – не отрицать политический потенциал экономической борьбы, а, участвуя в ней, переводить искры недовольства экономическим положением в пламя осознанной революционной борьбы против власти капитала.

Но можем согласиться с тем, что

2) *«формальное разделение экономической и политической борьбы есть запутывание вопроса».*

Поэтому призываем к тому, что это разделение должно быть не формальным, то есть метафизическим, а конкретным, то есть диалектическим. Первая может развиваться во вторую, но это невозможно без вмешательства пролетарского авангарда – материализованного сознания нашего класса. И это вмешательство невозможно без третьей формы классовой борьбы, которую выделял ещё Энгельс. Думаем, читатель понимает, что речь идёт о теоретической борьбе, которая для нас сейчас как раз является наиболее актуальной.

Об этом Ленин писал в “Что делать?”:

«Энгельс признаёт не две формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), – как это принято делать у нас, – а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу»⁴.

Нельзя согласиться с тем, что

3) *«Задача коммунистов не противопоставлять экономическую форму классовой борьбы её политическому содержанию (это не только глупо, но и невозможно)»*

Экономическая форма борьбы не может иметь политического содержания просто по определению, иначе её бы назвали политической. Политическому содержанию соответствует политическая форма борьбы, а экономическому содержанию – экономическая форма. Во многих случаях (если не в подавляющем большинстве) экономические требования (повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда и т. д.) могут вообще не касаться вопросов политики.

Товарищ пишет:

4) «экономическая форма является зачаточной формой классовой борьбы, которую необходимо развить до её высшей политической (революционной)».

Это верно, но требует уточнений. Далеко не все случаи экономической борьбы и далеко не всегда могут даже *в принципе* развиваться до борьбы политической. Кроме того, политическая и революционная формы борьбы – далеко не синонимы. Политическая форма тоже может быть *примитивной* и находиться очень далеко от своей высшей формы – революционной, в этом случае рабочие не только не выступают против “своих” буржуазии и государства, но даже лояльны им и апеллируют к их же законам, “ценностям” и даже символике, не понимая, чьим интересам эти самые законы, “ценности” и символика отвечают (пример – Россия 1990-х и 2010-х годов).

⁴ - Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 6. С. 25.

Является ли политическая борьба высшей формой классовой борьбы? Безусловно, да. Означает ли это, что любая классовая борьба может развиться до политической и тем более революционной? Безусловно, нет. Разные формы просто могут сосуществовать рядом друг с другом (хронологически и/или географически), никак не развиваясь и не влияя друг на друга. При этом только в случае привнесения коммунистического сознания (авангардом класса) в классовую борьбу пролетариата политическая борьба может получить шанс дорасти до революционной. В противном случае, даже достигнув политического уровня, борьба класса так и будет крутиться в орбите интересов какой-либо из фракций буржуазии.

По данному поводу Ленин в брошюре “Что делать?” обширно цитирует К. Каутского, который на тот момент ещё являлся марксистом:

«[...] социалистическое сознание представляется **необходимым непосредственным** результатом пролетарской классовой борьбы. А это **совершенно неверно**. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают **рядом одно с другим, а не одно из другого**, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всём своём желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция [...]: в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщён выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесённое (*von außen Hineingetragenes*) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (*urwuchsig*) из неё возникшее. Соответственно этому старая Гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что **задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) сознания его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы**»⁵.

Приводя эту цитату, мы понимаем, что нас ждёт неизбежная дискуссия со сторонниками различных рабочистских и спонтанистских течений. Сыграем на опережение.

Прежде всего для правильного понимания приведённой ленинской мысли её следует поместить в контекст *конкретно исторических условий* того времени, когда в российской рабочей среде было широко распространено течение экономистов, которые считали, что пролетариат должен ограничиться экономической борьбой, оставив политическую борьбу либералам. Были и те, кто считал, что развитие рабочего движе-

⁵ - Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 6. С. 38–39.

ние само *стихийно* поспособствует росту классового политического сознания пролетариата. Ленин же в борьбе против этих течений указывают на задачи пролетарской партии в данном конкретном историческом контексте: развивать политическое сознание пролетариата, выводить его за рамки узкой борьбы против буржуазии на фабрике, разъяснять, что буржуазия не едина, расколота на фракции, между которыми идёт борьба, а в условиях России того времени имеется ещё и феодальная землевладельческая аристократия, а также широкие мелкобуржуазные слои; все они имеют свои особые интересы, которые могут сходиться, но никогда не будут общими, едиными; пролетариат должен это знать и использовать в своей борьбе. Таким образом, с точки зрения Ленина, *«вносить сознание извне»* означает привносить его *из-за* пределов фабрики, из-за пределов отношений фабриканта и наёмного рабочего, открывать рабочему глаза на всю широту общественной жизни, её многообразие, противоречия и тем самым способствовать превращению пролетариата из *“класса в себе”* в *“класс для себя”*, в класс, сознательно борющийся против частной собственности.

По поводу раздела “Метод” товарищ пишет: *«Представляется, что этот раздел необходимо основывать на “Трёх источниках...” Ленина. То есть исходить из примата философии и политэкономики, благодаря которым социализм превратился из утопии в науку».*

Мы посчитали, что здесь, как и во многих других местах, достаточно просто продекларировать принадлежность к марксистской школе, чтобы изначально отмежеваться от других социалистических течений. В программном документе, наверное, не к месту было бы подробно расписывать преимущества марксизма перед другими направлениями революционной мысли. Это неизбежно было бы поверхностно и потому неубедительно.

Другой товарищ обращает внимание на ещё одну мысль из нашего *“Манифеста”*: *«мы точно знаем, что теоретики, которые предсказывают “автоматический” крах капитализма или указывают его конкретные “объективные” границы, являются антинаучными».* Он комментирует: *«То, что на этом делается акцент, опять же, даёт довольно чёткое представление о позиции, но возможно этот момент следует расписать поподробнее, почему “мы точно знаем” это. Стоит ли это делать в манифесте – не знаю, это всё-таки довольно тезисный документ по своей сути».*

Да, в “Манифесте” мы лишь тезисно задекларировали наши позиции. В дальнейшем в наших публикациях мы ещё вернёмся к этому вопросу.

Мысль из “Манифеста” о том, что в катастрофических кризисах перепроизводства всё чаще уничтожаются производительные силы заставила этого же товарища написать: *«Если смотреть на XX век, то явной тенденции на увеличение частоты кризисов перепроизводства не видно, да и катастрофическими я бы далеко не все назвал... А в XXI веке они пока что случались редко, если сравнивать с XX. Такое ощущение, что имеется в виду что-то отличное от того, о чём думаю я».*

Здесь мы говорим о том, что в нашу эпоху развитого, то есть монополистического капитализма с его производительными силами, которые несопоставимо больше, чем на его предыдущих стадиях, эти кризисы стали гораздо более частыми и масштабными, чем в эпоху его “молодости”. Причём в буржуазных СМИ они, как правило, не анализируются как таковые. Не говоря уже о том, что в некоторых секторах, например, в текстильной промышленности или в секторе недвижимости, они стали *перманентными*, чего не было в эпоху раннего капитализма. В XXI веке характерные примеры таких кризисов, которые длились годами, мы могли наблюдать во время “великой рецессии” 2000-х гг., когда в США пустели жилые дома, а сотни тысяч людей оставались без крова; в разгар пандемии COVID-19, когда фармацевтические компании уничтожали миллионы тестов на коронавирус, когда спрос на них резко падал, вместо того, чтобы раздавать их или хранить до тех пор, пока спрос не восстановится. Были ли эти кризисы “катастрофическими” – не в смысле фатальными для капиталистической системы, а в смысле чудовищными с точки зрения масштабов человеческих потерь нашего класса (в виде смертей, потери здоровья, сломанных жизней, распада семей и т.д.) и потерь производительных сил человечества? Мы считаем, что да.

Приведём цитату из “Манифеста”:

«Эта беспрецедентная революционная волна была сметена колоссальной по силе контрреволюцией. В течение 1920-х - 1930-х годов сталинизм...»

«Здесь (и не только, ограничусь этим цитированием) сталинизм называется контрреволюцией. Это, на мой взгляд, один из краеугольных камней нашей позиции, поэтому, мне кажется, стоит дать уточнение, почему именно это так. Обычно после этих слов идёт обвинение в троцкизме. Ниже в тексте раскрывается отношение и к Троцкому (что очень правильно), но я боюсь, что, во-первых, часть потенциальных читателей может просто перестать читать манифест до конца, а во-вторых, его недостаточно конкретно в вопросе отношения к сталинизму», — последующий комментарий товарища.

Всё-таки мы считаем, что в программном документе достаточно декларации своих позиций. Тем более эта тема действительно крайне важна, и она ещё не раз будет затрагиваться в наших публикациях. А по поводу того, что «часть потенциальных читателей может просто передумать читать манифест до конца»: возможно, это так, но такие “издержки” могут быть в отношении любого документа и даже литературного текста.

Ещё одна цитата из “Манифеста”:

«впервые сделал рабочий класс субъектом международных отношений»

Комментарий товарища: **«Можно ли назвать тех, кто непосредственно участвовал в международных отношениях, рабочим классом, а не его представителями или выразителями его воли?»**

Этот момент отсылает нас к дискуссии об отношениях между классом и партией и партией и её вождями, которую наша школа вела с другими революционными течениями. Наверняка мы к ней ещё вернёмся в наших материалах, а здесь лишь отметим, что когда мы говорим о субъектах международных отношений, то не имеем в виду конкретных людей: даже с точки зрения наиболее адекватных буржуазных школ, субъектами международных отношений являются не личности, а *государства*, и марксизм с этим согласен, но считает, что этого *недостаточно*: он идёт дальше и задаёт вопрос: а какой *класс* управляет государством? И приходит к выводу, что действительными субъектами международных отношений являются *правящие классы*, использующие свои *государства* (и другие организованные силы) для проецирования своих интересов. Поэтому, с точки зрения марксизма, вполне корректно говорить, что если рабочий класс становится господствующим классом, то он становится и субъектом международных отношений.

Товарищ пишет: **«Я бы сказал субъектом геополитики, а не международных отношений».**

Мы сознательно не употребляем термин “геополитика”, в отличие от той же *Lotta Comunista*, так как прекрасно помним, что этот термин описывает *антинаучный* подход к описанию отношений между нациями и государствами, основанный на вульгарно-материалистической концепции о решающей роли физико-географических условий в жизни человеческого общества, в некоторых случаях дополняемой биологизаторскими концепциями, такими как расизм, социал-дарвинизм и мальтузианство.

Ещё одна цитата из “Манифеста”:

«Контрреволюционная волна и следующие за ней десятилетия господства буржуазии породили не только чудовищ капиталистической

реакции, но и многие из более или менее влиятельных идеологий фальшивого социализма – сталинизм, маоизм, кастроизм и геваризм, чучхе, чавизм и др. Все они в своё время родились в качестве буржуазных идеологий “догоняющего развития”, призванных сопровождать централизацию и ускорение капиталистического развития соответствующих отсталых стран».

Комментарий товарища: *«Централизация и ускорение капиталистического развития создают объективные условия для классовой борьбы, ещё в «Унитарном империализме» приветствовались такие движения в странах третьего мира. И хоть я, признаться, с большим скепсисом отношусь к оптимизму ЛС в этом моменте (ибо уже на тот момент из истории было понятно, что чаще это приводит к перекрытию кислорода пролетариату в этой борьбе), это всё ещё соотносится с марксизмом. Другое дело, что эти идеологии из национально-освободительных превращались в национально-закрепостительные. Суть процитированного, конечно, понятна, но, мне кажется, может возникнуть неоднозначная трактовка».*

В данном случае речь идёт не о том, “приветствуем” ли мы эти исторические движения и идеологии или нет, а о том, что мы 1) отмежевываемся от современных сторонников этих идеологий, которые сейчас мало того, что обслуживают интересы тех или иных фракций буржуазии, так ещё и дискредитируют марксизм и коммунизм; 2) показываем, какое место им отводит марксистская школа, в отличие от всяких псевдокоммунистов.

В своём манифесте мы не зря так обширно цитировали важнейшие тезисы Ленина на II конгрессе Коминтерна, так как они дают ключ к тому, как к этой проблеме стоит подходить в целом, в том числе и в этих случаях.

В случае движений фальшивого социализма можно сказать, что они не только с самого начала выражали империалистические интересы (сталинизм) или присоединялись к одному из империалистических блоков, а именно к блоку СССР (как все остальные; маоизм впоследствии сменил ориентацию и присоединился к США), но некоторые из них вели прямую борьбу за уничтожение марксистского движения и достигли в этом своей цели (сталинизм, маоизм).

Конечно, часть этих движений и соответствующих идеологий могли частично выполнять национально-революционную роль, но в целом это была далеко не главная их черта, ради которой марксисты могли бы их “приветствовать” (так, сталинизм, который возник в России, не являющейся “страной третьего мира”, отчасти играл национально-революционную роль в контролируемых им отсталых странах Средней Азии, но это несопоставимо с тем колоссальным ущербом, который он нанёс рабочему классу в мировом масштабе).

Ещё одна цитата из *“Манифеста”*:

«Самым известным из таких течений является троцкизм, который в настоящее время даже не имеет единой теории и деградировал до уровня мелкобуржуазных идеологий».

Комментарий товарища: *«Как я сказал выше, факт демонстрации отношения к троцкизму важен, но здесь противоречие закралось. Сначала утверждается, что троцкизм – это течение, потом – что это течение не обладает единой теорией и, соответственно, не является цельным. А в конце – что течение троцкизма деградировало. Не оспариваю сам факт, но если у троцкизма нет единой теории, можно ли говорить о том, что троцкизм – это какое-то одно течение, а не несколько? И какие из них деградировали? Вообще, не перестаю удивляться, какие разные люди называют себя троцкистами. Порой не понимаю, какая там вообще связь с Троцким».*

Этот вопрос мы рассматриваем в исторической перспективе, в его развитии, понимая при этом, что любое течение в обществе можно считать единым лишь *относительно*, до определённой меры: изначально троцкизм действительно можно считать условно единым течением, возникшим на основе идей Троцкого в России, а затем в нескольких других странах, и первое время опирающимся на кадры, сгруппировавшиеся вокруг самого Троцкого. Со временем это условное единство распалось, но, как нам представляется, все эти течения можно считать троцкистскими, исходя из их если не организационной, то как минимум идейной преемственности с оригинальным троцкизмом, которая выражается в принятии 1) концепции деформированного рабочего государства; 2) теории перманентной революции Троцкого; 3) некоторых исторических трактовок Троцкого, связанных с историей партии, Русской революции и контрреволюции.

Ещё один товарищ пишет: *«В корне не согласен с выделением Троцкого, по сути он не вышел за рамки сталинизма».*

Мы считаем, что Троцкий всё-таки вышел за рамки сталинизма. Фундаментальными принципами сталинизма, которые его отличают и на котором стоит буквально всё его здание и без которых оно полностью разрушится, являются утверждения о том, что 1) в 1930-х гг. в СССР был в основном построен социализм как в экономике, так и в политической надстройке, 2) в дальнейшие годы (по крайней мере до смерти Сталина) СССР всё более *приближался* к социализму как в экономике, так и в политической надстройке.

Но Троцкий не разделял это видение: он считал, что 1) *«в СССР далеко не достигнута ещё и первая стадия социализма»⁶* в экономике, не говоря уже

⁶ - Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. С. 44.

о политической надстройке, на которой и была во многом сосредоточена его критика, и что правильнее *«нынешний советский режим, во всей его противоречивости, назвать не социалистическим, а подготовительным или переходным от капитализма к социализму»*⁷; 2) с тем руководством, которое тогда управляло СССР, страна движется в обратную сторону, *отдаляется от социализма, но окончательно исход этого процесса не решён.*

Он писал:

*«В каком направлении развернётся в течение ближайших трёх-пяти-десяти лет динамика экономических противоречий и социальных антагонизмов советского общества, на этот вопрос окончательного и бесповоротного ответа ещё нет. Исход зависит от борьбы живых социальных сил, притом не в национальном только, но и в интернациональном масштабе»*⁸.

Его теория деформированного рабочего государства, наиболее полно изложенная в “Преданной революции” (откуда взяты приведённые цитаты), хотя и далека от марксизма, научности и строгости, всё же не может быть классифицирована как одна из сталинистских теорий. Существуют даже теории, критикующие лично Сталина (за отдельные ошибки, “перегибы”, волюнтаризм, излишнее применение насилия, особенно по отношению к коммунистам, и т. д.), но сталинистские по сути, и даже к этой категории теория Троцкого не относится, так как она а) затрагивает гораздо более фундаментальные вопросы и лишь в малой степени касается качеств отдельных личностей, б) не разделяет ни один из фундаментальных принципов сталинизма, описанных выше.

Тот же товарищ пишет: *«В текущем периоде не указаны конкретные задачи коммунистов. Понятно, что “ждать роста стихийной классовой борьбы наёмных работников в развитых империалистических метрополиях в ближайшей перспективе точно не приходится”, что завершились “первоначальное накопление капитала” и аграрные революции, что ушли в прошлое национально-освободительное и антиколониальное движения. Но что конкретно делать в этих условиях? Бороться за уничтожение частной собственности? Замечательно. Но как?»*.

У нас пока нет окончательного ответа на этот вопрос, и в “Манифесте” мы признаём, что для нас *проблема* заключается в том, как именно будет развиваться этот процесс.

Но на вопрос “что делать?” мы отвечаем категорическим отказом от пассивного созерцания и академического выжидания. Знаменитый 11-й тезис Маркса о Фейербахе гласит: *«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»*⁹. Мы не имеем права лишь “внимательно следить” за классом, ожидая, когда созреют условия. Ленин называл такую позицию “хвостизмом”, плетущимся в арьергарде стихийного движения. Задачей

⁷ - Там же. С. 43.

⁸ - Там же. С. 44.

⁹ - Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 3. С. 4.

коммунистов, как писал Ленин в статье “С чего начать?”, является немедленный переход к практической организации: создание общерусской (в нашем случае – интернациональной) политической газеты – коллективного пропагандиста, агитатора и организатора. Этот орган должен внедряться в каждое стихийное выступление рабочих, неразрывно связывая теоретическую работу с практическим руководством борьбой масс уже сегодня, подготавливая кадры для будущей борьбы за бесклассовое общество.

Ещё одна цитата из *“Манифеста”*:

«Сегодня имеет место более сложная по сравнению с капитализмом XIX – начала XX веков стратификация наёмных работников... Именно этим обусловлено отсутствие массового рабочего движения и крайняя слабость революционного меньшинства в центрах империалистического развития».

Комментарий товарища: *«Думаю, что такая стратификация и относительное расширение межклассовой прослойки не являются сами по себе причиной слабости рабочего класса: люди с несколькими источниками дохода, хоть и находятся в менее уязвимом положении, обычно более чутки к политическим и экономическим турбуленциям и, соответственно, более сознательно к ним относятся, разделяя при этом в целом интересы рабочего класса».*

Слова “именно этим” относятся ко всей совокупности факторов, перечисленных абзацем выше, а не только к более сложной стратификации современного общества. В остальном у нас нет возражений. Действительно, уровень чуткости к политическим и экономическим турбуленциям не имеет прямой корреляции с уровнем дохода и материального положения. Известны представители буржуазии, которые переходили на сторону пролетариата. Известна и роль высших слоёв класса наёмных рабочих в революционном движении. Мы далеки от позиции тех, кто считает необходимым делать ставку на наиболее отсталые и пауперизированные слои общества.

Указывая на усложнение стратификации наёмных работников в центрах империализма, мы не должны скатываться к буржуазно-социологическим оправданиям спада классовой борьбы через абстрактное наличие “нескольких источников дохода”. Истинная материальная база оппортунизма и пассивности в странах-метрополиях была блестяще вскрыта Лениным в работе “Империализм, как высшая стадия капитализма”. Империалистическая буржуазия, извлекая монопольные сверхприбыли, имеет экономическую возможность подкупать верхнюю прослойку “своего” рабочего класса, создавая обуржуазившуюся “рабочую аристократию”. Эта привилегированная прослойка является главной социальной опорой реформизма и агентурой буржуазии внутри рабочего движения. Без беспощадного разрыва с этим оппортунистическим слоем и разоблачения его предательства ни о каком формировании революционного сознания в империалистических центрах не может быть и речи.

Март 2026 г.

“Коммунистический Прометей” – это группа революционных марксистов, рассматривающих свою деятельность как часть всемирного движения рабочего класса за преодоление капитализма. Мы опираемся на программное ядро “Манифеста Коммунистической партии” и исходим из того, что коммунизм – не утопия и не абстрактный идеал, а историческая необходимость, вырастающая из самого развития современного общества.

Мы убеждены, что капитализм выполнил свою историческую роль. Создав мировой рынок и гигантские производительные силы, он одновременно обострил противоречия до глобального масштаба – от экономических кризисов до империалистических войн. Современная эпоха ставит человечество перед альтернативой: либо сохранение системы, порождающей эксплуатацию, неравенство и разрушение, либо её революционное преодоление – **коммунизм или варварство**.

Мы разделяем фундаментальное положение марксизма: **освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса**. Ни реформы, ни смена правящих групп, ни расширение “социального государства” не устраняют основы эксплуатации. Уничтожение частной собственности и товарного производства невозможно заменить национализациями, государственным регулированием или поиском “третьего пути” между капитализмом и коммунизмом. Либо общество остаётся в рамках капиталистической системы, либо переходит к непосредственно общественной организации труда.

Мы отвергаем все формы так называемого “реального социализма”, поскольку они сохраняли товарное производство, наёмный труд, деньги и государственный аппарат – то есть основы капиталистического способа производства. Сталинизм, маоизм и подобные идеологии представляли собой варианты государственного управления капиталом и сопровождали модернизацию отсталых стран, а не переход к коммунизму. Подмена уничтожения частной собственности её огосударствлением дезориентировала рабочий класс и скомпрометировала идею социализма.

Современный рабочий класс составляет большинство общества, но лишён политической самостоятельности, поскольку господствующими идеями остаются идеи буржуазии. Через медиа, образование, культуру и повседневные практики капитализм воспроизводит себя как “естественный” порядок, формируя у наёмных работников иллюзии национального единства, социального партнёрства и индивидуального успеха. Поэтому необходимо способствовать превращению стихийного недовольства в осознанную классовую позицию, направленную против самого капиталистического способа производства. Мы должны участвовать во всех проявлениях борьбы наёмных работников, обобщать их опыт, связывать частные конфликты с революционной перспективой.

Мы не считаем себя уже существующей мировой коммунистической партией и не претендуем на роль её единственного зародыша. Наша задача – способствовать её формированию как политической организации мирового пролетариата. При этом партия не должна заменить собой класс – она должна расти вместе с ним, обобщать его опыт, связывать разрозненные формы борьбы и придавать им сознательное направление. Освобождение возможно только как коллективное действие самого рабочего класса; партия лишь придаёт этому действию более организованный и целостный характер, не отделяя себя от исторического движения, частью которого она является.

Капитализм неизбежно порождает войны. Конкуренция капиталов и государств, борьба за рынки и ресурсы – это не отклонения, а логика системы. В нынешнюю эпоху большинство межгосударственных конфликтов носит империалистический характер, независимо от того, какие лозунги используются для их оправдания.

Перед лицом войн современного империализма коммунисты не выбирают “меньшее зло” и не становятся на сторону ни одной из воюющих буржуазий. Независимо от того, кто первым начал боевые действия, каждая из сторон защищает интересы капитала, делит рынки и сферы влияния. Поэтому нашей позицией остаётся **революционное пораженчество**: превращение империалистической войны в борьбу против собственно правящего класса. Поэтому мы сохраняем верность лозунгу немецких спартакистов: **“Враг в собственном доме”**. Главный противник рабочего находится не по другую сторону фронта, а в собственной столице, в собственном государстве, в собственном правительстве.

Мы живём в период вызревания условий будущих социальных потрясений. При всей слабости революционного движения в мировых центрах капитала объективные противоречия системы нарастают. Это требует не сектантского замыкания, а последовательной, терпеливой работы: распространения марксистской теории, участия в реальной борьбе, формирования кадров, способных соединить революционную теорию и практику.

Настоящее освобождение возможно лишь как коллективный акт мирового класса наёмных работников. После капитализма не будет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых – только свободное объединение людей, организующих производство и общественную жизнь на основе общих потребностей.